

DEFIANT

ПОМНИ МЕНЯ

MOTORCYCLE CLUB

КОРА БРЕНТ

Сотня лет. Два любовных треугольника. Вечная страсть. Мэддокс Маклеод всегда пользовался успехом у женщин. Но огромный список случайных любовниц, ни что иное как маска, из-за ранившего его предательства, которое до сих пор приносит боль. Когда Мэддокса просят вернуться обратно, в его родной город Раздор-Сити, к умирающему отцу, он должен на время оставить своих истинных братьев из МК «Отступники», и противостоять своим страданиям из прошлого. Мэддокс провел десять лет пытаясь забыть, что когда-то у него была девушка, которая держала его сердце в своих руках. И то, что есть его брат, который в конечном итоге предал его. Сам Раздор-Сити существует среди призраков и развалин старого Запада. В 1888 году молодая учительница Анника Ларсон отправилась на Территорию Аризоны и застряла между страстью двух вспыльчивых братьев. Один гангстер, другой блюститель закона, их различия были неоспоримы. Шрамы сокрушительной цепи событий, которые отражаются и в наше время, когда Мэддокс столкнулся с невозможностью выбора, и вечной любовью ... Частично Современный любовный роман, частично Исторический вестерн, это переплетение истории любви и искупления, является самостоятельным романом, с интригой и развязкой. *Переиздана! Содержит ненормативную лексику и сексуальные сцены, не рекомендуется для читателей в возрасте до 18 лет.

Кора Брент

ПОМНИ МЕНЯ

Серия: Мотоклуб #3

Над книгой работала: Юлия Даниленко

Редактор: Натали Иванцова

Обложка: Ника Метелица

Город Раздора, штат Аризона Территория.

1890.

В конце концов, есть только могила.

Надгробие было маленьким и скромным, выглядело временным. Но мернр больше и быть не могло. Год смерти был высечен грубо. И под этим — эпитафия одним словом: Брат.

Мужчина сбоку от неё был нетерпелив. Тело, которое было похоронено в недавно вырытую яму, мало что для него значило. Анника знала, что он сделал над собой усилие, позволив ей эти несколько минут, пока она опустилась на колени в грязь. Она взглянула вверх и взгляд мужчины на секунду встретился с её, а затем быстро переметнулся в сторону. Он был рядом с ней, только потому, что обещал беречь её. Ее горе его не интересовало.

Когда Анника встала, черный креп, из которого было сшито ее траурное платье, растрепало пыльным ветром. За два дня до этого, платье было бледно-желтым. Лючия ди Кампо могла его покрасить, так у Анники было хоть что-то подходящее. Не возможно было уйти от окружающего запаха смерти. Анника не могла дышать, не чувствуя себя укутанной им, пока она была укутана смертью.

— Мы должны идти, — сказал мужчина с заметным акцентом. Он по-прежнему смотрел в направлении Шахты Скорпиона и лениво потер плечо, куда неделей раньше получил пулю.

Аника не ответила. Вместо этого она посмотрела на горы, на небольшой участок, который был бы ничем не примечателен и выглядел частью пейзажа. Тем не менее, около двадцати лет назад усталый человек, искатель золота, остановился там. Он заметил любопытный рудник и сделал его бизнесом, чтобы обогатиться. Таким образом, обнажив секреты, принадлежащие скромному участочку.

Золото.

Благословение. Проклятие. Анника ненавидела это слово.

Горы уставились на неё в ответ так, как будто они не имели ничего общего с ужасными вещами, причиненными людьми. Она выругалась. Анника и не поняла, что говорила вслух, пока мужчина не посмотрел на нее с удивлением.

Это было несправедливо обвинять горы. Или деревья. Или небо. Люди будут поступать так же, как и раньше, в любом случае. Если причина была не в золоте, все было бы иначе. Анника понимала, что все это произошло не поэтому. Но на этот раз, ни у кого не будет того, что стало причиной такого количества крови. Она разобралась, что необходимо было сделать. Его надо было спрятать и пусть оно будет спрятанным, возможно, навсегда.

Мужчина подождал, пока она дохромала к тому месту, где он ждал с лошадьми. Лодыжка по-прежнему беспокоила ее, но не велико дело. Он помог ей сесть в седло кроткой гнедой, и она взяла поводья.

Когда Анника последовала за ним в кусты, она еще раз оглянулась. Место было одиноким, печальным пристанищем для тех, у кого нет оснований для более правильной жизни. Раздор-Сити принес много жертв. Претендовал на большие.

Аника написала последнее письмо своим близким на востоке страны. Она не знала, когда сможет написать еще одно. Пока она, молча, специально направляла лошадь

окружным путем, подальше от посторонних глаз Раздор-Сити, то оторвала накладку из уродливого черного крепа с платья и бросила его в сторону груды когтей пустынной кошки. Она также отбросила и длинную вуаль. Пусть другие женщины посвящают драгоценные годы своей жизни этим ритуалам траура. У Анники было к чему стремиться.

Боже, помоги ей, с ним никогда не будет просто. Делал с ней в постели то, что ни один мужчина никогда не сможет. Она не могла думать о нем, не вспоминая ощущение своего тела и страсть разбуженную им в ней. Анника не могла отделить его от того, кем он был, из-за жажды его прикосновений. Она не хотела. Женщина наклонилась вперед, к черной гриве лошади и попыталась успокоить свой разум.

Мужчина, медленно следующий на коне перед ней, ничего не знал о ее мыслях. Он только тихо выполнял обязательства.

— Мы сделаем остановку в полдень, не раньше, — бросил он коротко за спину.

— Как скажешь, — ответила Анника. Она взглянула на небо. До зенита оставались часы. Тем не менее, это не имело для нее значения. Ничего, кроме того, чтобы снова очутиться в его объятиях и подавить глубокое желание.

Анника высоко сидела в седле, но испытывая дискомфорт от корсета. Она проедет под этим палящим солнцем вечность, если это сулило возможность воссоединиться с ним.

В этом мире или любом другом.

Глава 1.

Феникс, Аризона.

Наши дни.

Элис любила хвастаться своим трахни-меня-в-зад телом. Она хладнокровно прогуливалась по своей квартире голой, как чертово солнце, в то время пока он околачивался с сигаретой во рту и своим членом в руке.

— Возвращайся, — умолял он, готовый к ней снова.

Элис Картер подарила сладкую улыбку, которая быстро разоблачала грязные мысли. Это вообще-то было просто прекрасно. Это было то, что Мэддоксу МакЛеоду нравилось в ней. Он также чувствовал какую-то привязанность к сочным пышностям, которые уставились ему прямо в лицо, когда она встала над ним и улыбнулась еще шире. Она выгнула левую бровь и прильнула жесткими сосками к его груди, когда он застонал. Черт бы ее побрал, она знала, как играть с ним.

— Ну, Мэд? Я вернулась. Так что ты собираешься делать?

Он схватил ее и уложил ее под себя. Пока ее гортанный смех клокотал в его ухе, он вошел в нее жестким толчком. Она сжала его внутри, засасывая, плотно обняв ногами, когда он схватил ее за светлые волосы и грубо вошел в нее. Она любила грубость. Это было в десятый раз за два месяца, как он приехал в Финикс из Куартзсайта поиграть в эти маленькие игрища.

— Проголодалась, да? — выдохнул он, пока пружины скрипели, когда она извивалась под ним.

Элис закрыла рот рукой.

— Заткнись, мать твою за ногу, — простонала она, содрогаясь, когда он схватил ее за сиськи и наполнил презерватив.

Он постепенно вышел из неё, и скатал резинку, заворачивая в салфетку, прежде чем бросить в мусорную корзину. Элис не обратила внимания на это. Она мечтательно разглядывала потолок с ее стройными перекрещенными ногами. Мэддокс провел пальцем по одному соску. Она, казалось, не заметила.

— Что? — спросил он, обидевшись на отсутствия ее интереса.

Элис улыбнулась.

— Просто думаю.

— О чем, бл*ть, ты думаешь?

Она ударила его по руке.

— Ты такой капризный ублюдок.

— Дерьмо, — проворчал он. — Ты думаешь о той цыпочке снова, да? Так, когда я с ней познакомлюсь?

Элис задумалась.

— Это может быть неудобно.

У Мэддокса была блестящая идея.

— Эй, ты думаешь, она может...

Он почувствовал удар острым локтем, прежде чем он сказал еще слово.

— Я говорила тебе, — терпеливо объяснила Элис, — она не плавает в этих водах.

Было слишком поздно. Мэддокс уже был очарован мыслью.

— Ты могла бы убедить её. Эй, если ты ей достаточно нравишься, то она захочет, осчастливить тебя, как не фиг делать.

— Но Мэд, милый, никто особенно не хочет осчастливливать тебя, как не фиг делать.

Он схватил в охапку ее задницу.

— Ты зажгла меня, детка.

Элис вздохнула и Мэддокс закатил глаза, раздражаясь, что она вот-вот снова разъяснит истины. Никто не нужен, чтобы разъяснять истины Мэддоксу МакЛеоду.

— Смотри, Мэддокс, мы провели чертовски хорошее время, — она приподнялась на локте и серьезно посмотрела на него. — Но когда ты находишься в отношениях, ты прекращаешь случайный трах.

Он улыбнулся ей. Он знал, какой эффект оказывал на женщин. Несмотря на ее усилия не поддаваться, уголки рта Элис дрогнули, и он увидел, как ее глаза сканируют крепкие мышцы его тела.

— Я не выбираю случайных, — напомнил он ей.

Она задумалась. — Нет, ты нет, — они встретились при непривычных обстоятельствах. Она была репортером и приехала в Квартсайт для интервью с Промиз, девушкой Грея. Там было много безбожничества и дерьма, и Мэддокс был счастлив, что ублюдки, ответственные за все это, теперь за решеткой. Но в ту секунду, когда он увидел Элис Картер, сидящую в том дерьмовом баре, хмуро смотрящую в свой ноутбук, он понял, что она та, кто просто должна у него быть.

Она немного наехала на него, когда упомянула, разрыв с подругой, но, к счастью Элис играла за обе команды. Теперь, если бы он только смог убедить ее кинуться в бой в презентации его персоны, и потом он возблагодарит Господа и станет мормоном, по крайней мере, через день или два.

Она посмотрела на его руку, как он специально провел по шелковистой коже ее левой груди. Потом оттолкнула его и начала искать свою одежду. Мэддокс понял прозрачный намек и перевернулся на спину, перекрещивая и закрывая руками глаза. Веселье закончилось.

Элис недовольно ответила. — Черт побери, у тебя никогда раньше не было отношений?

Она говорила о кое-чем другом, чем валяться на простынях. Мэд знал, что она хотела его до чертиков, но это было тем, чем было. Быстрая вспышка или две, и он возвращался на свой байк, несущийся вперед по пустынному шоссе. О, он не жаловался. Элис была слишком сложная. У него не было сил справляться с ней, с этой точки зрения. Честно говоря, у него действительно не было воли для ссор в этом плане, с любой женщиной. Он открыл двери к морю боли. Он уже знал все об этом.

— Отношения, — он нахмурился, пробуя слово на вкус, и уставился на потолочные балки.

— Да, — Элис пихнула его ладонью. Она поднялась на кровати и села, скрестив ноги. Она всегда пахла ванилью. — Знаешь, это когда люди держаться за руки и говорят друг другу «Я люблю тебя», не обращают внимания, когда чьи-то чужие волосы засоряют твою раковину. Это отношения.

— Ой, милая, — он взял ее за руку. — Я не знал, что тебя это настолько заботит.

— Пошел ты, — она пихнула его снова, но улыбнулась. — Нет, на самом деле, Мэд. Ты никогда ни в кого не влюблялся?

Он отвернулся от нее. — Нет.

Элис положила подбородок ему на плечо. — Я думаю, ты лжешь, — тихо сказала она и поцеловала его в щеку. — Я думаю, что что-то или кто-то ужасно с тобой обошелся однажды, и вот поэтому ты скачешь от киски к киске, как будто пытаешься одурачить свой член.

Мэддокс вскочил с кровати и умчался. Элис поперхнулась, он чувствовал, её взгляд на себе, когда начал яростно пробираться сквозь беспорядок вещей, разбросанных на полу. — Что, черт возьми, ты делаешь? — непонимающе спросила она.

— Уже поздно, Эл. Я одеваюсь и отправляюсь в свой гребанный путь, — он нашел свои джинсы и надел их. Его боксеров нигде не было видно, но х*й с ними. Мэд надел футболку и растянул выцветшую надпись Отступники. Темные волосы прошлись задепились за подбородок. Он знал, как лихо это действует на слабый пол, но его волосы развевались, как флаг, на открытой дороге и мешали зрению. Он не смог найти бандану, чтобы завязать её, когда будет возвращаться отсюда, ну и х*й с ней тоже.

— Мэд, — Элис тихо потянулась к нему. — Слушай, я извиняюсь. Я была сукой, — она действительно выглядела жалко, когда попыталась затащить его обратно. — Почему бы нам не перехватить немного еды, прежде чем уедешь?

Мэддокс покачал головой. — Нет, я думаю, что мы здесь закончили.

Элис вздохнула и прикусила губу. — Мы же друзья, Мэд. Так ведь?

Он остановился, повернувшись к ней спиной. — Да, знаю, Элис.

Потом он ушел, неумышленно хлопнув дверью ее квартиры, прежде чем она смогла ответить. Он услышал скрип открывшейся двери и ее голос, зовущий его, но он быстро шел вперед, не останавливаясь, пока не добрался до своего мотоцикла в душном гараже. Затем Мэд остановился, только лишь для того, чтобы перемахнуть ногу через горячее сиденье, завести двигатель, и рвануть. Он даже не смотрел, проезжал ли какой-либо транспорт.

После того, как он выехал из загазованного Феникса, то почувствовал себя лучше. За западной окраиной движение было не плотным, и это было хорошо. Мэддокс увеличил скорость и попытался выкинуть ее из мыслей. Ее туда не приглашали, и воспоминание о ее теле или сладкие переливы ее голоса тоже. Это не была вина Элис, и Мэду было немного жаль, что он поступил так, как поступил. Он поверил ей, когда она обещала свою дружбу, но есть некоторые вещи, которые он не мог рассказать. Даже Отступникам. Единственный, кто знал, Орион, и только потому, что Мэддокс по-пьяни выпалил все это однажды ночью. Мэд вспомнил ясно, как днем, как Глава мотоклуба Отступники уставился на него этими пронзительными ярко-голубыми глазами.

— Мэддокс, — прорычал он. — Лучший способ для мужчины остаться целым — держать своих чокнутых в прошлом.

Черт, он даже не был мужчиной, когда познакомился с ней. Восемнадцать лет, не делает из человека мужчину, хотя в то время он утверждал иначе. Это был его последний год в средней школе, когда она появилась в Раздор-Сити, обжигающая и нервная. Она, казалось, тут же возненавидела его.

— Прикальываешься, я них*ра не говорю по-испански, — раздраженно прошипела она впервые, когда они встретились, давая понять, что она не даст ему поблажек.

Мэддокс сложил руки в притворном извинении, но, если по правде, то она завоевала его прямо в тот момент. Мрачно красивая, пахнущая духами и бальзамом, она, казалось, думала, что изучила его, и ей не нравилось то, что она видела. Она была для Мэддокса неотразима.

Он никогда не встречался с девушкой, такой интеллигентной и невосприимчивой к его привлекательности. Это было настолько мило, когда он обнял её в первый раз.

Мэддокс прищурился на заходящее солнце, пока его глазам не стало больно. Он не думал о ее имени. Она была причиной, почему он никогда туда не приезжал, независимо от того, сколько раз старик просил вытащить свою усталую задницу из Куартцсайта, чтобы он мог увидеть своего младшего сына.

Габриэла.

Мэддокс закрыл глаза на несколько мгновений и рисковал разбиться на I-10, вывернув свои кишки наружу. Это было несколько проклятых слогов для Мэддокса МакЛеода.

Когда он открыл глаза снова, приблизилась фура, громокая, как сучье отродье. Мэддокс ускорился и наклонился вперед, чтобы горячий ветер расчесал его волосы, откинув их назад, с его лица.

Несмотря на все обиды, которые исходили от этого имени, Мэддокс не мог заставить себя ненавидеть ее. Нет, это чувство он уготовил для кого-то другого, для мужчины, с которым боялся находиться в одной комнате, боялся снова ощутить те страдания, которые превращали все в руины.

Родственные узы не значили ни черта, когда он вступил в братство. Ты можешь находиться в одном доме, быть той же крови, но там будет еще холоднее, чем в чужом. Если ее имя было проклятием, то его было чистой желчью. Старик хорошо понимал, не часто произнося его, но иногда оно проскальзывало. Это было неизбежно, Мэд понимал причину. В конце концов, парень был сыном, который остался заботиться о близких. Хороший сын.

Пока Мэддокс гнал по равнинному участку захудалой пустыни, которая была домом, солнце вынырнуло из-за небольшой горы, с неумело нарисованной Q на склоне. У него больше не будет думать о минувшей ерунде. Что сделано, то сделано. Не было никакого смысла в том, чтобы все это баламутить. Мэддокс никогда не думал увидеться с Габи или его братом снова.

Со стариком была совсем другая история. Мэддокс почувствовал острую боль, когда он вспомнил, как истощенный отец выглядел в последний раз, когда он заезжал. Священник МакЛеод не мог больше приезжать. Он водил новую модель автоматического F-150, и это казалось так чертовски неправильно. Кожа Священника иссохла, пока пьянство съедало его плоть, оставляя блеклую оболочку. Мэддокс следил за отцом в течение долгого, мучительного момента, пока тот забирался обратно в свой автомобиль, чтобы вернуться в Сити. Он, в свое время был крупногабаритным монстром, способным конкурировать с Орионом Джексоном. Но прошли те времена. Когда-нибудь все превратится в прах. Некоторые уходили быстро, другие исчезали с мучительной медлительностью. Но все равно все станут прахом. А что потом, какая нах*й разница зачем это делалось? Для чего же все это было?

Мэддокс впорхнул в город, пытаясь стряхнуть тоску. Он не был похож на него. Когда призраки минувшего иногда действительно грозились появиться, он обычно напивался или прогонял их прочь. Элис задала ему хорошую трепку, и сегодня вечером он не нуждался в женщине. Но бар будет открыт, и кругом будут его братья. Мэддокс почувствовал, что рад этой мысли. Они были тем, что ему нужно прямо сейчас.

Он отметил, что большинство байков стояли уже на стоянке перед баром. Время шло и становилось многолюднее. Мэддокс сперва решил чего-нибудь перехватить поесть. Он слишком хорошо знал, в его невзрачном трейлере не было вообще ничего.

Немного поморгав, чтобы привыкнуть к тусклому интерьеру бара, первым человеком, которого он увидел, была Рэйчел. Милая, добрая Рэйчел. Мэддокс мог возбудиться, просто думая о ней, хоть и с некоторой долей вины, с тех пор как она принадлежала Касперу, вызывающему заместителю Ориона. Но у них было несколько хороших моментов, прежде чем стало так. Она улыбнулась, когда увидела его, ее темные волосы в идеальном порядке обрамляли ее лицо в форме сердца. Он знал, что стал больше её уважать, после всего беспорядка с ее двоюродной сестрой Промиз. Она должна была понять, что он только встал в очередь из-за Грейсона, но это, похоже, не имело значения для нее. До тех пор он постоит.

Рэйчел кивнула на жирный пакет фаст-фуда, лежащий позади стойки бара. — Экстра-гамбургеры, если хочешь, Мэд.

Он хотел. Он также мог бы захватить по пути пиво и, был соблазн, хватануть за задницу Рэйчел, но Мэд не сделал бы этого. Каспер не понял бы, и даже если бы он не был заместителем, Мэддокс никогда не поступил бы так с братом. Он знал, что у него были недостатки, но замутить с женой человека, которого он уважал, не из их числа.

Бургер поместился в рот за два укуса, и он прогнал его большим глотком пива. Этого было не достаточно. Ему нужно было что-то посущественнее. Рэйчел будто почувствовала его беспокойство и вручила ему рюмку, вертя на уровне своих глаз.

— "Три мудреца", — сказала она, оставив его, чтобы пойти посмотреть на громкий спор на другом конце бара. *(Прим.коктейль "Три мудреца". В классике это шотландский виски (Ред лейбл), виски из Теннесси (Джек Дэниэлс) и бурбон из Кентуки (Джим Бим)).*

Мэддокс закрыл глаза и опрокинул шот одним махом. Он обжигал словно адское пламя. Брэндон поприветствовал его с соседнего столика и Мэддокс с удовольствием пересел в кресло.

— Эй, парень, — Брэндон добродушно ударил его, когда он откинулся на спинку кресла и развалился. — Что произошло?

— Элис, — улыбнулся Мэддокс.

Брэндон покачал головой с ругательствами и печальной улыбкой. — Черт, опять? Ты там заполучил маленький эксклюзив.

— Нет, возможно, это был последний раз. Она нашла подругу, и, кажется, серьезно относиться к этому.

Брэндон был заинтересован. — Нет, дерьмо. Я бы с радостью жил без крыши над головой в течение года, если бы я смог просто получить билет на это шоу, — он наклонился ближе. — Может, ты дашь мне один?

Мэддокс рассмеялся. Брэндон всегда веселил его. Он не был даже наполовину такой же задницей, как Мэддокс и, казалось, немного внушал страх.

— Нет, — наконец сказал он. — Я даже себе не смог получить.

— Черт, — сказал Брэндон с разочарованием. — Посмотри на это, — Он указал на растрепанную блондинку, сидящую на коленях Абея. Она, казалось, жевала его лицо. Она прервала поцелуй с сосущим звуком и непосредственно улыбнулась Мэддоксу, пока ее правая рука беззастенчиво путешествовала между ног Абея.

Мэд проигнорировал ее. Шерил «Большие сиськи» была не таким уж большим завоеванием, и он связался с этим, когда вокруг ничего другого не было. Кроме того, было приятно видеть Абея, проводящего хорошо время. Мужчина был развалиной, с тех пор, как год назад свалила его жена. Абель жил дальше по дороге. Он был хорошим механиком и все, но был лоялен к клубу. Нет, Мэддокс не будет препятствовать его игре, даже если бы Шерил

не была прошедшим этапом.

— У меня бывали и лучше, — правдиво сказал Мэддокс Брэндону, глядя, как Шерил стала водить рукой Абеля под своей тугой рубашкой.

Мэддокс пошутил с Брэндоном, выпил пива, и почувствовал себя лучше. Орион остановился достаточно надолго, чтобы конкретно рассмотреть каждого в помещении, своими интенсивными голубыми глазами. Он нахмурился на двоих Мародеров Мохаве, которые начали дебоширить и этого было достаточно, чтобы успокоить их.

— Мог бы взглянуть на мужской сортир? — спросил он Мэддокса, когда остановился у их столика.

Это было не совсем то, что Мэддокс хотел делать на тот момент, но спорить с боссом не мог. Во всяком случае, ему нравилось чувствовать, будто он вносит свой вклад в клуб.

— Конечно, — он пожал плечами. — Кто-то попытался смыть монстра Гила снова?

— Черт, может быть, — проворчал Орион, удерживая взгляд на происходящем в баре. Видимо удовлетворенный тем, что все было в порядке, он ласково ударил Мэддокса по плечу и направился назад, вероятно, в дом, где его девушка, Кира, ждала его.

Брэндон начал дремать на столе. Мэддокс резко пнул его стул и улыбнулся потоку проклятий, которые извергались из бородатого мужчины.

В кабинете, в небольшом шкафу был плунжер и сумка инструментов. Взяв их, Мэддокс открыл дверь в мужской туалет и увидел волосатую задницу и мятую кожанку, с названием клуба.

Шерил «Большие сиськи» на раковине, махала ногами в воздухе, пока Абель её трахал. Она не улыбнулась ему в этот раз, по-видимому, все еще оскорбленная отсутствием его интереса. Она закрыла глаза и приступила к выкрикиванию слабых женских стонов, воображая себя Мэг Райан в старом фильме восьмидесятых «Когда Гарри встретил Салли».

Мэддокс всегда любил ту часть, где Мэг делала вид, что подается вперед, а затем спокойно кусала свой бутерброд. Шерил вскрикнула громче, но Мэддокс знал, что она имитирует, когда услышал это.

— Когда закончите, позовете, — окликнул он, закрывая дверь.

Он долго не прождал, когда Шерил толкнула дверь, проходя мимо него, пока пыталась любым способом засунуть свои гигантские сиськи обратно в лифчик. Абель появился через несколько секунд, застенчиво ухмыляясь, пока застегивал ширинку.

— Класс, — поддел Мэддокс, подмигнув и пожав плечами, отправился в прокуренную уборную.

Два писсуара, казалось, были в порядке, но с одним унитазом, очевидно, возникли проблемы. Мэддокс повозился с дохлой ручкой, но вопрос был в том, что засунули в отверстие. Это было невероятно, что могли смыть в унитазе люди по их мнению.

Когда Мэддокс приступил к работе, он подумал о Священнике. Трубы и насосы всегда напоминали ему об отце, который научил его всему, что он знал о сантехнике. Он в детстве ездил вместе с ним и тырил печенье из шкафов, принадлежащее прекрасным людям Раздор-Сити, пока Священник МакЛеод трудился над их раковинами и туалетами.

Когда Мэддокс пытался выудить виновника из глубин бара, он мотал головой. Это было похоже на сдохшего рожавшего скунса, привязанного к кучке презервативов. Он не мог понять что это, да и не хотел. Он бросил вещь в мусорный бак. После проверки цепочки смыва и к стандартному журчанию воды смыва, он был рад, что закончил.

Мэд мыл руки и ощутил какие-то угрызение совести. Он должен был звонить старику

чаще. Священнику стало хуже, когда последний раз несколько недель назад они разговаривали. Завтра. Завтра он позвонит и спросит, нужно ли ему что-нибудь.

Может быть, это было предчувствием или, возможно, вселенная насмеялась над неупорядоченным хаосом. Но, когда Мэддокс покинул Бар «На дне реки» и вышел в ночь, у него зазвонил телефон. На экране был номер Священника.

— Папа, — сказал он в трубку с облегчением, и улыбнулся.

— Мэддокс.

Улыбка спала. Мэд чуть не уронил телефон в полном неверии. Именно этот голос, вызывал ужасающую ярость, которая до сих пор снова и снова угрожала задушить его, даже после всех этих лет.

Это был Дженсен.

Глава 2.

Территория Аризоны.

1888

Начинало казаться, что она просидела в ловушке в этой проклятой повозке уже сотню лет. Анника ожидала, что путешествие от станции Сан-Диего через пустыню будет не комфортным, но в реальности было не много, ни мало нелепым. Бархат, просторной повозки был еще с поры восточной роскоши. Все здесь износилось. Ее спина затекла от напряжения, стала как деревянная, после двух дней напряженной поездки. Трех пассажиров втиснули на сидишку, рядом с ней, каждый пах еще хуже, чем другие.

Тем не менее, жалобы прозвучали только в мыслях. Она лучше выберет это, чем та легкая жизнь на зеленых холмах штата Висконсин, которую бросила в пользу чего-то, чему не могла дать названия. Время от времени она выглядывала из-под тента повозки и смотрела на странный мир. Все было коричневым и сухим, усеянным странной растительностью, которая была колючей и суровой. Анника подумала, что все это было довольно красиво.

Г-н Хейс, журналист, направляющийся в город Меса, махал шляпой перед своим лицом и выглядел немного нехорошо. — Терплю это путешествие в шестой раз, — проворчал он с болезненной улыбкой. — И каждая последующая тягомотина еще более адская, чем предыдущая.

Анника кивнула, пытаясь придумать какой-нибудь шутливый ответ. Она никогда не была в этом хороша. Во всяком случае, мистер Хейс, казался чересчур заинтересованным в ней с тех пор, как повозка начала рискованный спуск через горы к западу от Сан-Диего. Это его не волновало.

Миссис Тарбери храпела на левом плече Анники, прижимаясь вспотевшей кожей к Аннике, и её левая нога онемела. Когда колеса столкнулись с чем-то твердым, вызвав внезапный крен повозки, она, фыркнув, проснулась и улыбнулась, когда увидела Аннику. У неё не хватало больше пары зубов.

— Сильно проголодалась, — зевнула она, потирая живот. Толстая жена владельца рынка в Фениксе источала добродушие, несмотря на ее грубый вид. Анника не возражала против её компании.

Мисс Кейт была четвертым пассажиром фургончика. Она неуклюже оперлась по другую сторону от мистера Хейза, надменно прикрыв глаза. Территория росла не по дням, а по часам, и мисс Кейт была назначена на должность учителя, как и Анника. Тем не менее, ее назначение было в Колорадо Ривер. Ей сулило сойти в городе Юма, в то время, когда Анника вернулась бы в повозку. Впереди оставались еще сотни миль неуютной поездки, прежде чем она добралась бы. Анника старался не думать об этом. Путешествие закончится, так же как и все остальное.

Город Юма оказался немного больше пыльной заставы, с небольшим количеством глиняных зданий. Анника поправила вышитый платок на ее голове, когда разминала свои окоченевшие ноги, пока извозчик вышел на станции в платной конюшне, чтобы сменить лошадей.

Она слышала, как миссис Тарбери пыхтит за спиной, пока Анника подпрыгивала, разминая ноги, но она хотела побыть в одиночестве. Не в первый раз после отъезда из штата

Висконсин, Анника почувствовала укол неопределенности, когда посмотрела на пустынный пейзаж.

Для нее не имело смысла, сперва ехать дальше на запад в Сан-Диего, а затем возвращаться по своим следам на Территорию. Но железнодорожные линии на Территории еще не были закончены, и окружной путь был менее изнурительным, чем пеший. Она не могла представить себе более сурового места, чем то, которое она выбрала.

Мисс Кейт была настолько миниатюрной, что, то, что её не стало, не помогло, когда путешественники снова отправились в путь. По крайней мере, Анника была теперь с другой стороны от миссис Тарбери зажатой между ней и мистером Хейсом.

Миссис Тарбери обмахивалась рваным веером, когда извозчик прикрикнул на лошадей и повозка начала свое, укачивающее движение.

— Мисс Ларсон, — она, потя, развернулась, — у вас есть молодой человек?

— Пожалуйста, зовите меня Анника. И нет, — она покачала головой, заметив, как мистер Хейс вытянул шею, и особенно заинтересовался её ответом. — Я была помолвлена с мэром Кроуфорда, штат Висконсин, но с этим покончено.

Рука миссис Тарбери легла на её колено.

— Он бросил тебя? — она ни на миг не остановилась в расспросе Анники, симпатизируя и похлопывая ее по колену. — Черт, тебе повезло с таким прекрасным личиком. Такая красивая женщина, как ты, никогда не будет иметь никаких проблем с замужеством на Территории.

— Я рада это слышать, — вежливо ответила она, но в её планах не было поиска мужа. Это было новое место, где не придерживались традиций, и даже женщина могла пройти свой собственный путь. Здесь были возможности, которых не было на степенном востоке, где правили гнетущие традиции.

Генри мог бы еще счастливо взять её в жены. Все, что ей пришлось бы сделать, это закрыть глаза на его скандальную связь с девушкой Мэдисон. На ее левой руке, сжатой в кулак, теперь не было кольца, когда она думала о своем бывшем женихе. Он выставил ее дурой и еще сильно удивлялся, когда она швырнула свое кольцо обратно ему в лицо. Если кто-то полагал, что Анника Ларсон позволила бы считать её дурой всю её оставшуюся жизнь ради комфортного дома, то они сильно ошиблись на ее счет.

Только отец Анники высказался, когда она объявила о своем плане, смыться на легендарную Территорию Аризоны. Все эти сказки о легкой наживе сделали свое дело, и никто в Кроуфорде, штат Висконсин, не мог быть уверен, что Территория не была просто притоном бандитов и проституток. Но Анника увидела объявление о наборе учителей. Быстрорастущие города появлялись повсюду, привлекая людей, заманивали обещаниями золота или иных состояний. Многие брали с собой семьи, и школы были крайне необходимы для детей, которые тягались за ними по пятам. Это было бы для неё иным опытом, чем обучать детей фермеров в нежных пейзажах Кроуфорда. Но ей уже было двадцать два. Задерживаться в ее родном городе, как девушка, расторгнувшая помолвку, ничего хорошего это не сулило.

Свен Ларсон задумчиво кивнул, когда его дочь показала ее приглашение преподавать в далеком золотодобывающем городке Раздор-Сити. Мари, ее мать, выразила свое неодобрение на старом языке, на котором Анника не получала воспитания, чтобы с легкостью понять. Свен резко говорил с Мари по-шведски, на этот раз нарушив правило, не говорить на старом языке в американском доме Ларсонов. Мари Ларсон отпрянула и больше

ничего не сказала, а Свен довольно усмехнулся дочери.

Отец Анники был сложным человеком. Его шрамы войны были не только физическими. Потеря правой голени во время битвы при Геттисберге сильно ожесточила его. Но то, как он кричал от кошмаров большинство ночей, на протяжении ее детства, во многом характеризовало Свена Ларсона. Он сжег свой шерстяной костюм Союза Штатов после возвращения в Висконсин, и он презирал эти ежегодные парады исполненные патриотизма. Свену нравилось прикладывать руку к груди и объявлять, что любовь приютившей его страны счастливо живет там. Внутри, как это и должно быть.

— Это место, куда ты уедешь, — сказал он Аннике с уверенностью и, похромал из дома на своей деревянной ноге. Она поняла. Сильный швед одобрил это решение. Две недели спустя она отправилась в путь к месту её назначения.

Извозчик сбился с пути, когда настал вечер. Морщинистого старичка звали Скаджс, он сплюнул коричневую слюну, бесстрастно разглядывая станцию. Его глаза сузились, когда мистер Хейс принялся ругать его.

Голос Скаджаса был ледяным. — Ты просто сядь, новичок, до того, как я заткну этот умный ротик.

Хотя Анника была озадачена угрозой худощавого человечка, мистер Хейс попятился и спокойно помог женщинам собирать ветви мескитового дерева. Когда огонь уже полыхал, это немного оживило временный лагерь. Скаджс наскоро сообразил жаровню над костром и передал Аннике оловянную тарелку, показывая, что она должна съесть часть содержимого.

— Ягоды Аризоны, — он усмехнулся и Анника осторожно укусила. Пестрые красные бобы были мягкими, но сытными.

Когда взошло солнце, Скаджс легко снова нашел путь. К концу полудня показалась покосившаяся станция, расположившаяся на пути в Феникс. Мистер Хейс слегка с сожалением поклонился Аннике, прежде чем исчезнуть. Она была благодарна миссис Тарбери за приглашение провести ночь в ее доме. Повозка до Раздор-Сити не двинется с места до утра.

Мистер Тарбери был кривоногий и без правой руки, что указывало на него, как на еще одну жертву войны. Отличительное медленное произношение характеризовало его как южанина, того, кто воевал на противоположной отцу Анники стороне. Иногда она удивлялась тому, как пейзаж и люди ее страны настолько сильно разделились из-за событий, которые закончились еще до ее рождения. Это было основной темой всей ее жизни. Для многих выживших, это всегда будет битвой. Всегда будут мертвые и боевые вскрики, боль лишений и вонь смерти. Это была точка преткновения во вращающейся вселенной.

На теплоту отношений в пожилой паре Тарбери было приятно смотреть. У них была одна дочь, проживающая в Сан-Диего. Рождение их первого внука стало причиной путешествия миссис Тарбери к побережью.

Мистер Тарбери отсчитывал кучки пуль для магазина, пока его жена откинулась на шаткое кресло-качалку и положила ноги на потрепанные подушки. Она спросила Аннику о том, где она остановится в Раздор-Сити. Лысеющий мистер Тарбери поднял голову при названии города.

— Это твоё место назначения? Раздор-Сити? — он перевел взгляд от Анники к жене и обратно. Аннике стало немного неловко от какого-то скепсиса в его голосе.

— Да, — медленно призналась она, её руки опустили двойные острые спицы, которыми вязала. — Я буду преподавать в Раздор-Сити.

— Хм, — проворчал мистер Тарбери, пока левой рукой катал кучку пуль в коробке. — Немного грубое место для леди.

— Элвин, — предупредила мисс Тарбери, поерзав, когда качалка застонала под ее весом.

Ее муж пожал плечами. — Золотая лихорадка привлекает всяких.

Он кивнул на Аннику.

— Почему все знают о Скорпионе? Рудники приходят и уходят вместе с постоянным потоком сомнительных людей, — он сделал паузу, очевидно, раздумывая сказать кое-что. — На этом пути возникают кое-какие проблемы. Разбойники с большой дороги. Воры и убийцы, самые ужасные на Территории. Они называют себя дэйнсами, — покачал он головой с мрачной усмешкой. (Прим. The Danes – что в переводе с англ. – датчане, люди, проживающие в Дании).

Аннике стало интересно: — Они из Дании?

— Неа. Это только фамилия их лидера. Каттер Дэйн. Большой парень в ладах с перочинным ножом. Безжалостнее, многих из них. Только этим летом одна путешествующая леди... (Прим. Cutter Dane – дословно — Резак Датчин).

— Элвин! — прервала его миссис Тарбери и поднялась с кресла. Она заткнула мужа суровым взглядом, и он пожал плечами, возвращаясь к подсчетам.

Миссис Тарбери попыталась поднять настроение, пока смотрела, как ее гостья размещается в маленькой комнате, которая принадлежала ее дочери.

— Тебе чертовски повезло, ты пропустила жаркий сезон, — выдохнула она. — Октябрь один из благоприятных месяцев в этой дыре.

— Это очень отличается от того, к чему я привыкла, — призналась Анника, пробираясь сквозь слои ночной рубашки. — Но это все равно прекрасно. По правде, я не уверена, что представляла себе Висконсин. Я вижу, что это тяжелая жизнь и планирую встретиться с ней лицом к лицу.

Миссис Тарбери улыбнулась: — В тебе есть кусочек мужества, мисс. Ты напоминаешь мне меня, прежде чем все это появилось, — она похлопала себя по своим широким бедрам и захохотала. — Сейчас тебе лучше отдохнуть. Выезд в 7 утра.

Анника остановилась. Её беспокоила одна мысль. — О тех преступниках...

— Чертовы мужчины, — ругнулась миссис Тарбери, взбивая перьевой матрас. — Сплетники хуже, чем потрепанные церковные бабки. Не лишай себя сна из-за этих преступников. Они не посмеют напасть на повозку в дневное время.

Анника устало кивнула, миссис Тарбери пожелала ей спокойной ночи. У нее были сомнения по поводу слов миссис Тарбери. У воздуха был даже другой вкус в этой грубой деревушке. Пока она ворочалась на комковатом матрасе, на неё нахлынула кратковременная волна ностальгии. Она так быстро покинула свою большую, шумную семью. Теперь она ужасно скучала по ним. Ее младшая сестра, Бритта, которая рыдала, когда Анника уезжала. Бритта была сорванцом, которая только недавно обнаружила в себе склонности молодой леди. Анника уже скучала по зеленым полям и нежному мычанию коров на молочной ферме отца, по их запаху. Она даже взгрустнула по поводу отсутствия суеты матери и сожалела по поводу разочарования, что она приняла стремительное решение. Путешествие на Территорию оказалось трудным и дорогостоящим. Она не знала, когда опять увидит свою семью.

Когда усталость от её поездки накрыла ее и погрузила во тьму сна, Анника поняла, эти скандальные грошковые романы оказали, в конце концов, на нее впечатление. Зловещий

характер слов мистера Тарбери лишь усилил эти образы. Ее сны были полны мужчин. Мужчин со стальным взглядом и заряженными пистолетами, в седле и яростно скачущих, как будто сам ад бросился за ними в погоню. Когда Анника смотрела на них в тишине, они не пугали ее. Нет, это было совсем другое чувство, которое она никогда не сможет осознанно признать.

Извозчик на станции Раздор-Сити был еще более потрепанный и сухой, чем Скаджс. Ехал только один пассажир — мужчина от Уэллс Фарго, который перевозил плотно запертый большой деревянный ящик. *(Прим. Wells Fargo — крупнейший банк Америки — в его нынешнем виде стал результатом слияния крупных региональных финансовых структур. Впрочем, все начиналось в далеком 1852 году, когда Уэллс и Фарго создали маленький банк для обслуживания золотодобытчиков.)* Сам ящик находился под сиденьем водителя. Он бы слишком сильно скользил в пассажирском отсеке и, видимо, был слишком ценен, чтобы ехать сзади с Анникой.

Анника помахала миссис Тарбери, чувствуя некоторое сожаление по поводу утраты единственной подруги, которая появилась у неё в этом мрачном окружении. А потом она сердито оттолкнула эту мысль. Она долго не продержится на Территории, если будет окунаться в сентиментальности на каждом шагу.

Мужчину от Уэллс Фарго звали Эбсон. Анника не знала, было ли это имя или фамилия. Его пальцы привычно поправили тонкие усики, и он, казалось, не намеревался налаживать дружеские отношения. Он с винчестером на коленях смотрел на спящий Феникс. Она слышала об этих мужчинах из Уэллс Фарго. Ответственный за безопасную доставку различных драгоценностей дикой деревушки, его напряжение было понятно. Анника попыталась удобно обосноваться на скамейке, радуясь, мысли, что к концу дня она, в конце концов, увидит свой новый дом.

Прошли часы в горячем молчании. Платформа скрипела вдоль и поперек, останавливаясь только для недолгого перекуса. Эбсон периодически посматривал на неплодородную пустошь снаружи. Дважды она услышала приближающихся галопом всадников и пальцы Эбсона напряглись на винчестере, заметно расслабляясь, когда поступь отступала. Руки Анники в перчатках, лежали на коленях, выглядя изнеженными и нерабочими. Её всегда учили воздерживаться от безделья. Вязание было хорошей затеей, однако она уложила ее вязание на самое дно сумки. Она ничего не могла делать, только ожидать, отсчитывать часы.

Погода в Висконсине прямо сейчас должна быть приятной, но не на территории Аризоны, это было едва терпимо. Тяжелое платье для путешествий, которое было спешно сшито матерью Анники, окутывало ее кожу жестким корсетом и многочисленным исподним. Она вспомнила замечание миссис Тарбери о жестокости здешних жарких месяцев и была рада, что по крайней мере она не испытывает этого прямо сейчас.

Эбсона, казалось, качивало. Утомительного покачивания повозки было достаточно, чтобы усыпить любого. Он положил винчестер на сиденье и закрыл глаза. Еще прежде, чем она выглядывала, Анника удивлялась его умению ориентироваться. Это была опасная дорога, как и сказал мистер Тарбери. За доли секунды, после того как она уцепилась за лоскут обивки и, прищурилась от резкого солнечного света, она поняла, насколько опасной была дорога. Повозка накренилась, останавливаясь, и там, не доезжая двадцати футов, было предупреждение, воплотившееся в жизнь. Всадник на коне, косынка охватывающая нижнюю половину его лица. Пистолет в правой руке был направлен на фургон. Он был не один.

Четверо мужчин в масках быстро окружили повозку. Пока извозчик изо всех сил, пытался восстановить контроль над лошадьми, Эбсон дернулся, приходя в себя, и схватил свой винчестер.

— Я так не думаю, дружище, — сказал грубый голос, полный веселья. Он принадлежал первому преступнику, которого увидела Анника. Она отодвинула ткань и увидела пистолет направленный в лицо мужчине Уэллс Фарго.

Глаза Эбсона сузились, и она могла сказать, что он в любом случае собирается воспользоваться винтовкой. Человек в маске взвел курок своего пистолета. Он был человеком своего слова.

— Не надо! — крикнула Анника, когда Эбсон сделал движение, чтобы обхватить винтовку. Он остановился, обдумывая.

— Слушайте леди, — небрежно сказал мужчина с пистолетом.

Аника услышала, как снаружи один из мужчин гаркнул на извозчика: — Бросай ящик!

Голова Эбсона дернулась, когда бандит наклонился вперед и ловко выхватил винчестер. — Теперь, вы двое, — сказал он убийственным голосом, который требовал послушания. Эбсон выругался и ударил кулаком по тонкому деревянному сиденью, но все равно последовал за Анникой.

Она испытывала тихую неприкосновенность, пока выбиралась из повозки. Ее платье зацепилось за острый угол, в результате чего она мгновенно споткнулась. Анника вскрикнула и почувствовала сильную ладонь, ухватившую её под руку. Лицо преступника все еще было скрыто, но когда она покосилась на мужчину, который ловко наклонился вперед и удержал ее от падения в пыль, глубокий напряженный взгляд его карих глаз, был направлен на нее. Анника открыла рот, чтобы поблагодарить его за спасение от падения. Потом она вспомнила, что он был одним из держащих ее под дулом пистолета. Он не получит от нее вежливой благодарности. Анника закрыла рот и вынула руку из его хватки, одновременно с тем, как он издал хриплый смешок.

Водитель пыхтел и ворчал, пока возился, чтобы вытянуть запертую коробку из-под сиденья. Когда Эбсон вылезал из повозки, выглядя еще более разозлившимся, двое мужчин сразу направили своё оружие на него. Бандит в красной косынке бросил винтовку Эбсона над головой. Её легко поймал один из преступников. Он сразу же направил оружие на Эбсона, дразня его.

Наконец извозчику удалось достать запертый ящик из-под сиденья. Он тяжело уронил его на землю, чудесным образом оставшись в целости и сохранности. Первый бандит спрыгнул с коня, легко подняв ящик на плечо. Теперь, когда он был на ногах, Анника смогла полностью оценить, насколько высокий и крепко сложенный, он был. Когда он развернулся и поймал ее пристальный взгляд, то подмигнул. Она покраснела, злясь на себя за свой мгновенный восторг. При всем, при этом она знала, что он все еще планирует выстрелить и бросить ее тело в ближайший каньон. Свен и Мари Ларсон никогда не узнают, что стало с их дочерью, безбожно связанной западом.

Какая-то возня привлекла ее внимание, и Анника вскрикнула. Один из мужчин пытался извлечь ее чемодан из багажного отделения повозки.

— Стой! — закричала она, подбегая. Он посмотрел на нее с удивлением, а затем опустил пистолет.

Осмелев, Анника бросилась к чемодану. Если они потом собираются застрелить ее, это мало что поменяло бы. Но если не собирались, то будь она проклята, если откажется от

всего своего мирского имущества без малейшего противостояния.

— Я школьный учитель, — умоляла она мужчину, который с длинной, порванной синей ситцевой повязкой на лице, пока беспокойная лошадь гарцевала под ним. — Там нет никаких ценностей, за исключением моих вещей. Только моя одежда и личные вещи. Ничего стоящего, — повторила она, понимая, что ее лицо горело и покраснело.

Бандит засмеялся и провел рукой по своим штанам. Он многозначительно смотрел на подол Анники и сказал с пошлым намеком. — Я бы не сказал, что тут нет ничего, стоящего.

Анника больше не чувствовала себя неприкосновенной. Волна ужаса захватила ее. Это произошло с ней от того, что мужчина мог застрелить ее. Ей не приходило в голову, что в первую очередь они могут сделать и другое. Она вспомнила отрывки сплетен мистера Тарбери.

«Только прошедшим летом одну путешественницу...»

Один из бандитов встал за ней, присвистывая. — Уверен, это созревший маленький кусочек, правда? Моему лицу понравится погружаться в эти прекрасные волосы и пухлые сиськи.

Руки по бокам Анники сжались в кулаки. Если они думали, что она сдастся так просто, они ошибаются.

— Если ты прикоснешься ко мне, я убью тебя, — ее слова звучали абсурдно даже для нее.

Мужчины решили, что угроза из уст небольшой блондинки-училки были смехотворны. Она стояла на своем, когда один из них, смеясь, подъехал. Его большая рука схватила ее за волосы, злобно накручивая их. — Да, но мы заплатим за наше удовольствие, злючка. Щедро. — Анника закричала и задергала ногами, когда он начал перетаскивать ее через седло.

— Оставь эту девчонку в покое! — бросился маленький извозчик, дико размахивая тощими руками.

Анника дернулась изо всей силы, лягнув коня в бок, заставив его вздыбиться, пока она вывалилась из седла, жестко приземлившись на землю.

Бандит разразился потоком ругательств, изо всех сил управляя конем, в то время как она бросилась наутек, веляя, чтобы её не растоптали.

— Маленькая сучка, — он посмотрел на нее, соскочив на ноги, и бросился вдогонку. Анника попыталась ускориться. Он убьет ее, если она не убежит. На его лице она могла разглядеть желание убить её.

Одиночный выстрел разрезал воздух, и всякое движение сразу прекратилось. Преследователь Анники остановился как вкопанный и хмуρο посмотрел на стрелявшего.

— Какого черта?

Бандит в красной косынке направил свое оружие на своего помощника. — Это не то, зачем мы здесь, и ты это знаешь. У нас есть ящик, так что мы смываемся. И я не хочу слышать никаких пререканий, или столкнешься лицом к лицу с Каттером.

После недолгого ворчания и убийственных взглядов в направлении Анники, мужчина вернулся к своей лошади и обиженно объехал своих друзей. Ящик с богатствами был в руках одного из жадноглядящих бандитов, который отвесил странный кивок в направлении Анники. Эбсон, свирепая, не двигался с того места, где стоял.

Бандит опустил свое оружие. Он смотрел на Аннику: — Приношу свои извинения за то что нарушили Ваше путешествие, мэ. Мы не причиним вам больше проблем на сегодня.

Его голос был мягким, как будто он выразил сожаление, словно случайно наступил на

кончики её пальцев. Он приподнял шляпу, и она могла поклясться, что он улыбался под своей маской.

Анника поднялась на ноги с негодованием, отряхивая платье от пыли. Проклятый преступник, казалось, чего-то ждал от нее. Благодарности или, по крайней мере, понимания. Долго ему придется ждать. Анника спрятала руки за спиной, желая, чтобы они не дрожали, и встретила его взгляд.

Его брови взлетели в удивлении, когда он увидел вызывающий взгляд Анники Ларсон, а затем усмехнулся. С диким воплем он пустил свою лошадь в галоп и остальные последовали за ним, оставив только облако пыли, когда исчезли.

— Дэйнсы, — сплюнул извозчик, выплевывая поток коричневой слюны в пыль. Это было те, как называл их мистер Тарбери. Он повернулся к своему пассажиру. — Они же не навредили вам, мисс?

— Нет, — Анника покачала головой. Теперь, когда опасность миновала, она растеряла свою храбрость. На самом деле, она чувствовала, что её вырвет.

— Черт! — закричал Эбсон, когда гордо встал и пнул колесо повозки. Он посмотрел на Аннику, но не принес извинений за ругательства. — Чертовы преступники. Меня отымеют, чтобы заплатить за эту потерю.

— Если Ваша работа была настолько важна для вас, то Вы бы не задремали, — сказала она ему строго.

Извозчик кашлянул от смеха.

— Злючка права, — сказал он, и пожал плечами. — Ну, ничего теперь не поделаешь. Лучше позволь себе не напрягаться оставшуюся часть пути в Раздор-Сити.

Анника расслабилась, взобравшись обратно в повозку, до конца своего путешествия. Эбсон немного позеленел. Когда возобновилась их медленная поездка, он пристально смотрел на свои пустые руки, как будто винтовка могла материализоваться.

Ее собственные руки были неприятно потными. Хотя это ей не было свойственно, она сняла перчатки и решила, что не сможет надеть их снова, даже если они приедут в Раздор-Сити. Ограбление зажгло огонь в ней. Это было местом, где глупые приличия не имели большого веса. Ей лучше привыкнуть к этому, если она собирается здесь жить.

Пока проходили часы в пыльной тишине, Анника старалась не думать о преступнике в маске. Ее бывший жених, Анри, был мягкий, даже когда стал важным человеком Кроуфорда. Он был адвокатом, а не фермером. Его манеры были очаровательны, и в нем не было ничего, что можно было бы назвать непродуманным или не отшлифованным. Когда преступник устремил на нее горящий взор, она увидела в нем бескомпромиссную жестокость, к которой примешивалось что-то незнакомое. Дрожь пробежала вдоль позвоночника, от крестца до шеи. Анника знала, что она еще очень долго будет думать об этом мужчине.

Осенний закат был прекрасен. Именно на этом она решила сосредоточиться, когда они, наконец, достигли своей цели. Сам город, однако, был пустым и довольно некрасивым. Главная улица Раздор-Сити носила незавершенный вид, в то время как высокие фасады чахли недоделанными. Это стиль таких ново-городков. Маленькие, беспорядочно возведенные здания, будучи искусственными, выглядели более внушительно. Запах свежей древесины был повсеместным. Когда Анника увидела свое новое место жительства, в ней вспыхнуло возбуждение. Она пережила долгую, рискованную поездку и подверглась нападению преступников, чтобы добраться до этого места. Территория была новой и опасной. Она также была полна бескрайних перспектив.

Непристойный смех слышался из одного из трех салунов. Мужчина напугал ее, когда он вышел из тени и протянул руку. *(Прим. Салун (англ. Saloon) — традиционное название американских баров, существовавших в западной части страны во времена Дикого Запада. Среди посетителей салунов были трапперы, ковбои, солдаты, разведчики—скауты, шахтёры...)*

— Мисс Ларсон, я полагаю.

Он был высоким, темноволосым и с присущей аурой власти, которая подтверждалась серебряным значком на груди. Черты его лица были приятными, и он, казалось, искренне рад видеть новую учительницу города. Она пожала его руку в признательности.

— Да, Анника Ларсон.

Эбсон завыл прямо позади: — Долан! Черт побери. Эти гребанные воры украли ящик.

Мужчина по имени Долан переместил взгляд на возмущенного мужчину из Уэллс Фарго и нахмурился.

— Ты потерял свою винтовку, Эбсон?

Эбсон покраснел.

— Сукины дети забрали её. Они сидели в засаде на дороге, как пресмыкающиеся. Проклятые дэйнсы и тот ублюдок, который отправляет их на грязные делишки.

Долан насупился сильнее.

— Посмотри, как ты выражаешься в присутствии леди. Встретимся в «МакГуир» в час, и пройдемся по деталям, чтобы телеграфировать на восток, — он повел Аннику к ожидающей бричке. — А сначала я собираюсь показать нашей новой школьной учительнице её квартиру.

Эбсон что-то проворчал, но зашел в ближайший салун без каких-то пререканий.

— Мне очень жаль, — сказала Анника блюстителю закона, по-видимому, по имени Долан. — Я не расслышала Ваше имя и фамилию.

Он улыбнулся. — Я не представился. Джеймс Долан. Очень приятно с Вами познакомиться, мисс Ларсон.

— Вы шериф, мистер Долан?

Он взгромоздил ее чемодан на правое плечо с кряхтением.

— Городской маршал. Назначен мэром, чтобы сохранять закон и порядок. Насколько это возможно, — он осторожно переместился на пол повозки и снова предложил Аннике руку. — Одна из наших лучших семей предложила принять вас, мисс Ларсон. Вы будете наслаждаться проживанием со Свиллингсами.

Она поднялась с сиденья и ждала, что Джеймс Долан присоединится к ней. Она была в замешательстве.

— В объявлении было указано преподавание в новой школе. Разве её не закончили?

Мистер Долан, неловко поглядывая, покачал головой. — Не совсем.

Он уселся на сиденье и взял вожжи, закашлявшись, прежде чем он мог говорить.

— Это не проблема, — он послал Аннике долгий жесткий взгляд, — Вы посетили суровый край, мисс Ларсон. Школа и учительская построены за частными границами города, ближе к реке Хассаямпа. И близко к Шахте Скорпион, — он сделал паузу, пытаясь подобрать нужные слова. — Это довольно рискованное место для одинокой женщины.

Анника застыла.

— Я знаю, что это суровый край, мистер Долан. Меня это устраивает.

Ее сопровождающий, казалось, приятно удивился.

— Даже сейчас?

— Да, — она начинала раздражаться. — Я понимаю, что Вы пытаетесь смотреть на мой достаток, но я бы предпочла жить преподавая, если это возможно.

— Ладно, — Джеймс Долан вздохнул, командуя лошадям двигаться. — Я предполагаю, что потом не будет выбора.

Но он покосился на неё, и она увидела, что он улыбается.

Анника знала, какой у неё вид, после дневного приключения, но Джеймс Долан продолжил бросать украдкой недолгие взгляды, которые позволяли ей понять, что он оценивал её. Она покраснела, чувствуя себя польщенной. Он был широкоплечим и красивым. Хотя Анника ругала себя за самоуверенность, было довольно приятно получать знаки внимания от джентльмена.

Когда они добрались до конца главной улицы, раздался шум внутри последнего здания слева. Дородный мужчина вывалился из качающейся двери и приземлился в грязи. Его лицо было покрыто кровью. Он выплюнул зуб на землю и попытался встать на ноги. Его потрепанный догоняющий был вылитым драчуном.

— Вставай, — прорычал он, делая вид, будто бы пнул лежащего человека, если не послушается. — Еб*нный крысеныш, х*вый обманщик.

Джеймс жестко натянул поводья, заставляя бричку остановиться. Он встал и яростно закричал. — Мерсер!

Человек оторвал взгляд от своей истекающей кровью жертвы и посмотрел вверх, расплываясь в ослепительной улыбке. — Джеймс, ты же не возражаешь, если я в одиночку выпрожаю еще одного обманщика с улиц нашего прекрасного города, — он окатил облаком пыли раненого.

Городской маршал поднял оружие: — Ты никогда не сделаешь ничего подобного при блюстителе закона.

Мерсер рассмеялся: — Ты же не выстрелишь в меня, большой брат.

Джеймс подтвердил низким голосом: — Не смертельно. Но, черт возьми, я тебя подстрелю, Мерсер.

Внимание Мерсера переместилось. Он заметил, Аннику и прошелся по ней взглядом сверху вниз. Между мужчинами было внешнее сходство, стало очевидно, что они на самом деле братья. Но Мерсер был выше, более мускулистым. От него веяло дикостью. Он пошло втянул в себя воздух. — Нашел себе куколку, я смотрю, — прохрипел он. — Давно пора как по-моему.

Джеймс Долан опустил оружие: — Мисс Анника Ларсон, у меня есть наивысшее неудовольствие познакомить Вас с моим младшим братом и позором семьи, Мерсер Долан.

Именно тогда из салуна вышла женщина. Она была не слишком одетой для достойной компании, и ее волосы были неестественного цвета. Пока она что-то мурлыкала и обвивала руками Мерсера Долана, Анника с шоком осознала, что она похожа на проститутку. Мерсер, казалось, не обратил внимания на ее ласковые объятия.

— Рад познакомиться с Вами, мисс Ларсон, — сказал он с ложной искренностью. Анника дернула подбородок и не вернула комплимент. Мерсер поднял брови. — И я мог бы заметить, что у Вас внешний вид училки, — он засмеялся и резко схватил проститутку, целуя ее с неприкрытой похотью, которая была ужасающей.

Когда Джеймс покачал головой и подстегнул лошадей двигаться, Анника уставилась на Мерсера Долана. Любой случайный наблюдатель заметил бы, что ее рот открылся в ужасе.

Не из-за того, как он беззастенчиво живился под короткой юбкой крашеной женщины, а из-за вещи, которую она увидела болтающейся из заднего кармана. Это был красный платок. Она узнала бы его, как тот пронизывающий её взгляд его темных глаз. Именно он, бандит-дэйнс в маске.

Перед тем как бричка повернула, Мерсер Долан поднял глаза и заметил, как Анника таращилась. Она увидела это по его лицу. Он понял, что она узнала его. И хотя, возможно, она должна была, она не испугалась.

Глава 3.

Квартзсайт, Аризона.

Наши дни.

Дженсен ждал, что он ответит, но Мэддокс не мог выдавить из себя ни слова.

— Не вешай трубку, — прокашлялся, наконец, его брат. Нет, не правильно. Мэддокс отказывался думать о нем как о брате.

Мэддокс молчал, выдерживая долгую паузу.

— Мэд? Ты все еще там?

— Я здесь. — Мэддокс закрыл глаза. Казалось, что он только вчера слышал этот голос, хотя это было не вчера. Это было десять чертовски долгих лет назад. Еще не достаточно долго.

— Папа совсем плох, Мэддокс. Он зовет тебя.

Боль стала нарастать внутри Мэддокса, она не относилось к той, что причинил этот х*р на другом конце линии. — Он в больнице?

Дженсен вздохнул. Что-то вроде всхлипа дошло через телефон. — Нет, его выписали. Его печень подвела. Он дома. Хоспис сегодня начал посещать его. Они будут рядом до тех пор, ... — голос Дженсена затих.

Этого можно было не говорить. Мэддокс знал, что такое хоспис. Это означало, что конец приближается. Он стоял перед баром, часто дыша в телефон. Один из Мародеров Мохаве врезался в него с ругательствами. Возможно, он, напившись, споткнулся или это мог быть предлог для начала кое-какого дерьма. Это не имело никакого значения. Мэддокс отпустил это.

— Я буду там завтра, — сказал он и повесил трубку. Он смотрел на свет от экрана, который потускнел, а затем стал черным. Его отец был при смерти. Как это может быть? Когда Мэддокс был мальчиком, он знал, о том, что Священник МакЛеод неукротимый, непобедимый. Это было простая убежденность ребенка. Он вспомнил, как он размышлял о прахе, стать которым была судьба каждого человека. Вдруг мысль показалась болезненно пророческой.

Мэддокс бродил в темноте. Возможно, он хотел пойти прямо в свой трейлер, но его голова была не в порядке, и его поглотила тьма пустыни, которая лежала за пределами парка трейлеров, за баром «На дне реки».

— Мэд, — позвал Грейсон из темноты.

Мэддокс перестал двигаться и ждал, когда до него доберутся, приближающиеся шаги.

Грей спокойно подошел к нему, встал рядом и подождал.

— Что-то случилось?

— Да, — медленно сказал Мэддокс. — Что-то случилось.

Грей дотронулся до него, по-дружески сжав плечо. Послышалась легкая поступь и голос девушки. — Грей, это Мэд? Эй, Мэддокс, звонила Элис. Она беспокоилась о тебе после того, как ты смылся, — это была Промиз.

Грейсон сжал ее в объятиях, и Мэддокс почувствовал укол зависти, ненавидя себя за это. Не то, чтобы он хотел себе девушку приятеля. Промиз и Грей были родственными душами, если такое вообще когда-либо существовало. Он завидовал этой связи. Он вспомнил

то ощущение, что испытал однажды. Слишком не долго, и будто в прошлой жизни.

Было не слишком темно, чтобы Мэддокс мог увидеть выражение глаз Промиз, когда она откинула голову назад, глядя на Грея со спокойной любовью. Он мягко поцеловал ее и повернулся к Мэддоксу.

— Приходи и спусти немного дерьма.

Мэддокс не хотел возвращаться в свой одинокий трейлер. Это пугало его больше, чем он мог признать.

— Я воспользуюсь этим предложением, — сказал он с облегчением.

Грейсон использовал пару гигантских кабельных катушек, как стулья. Он опустил на одну и потянул Промиз на колени. Она уткнулась носом в его шею, положив голову там, будто это место было создано только для этого. Мэддокс на мгновение засмотрелся на нее. Иногда он задавался вопросом, как бы все закончилось, если бы она столкнулась сперва с ним в тот ужасный день, когда она в ужасе молила о помощи. Он был рад, что получилось именно так, что вместо этого первым она нашла Грея.

Грейсон, обернул мускулистую руку вокруг Промиз и посмотрел на Мэддокса.

— Ты выглядишь так, как будто увидел призрака, мужик.

Мэддокс провел рукой по волосам. Они запутались и стояли дыбом из-за того, что были распущенными, когда он ехал.

— Не видел ни одного. Но увижу, — он болезненно откашлялся. — Мой отец умирает.

Грей выругался и посмотрел в землю. — Черт, мне жаль слышать это. Священник выглядел мощно. Он уже был болен в прошлый раз, когда приезжал, да?

— Да, — признался Мэд, проклиная себя теперь, что не уделил больше внимания своему отцу.

Промиз смотрела на него с грустью. — Что с ним не так?

— Жизнь под градусом. Цирроз печени, — пояснил он, когда она посмотрела на него.

Она поняла. На самом деле Промиз сама была из области медицины. Акушерка независимо от ада, которым это было. Когда он думал об этом, и когда он старался не думать об этом, Мэддокс представлял кучу орущих и окровавленных женщин, с приподнятыми ногами, с криком новорожденного на пике всего этого.

— О Мэддокс, мне так жаль, — сказала она, наконец, сочувствующим голосом, и он смог немного улыбнуться. В этом была вся Промиз, такая слащаво искренняя. Он знал, почему Грейсон влюбился в нее.

Грей посмотрел на него, когда он достал и прикурил сигарету, пытаясь успокоить дрожание пальцев.

— Итак, я полагаю, что ты поедешь домой, — Мэддокс не рассказывал ему всю историю, но он догонял что, что-то было не так в том, что Мэддокс отказывался сделать хоть шаг в направлении своего родного города, хотя тот был всего в трёх часах езды в том же чертовом штате.

— Я собираюсь вернуться туда, — сказал Мэддокс таким тоном, о котором даже не помышлял. Он опустил голову и уставился на темный песок, гадая, что, черт возьми, Рэйчел на самом деле влила в тот шот. Он чувствовал, что в груди что-то сжималось, и был поражен, обнаружив, что он старается изо всех сил, чтобы не заплакать.

Промиз, ничего не сказав, поднялась с колен Грея и обняла его по-матерински. Он с радостью обнял ее изящную фигурку на минуту, и в этом не было ничего сексуального. Она не говорила ничего глупого или бессмысленного. Она просто отпустила его с печальным

вздохом и остановилась, чтобы с нежностью поцеловать Грейсона перед тем, как уйти в трейлер. Грей взял ее за руку, и они оба смотрели друг на друга в течение нескольких мгновений. У Мэддокса было ощущение, что они вели тихий разговор.

— Безопасной дороги, Мэддокс, — в конце концов, сказал она, прежде чем исчезнуть за дверью.

— Она охренительная, — сказал он Грею хриплым голосом.

— Да, — согласился Грейсон. Они сидели в тишине, в течение нескольких минут. И тогда Мэддокс всё рассказал своему другу. Что Габриэла де Кампо была для Мэддокса той, кем Промиз была для Грейсона. Как он все испортил даже до вмешательства Дженсена. Он рассказал Грею, что они сделали, и то, что это сделало с ним.

Грей слушал, кивая время от времени, задавая ключевые вопросы то тут, то там.

— Так что с малышом? — Спросил он медленно.

— Что с ним? Я никогда, бл*, не видел его. Он от Дженсена.

Грей крутил короткую веточку мескитового дерева между пальцами. Он, казалось, не решался говорить. — Ты в этом уверен, Мэд?

— Дженсен не стал бы что-то возлагать на себя, если оно было бы моим. Нет, извини, не "оно", "он". Его зовут Мигель. Я думаю, что ему скоро будет десять.

Грей вздохнул.

— Мэд, у людей есть причины делать то, что они делают, независимо от того, каким хреновым может показаться оправдание. Ты сказал, что он хотел ее, верно? Звучит так, что он взбесил тебя к чертям.

Мэддокс закрыл глаза.

— Мальчик не мой, — успел шепнуть он.

Он хотел, чтобы Грей понял, что он не такой уж и мудака. Он знал, что Грейсон был лучшим человеком даже в его худшие дни. Но даже в безрассудном возрасте до восемнадцати лет, если была бы хоть какая-то возможность того, что внутри нее рос его ребенок, ничто не смогло бы убедить его уехать оттуда без оглядки.

Грей бросил веточку и выпрямился. Он был пронизательным. — Я понял, — медленно сказал он. — Это невозможно, да, Мэддокс?

— Нет, — сказал он с горечью. — Потому что я никогда не трахал ее. Её трахал мой брат. — Мэддокс резко рассмеялся. — Разве это не какое-то дерьмо из сентиментальной мыльной оперы?

Грейсон усмотрел его боль и не засмеялся. — Она по-прежнему живет там, как он там назывался?

— Раздор-Сити, — Мэддокс с хрустом пожал плечами. — Да, насколько я знаю. Она и Дженсен очень долго не работали, и они так и не поженились. Он подцепил какую-то цыпочку с Флагштока несколько лет назад.

— Ну, может быть, ваши пути не пересекутся, — обнадеживая, сказал Грейсон.

Мэддокс тонко улыбнулся. — Ты не знаешь Раздор-Сити. Возьми небольшой уголок мира, который вмещает меньше, чем три тысячи дышащих людишек, от которых никак нельзя скрыться. Особенно, если это то, что ты пытаешься сделать.

Мэддокс покачал головой. Все эти разговоры о Габриэле и Дженсене были неуместны. Пусть видят, что он пришел. Пусть выставят на гребанный показ все, о чем он заботился. Он не собирался возвращаться к ним. Он собирался увидеться с отцом.

Мэддокс встал, потянулся и сделал несколько шагов в темноту, подняв руки к луне,

когда рядом начала выть кучка койотов.

— Эй, — позвал Грей. — Так почему же его зовут «Священник»?

Мэддокс рассмеялся. — Я думаю, потому что еще в его времена старик был кем-то другим. Даже моя мама называла его «Священник».

Грей поднялся на ноги и оперся о катушку. — Ты скоро уезжаешь?

— Да, — Мэддокс посмотрел прямо на луну. Она сегодня была интересного, оранжевого цвета. — Я выеду отсюда к рассвету. Не могу сказать, когда я вернусь. Может быть через несколько дней, может быть через несколько недель, — он чувствовал себя неуютно назначая время, хорошо зная, что это зависит от того, сколько его отец будет цепляться за жизнь.

— Мэд, — сказал Грей, — хочу сказать, что пока тебя здесь не будет, ты всегда можешь позвонить мне.

Мэддокс улыбнулся. — Я позвоню, Грей.

Они задержались в темноте ненадолго, и немного поговорили о неважных вещах. Грейсон не говорил это, но Мэд знал, что он жаждал попасть внутрь трейлера к Промиз. Они никогда не могли насытиться друг другом. Трейлер Мэддокса был всего в пятидесяти ярдах. Он каждый день мог ясно слышать, как они никогда «не насыщались» друг другом. Он прервал Грея, чтобы поблагодарить его за то, что должно быть между братьями, а затем ушел, пересекая песчаный простор к его собственному месту проживания.

Мэддокс сел за свой крошечный стол и закурил очередную сигарету, оглядывая свое жилое помещение. Было грязно и безвкусно. Однажды хорошо воспитанная надзирательница обозвала это место «словно внутри ума шестнадцатилетнего извращенца». Но она все равно сняла свой горячий костюмчик посреди всего этого, и позволила ему оттрахать её по-собачьи.

Мэддокс действительно было дважды насрать, что его место, выглядело в его же собственных интересах. Он развесил сексуальные плакаты на стенах для эффекта, позволял своим темным волосам застилать глаза, когда искоса бросал взгляд на выбранный лакомый кусочек, ожидая, что она поерзает и впустит его между своих ног.

Было еще не поздно, но Мэддокс истощился за время езды под палящим солнцем до Феникса и обратно. Он разделся догола и запрыгнул в постель, желая поспать. Но ночь не была к нему милосердной и воспоминания не знали, что им тут не рады. Он надавил на глазные яблоки и опять увидел ее лицо. И кое-что еще. Мэддокс вдруг стал бл*дски твердым, когда припомнил, прежние времена, она почти была его. Его рука спустилась, поглаживая член по всей длине, пока он вспоминал.

К тому моменту у него была туча других любовниц, но не было её. Габи почти застеснялась в первый раз, когда он расстегнул её бюстгальтер. Затем, когда он начал облизывать эти прекрасные сиськи, она, казалось, не могла насытиться. Она запустила пальцы в его волосы, когда прижимала грудь к его рту, ни сколько не возражая, в день, когда окончательно он снял с неё трусики. Она была такой влажной, и такой тугой, что он не знал, как смог отступить и прекратить это. Но он чувствовал, как она напряглась, когда его член пытался найти вход, и он знал, что она не совсем была готова. Она слышала разговоры и видела его отношения с другими девушками, которых он бросал. Он хотел, чтобы она ему доверяла. И поэтому он решил подождать, даже если это прикончит его.

Вместо этого, его убило ее желание верить худшему о нем, когда пришло время сделать выбор. Она открыла себя для его брата. Это был только один раз, настаивал Дженсен, но к

тому моменту они оба умерли для Мэддокса. Когда он обнаружил, что ко всему прочему будет ребенок, он смылся, не в состоянии вынести вида их окончательного счастья.

Мэддокс еще дрочил, но сейчас он был вне себя. Он готов был кончить сильно и яростно.

— Черт, детка, — он стиснул зубы, его охватила судорога, — ПОЧЕМУ? Бл*ть почему?!

Когда кончил, Мэддокс перевернулся, ожидая пока дыхание успокоится. Затем он стер свою сперму с бедра и заснул.

Когда он проснулся, было все еще темно, но он решил отправиться в путь. Быстро приняв душ и упаковав только те пожитки, которые можно было аккуратно уложить на байк, он спокойно закрыл дверь трейлера.

Шорох песка под ногами был невероятно громким, когда он шел по нему до бара, где был припаркован его мотоцикл. Медленно, не желая никого будить, он нехотя покинул Куартзсайт и своих парней.

Ночная прохлада будет длиться не долго. Небо на востоке уже начинало светлеть. Мэддокс добавил скорости на трассе между штатами.

Он был готов.

Глава 4.

*Раздор-Сити, Территория, штат Аризона
1888*

Джеймс настаивал, чтобы она называла его по имени. Анника заметила, как городской маршал расслабился в тот момент, когда повозка выехала за пределы диких салунов в центре города. Он ехал медленно, расспрашивая ее и вдумчиво выслушивая ее ответы. Иногда кашлял, и казалось, это ему досаждало, так как он мотал головой и приносил свои извинения. Анника заинтересовалась, не злоупотребляет ли он этим.

Касательно Анники, несмотря на ее переутомление, и приближающиеся сумерки, она была признательна за общение и добровольную отсрочку прибытия к школе. Где-то еще это было бы ужасно неприлично — красивый, одинокий мужчина, сопровождающий молодую, незамужнюю женщину, но она надеялась на то, что Джеймс Долан подвозивший её, не станет здесь новостью номер один. Нет, если спектакль, свидетельницей, которого она только что стала в центре города, был каким-то показательным выступлением.

Кроме подтверждения, что он был не женат, Джеймс немного рассказал о себе. Любопытство к мужчине сбоку, Анника попыталась засунуть куда подальше.

— Должна быть куча причин, по которым люди выбирают этот путь, — сказала она, оглядывая разнообразие скудных хижин и палаток, которыми пестрел пейзаж.

Джеймс снова закашлялся и послал ей мрачную улыбку. — Не так уж их и много, — сказал он. — Золото это всё, что влечет сюда людей.

— Оно привело сюда и вас? — Анника закусила губу от своей смелости. Мать всегда предупреждала ее, что это неприлично для леди.

Тем не менее, Джеймс, казалось, не брал в голову. — Мой отец хотел избежать призыва в армию. Он говорил, что он не задолжал десять лет этой стране, чтобы встретить свой конец на поле боя за то, чего не понимал. У него был мешочек тщательно скопленных монет, согласная жена и трое малолетних сыновей. Только теперь я понимаю, что приезд сюда был для него шагом отчаяния. Новости о Шахте Скорпион уже достигли востока, и золотая лихорадка опьянила мужчину, живущего в темной городской лачуге.

— Призыв был в 63-м. Вы, должно быть, были очень маленьким в то время.

— Да, мне едва исполнилось четыре года, когда мы уехали из Нью-Йорка. Мерсер был еще в пеленках. Мы сделали это, перебрались сначала поближе к Канзасу, и задержались на год, прежде чем переехать.

— Вы сказали, три сына. Так у вас еще есть брат, — было бы интересно встретиться с женщиной, который был смесью Джеймса и Мерсера Долан.

— Сказал, — спокойно сказал Джеймс. — Шон был старшим. Канзас и эпидемия холеры забрали его.

— Ох, — смутилась Анника, нахмурившись. — Мне жаль. Я потеряла двух сестер, когда я была моложе. Скарлатина.

Джеймс, казалось, ушел в прошлое. Поводья ослабили в руке, и он задумчиво смотрел вдаль. — Вы знаете, что река Хассаямпа во время полноводья, склонна к застою? Плодит комаров. Через шесть месяцев после нашего приезда была вспышка малярии. Молниеносно выкосив родных.

— Какой ужас, — сказала она, печально размышляя о нем, таком молодом и в таком странном, неприветливом месте. — Итак, кто присматривал за Вами и...

— Мерсером, — закончил он. — Оказалось нам повезло. Самая храбрая душа запада Миссисипи, Лиззи Пост, приехала на Территорию, настроенная сделать себе имя, женщина-одиночка. Она охраняла одно из первых месторождений и сделала приличные деньги на этом. Теперь она выращивает скот на небольшом участке за пределами города. Лиззи приютила нас и вырастила.

Это чудесная история. Двоих мальчиков-сирот приютила жесткая женщина-одиночка.

— Похоже она чудесная леди.

Джеймс рассмеялся.

— Она такая. Только не говорите ей об этом. Она вроде грубая, но сердце богаче глубочайшей жилы в Скорпионе. Я уверен, что вы с ней встретитесь рано или поздно.

Джеймс Долан оказался хорошим, честным человеком. Бесправная противозаконность его брата ему не присуща. Анника размышляла, знал ли он, какой Мерсер на самом деле. Если он это знал, то, видимо, он предпочитал не замечать это. Если не знал, Анника решила, что это было не ее делом сообщать ему.

— Вы всегда были блюстителем закона? — спросила она с интересом.

— Нет, — медленно признался он. — Эта шахта мощный соблазн. Я провел более года, спускаясь в эту дыру. Отдав часть моих легких. Он замолчал. — Я полагаю, что, возможно, я дольше проживу со значком. И хотя он не приносит слишком жирного доллара, этого достаточно. Для дома, — добавил он осторожно, и Анника покраснела, уловив его намек.

Небо было почти черным, когда они добрались до школы. Она была меньше, чем в миле за пределами города, но, казалось, уютный свет казался за границами мира. Затем Анника услышала треск выстрела с той стороны, и она была рада быть от этого подальше.

Джеймс зажег фонарь и посмотрел на нее с сомнением, пока она рассматривала единственный класс в школе. Бревенчатые стены пахли свежестью, и хотя внутри не было никакого оборудования, Анника была довольна. Она смогла хорошо представить себе преподавание в этом классе. В нескольких десятках ярдов располагалась узкая пристройка, с красноречиво вырезанным месяцем на двери. Небольшое соседнее помещение должно было быть ее квартирой. Она была пустой, только с канатным остовом кровати, без матраца. Большой, жутко выщербленный умывальник и одиночный фонарь, были единственной обстановкой в комнате. Джеймс извинился за недоделки и пообещал, что это ненадолго.

Он поставил чемодан в комнату и тихо рассматривал Аннику, пока она расхаживала по комнате, стремясь придать немного домашнего уюта.

— Анника, вы уверены, что вы бы не хотели разместиться у Свиллингсов? По крайней мере, до тех пор, пока это место более-менее удовлетворительно обставят.

— Нет, — в тот же момент ответила она, чувствуя глубокое и необъяснимое удовольствие от новой обстановки. — Нет, спасибо, Джеймс. Я предпочитаю остаться здесь. Таким образом, я смогу сразу увидеть школьников. Надеюсь, дети могут прийти завтра?

Он кивнул. — Когда разнесся слух, что вы приехали, то да. Родители Раздор-Сити жаждали, и не захотят тратить время на знакомство.

Анику это удовлетворило. — Хорошо. Тогда я с удовольствием останусь здесь.

Джеймс знал, где были удобства. Он наполнил ведро и умывальник, а потом неловко спросил Аннику, не хотела ли бы она, чтобы он ненадолго остался.

Если бы она была честна, то она призналась бы себе, что хотела, чтобы он остался. Но

даже с отсутствием приличий в Раздор-Сити, это было бы не уместно. Она хотела обмыться, по возможности лучше, и освободиться от пытки своего заточения в китовый ус. (*прим. при изготовлении корсета использовался настоящий китовый ус. Использование китового уса в конце XIX века стало редкостью из-за дороговизны и значительного уменьшения китового промысла*). Она не могла хорошенько это сделать, пока городской маршал торчал в нескольких метрах поблизости.

Прежде, чем он уехал, Джеймс принес что-то из брочки.

— Вы знаете, как им пользоваться? — спросил он.

Это было винтовка-винчестер похожий на тот, который был у Эбсона, но с желтым металлом. Джеймс назвал его «Бронзовый мальчик».

— Я умею стрелять, — заверила его Анника, с признательностью.

Перед отъездом Джеймс Долан повернулся к ней с истинной откровенностью: — Раздор-Сити повезло, что появились Вы, мисс Анника Ларсон. Каждый будет рад Вашему присутствию, — его голос упал на октаву, и он встретился с ней взглядом. Он не увиливал и не выкручивался, как поступил бы другой. Он смотрел на ее твердо и прямо. — Я рад, что Вы приехали.

Она почувствовала, как горячий румянец залил щеки: — Спасибо, Джеймс.

После горячего обещания вернуться утром и помочь с подготовкой школы, Джеймс пожелал ей спокойной ночи. Анника закрыла дверь, сразу же ощутив нехватку его присутствия.

Тем не менее, она была рада возможности очутиться в собственном уюте после стольких часов пыли, страха и однообразия. После нескольких минут поисков, она нашла драгоценные квадратики лавандового мыла, которые были тщательно упакованы в чемодан перед отъездом из Висконсина. Их надо было использовать экономно, но Анника решила, что после такого трудного дня позволит себе немного удовольствия.

Было уже совсем темно, и освещение только от одного фонарика. Она закрыла одинокое квадратное окно в учительской, неровно завесив подъюбником, и начала раздеваться. Ее ребра вздохнули с облегчением, когда она распустила корсет. Это было постоянным источником досады Мари Ларсон, что ее дочь никогда не позволяла затягивать его так сильно, как необходимо. Для Анники это попахивало варварством, из-за этой моды было трудно дышать.

Она массировала свою кожу, возвращая ей чувствительность, и бережно отложила в сторону свою одежду. Пользуясь мочалкой, она полностью намылилась, упиваясь ощущением воды, сбегаящей по её груди и перетекающей на живот. Она вынула шпильки из ее густых светлых волос и позволила им упасть теплыми волнами на ее обнаженную кожу. После того, как она скользнула обратно в сорочку и надела халат, Анника доела остатки кукурузного хлеба миссис Тарберри, любезно упакованного для путешествия.

Завтра она напишет своим родителям в Висконсин, чтобы сообщить им о прибытии на место. Сегодня она проведет хорошую ночь во сне. Кровать без матраса была далека от идеала, но она решила, что может положить на веревочный каркас достаточное количество одежды, чтобы сделать ее немного комфортнее. Внезапно силы ушли, глаза закрывались. Завтра много чего надо будет сделать, и будет проще расслабиться после такого долгого испытания. Анника зевнула и хорошенько потянулась. Потом вскочила на ноги от резкого стука в дверь.

Учительская была настолько маленькой, что сама дверь была едва ли в трех шагах от

того места, где она стояла. Ее сердце угрожало выпрыгнуть из груди, когда она взяла «бронзового мальчика».

— Если Вы направили ту винтовку на меня, мисс Ларсон, я призываю Вас передумать.

Анника узнала этот голос. Она также понимала, что не достаточно быстра по сравнению с ним. Анника опустила винтовку, и Мерсер Долан зашел, не дожидаясь приглашения.

— Вечер добрый, — сказал он, приподнимая свою шляпу, как если бы был приглашен на воскресное собрание. — Я думаю, нам с Вами нужно поговорить, — он скрестил руки на груди и проницательно посмотрел на нее. Он, возможно, снял маску, но все еще всецело был преступником.

— Нет, — сказала ему Анника, затянув халат плотнее на груди, пока он, забавляясь, смотрел на неё. — Я не думаю, что между нами есть что-то, что подлежит обсуждению. Я не говорила вашему брату о ваших подвигах на дороге, и не собираюсь.

— Подвиги, — Мерсер громко рассмеялся. — Мисс, Вы можете попробовать не звучать, как учительница или это просто чертовски неизбежно?

— Мистер Долан, — холодно сказала она, вставая и пытаясь звучать авторитетно. — Если Вы пришли сюда, чтобы оскорбить меня или угрожать мне, ты Вам это удалось. Я прошу Вас сию же минуту покинуть помещение.

— Угрожать Вам? — уставился на неё Мерсер и улыбнулся. Хотя на его челюсти появилась небрежная небритость, он был до абсурда красив. И он это знал, закрывая за собой дверь и приблизившись в крошечной комнате. — Итак, зачем мне это делать такому красивому сладенькому кусочку?

Анника сглотнула. Ей было не куда идти. Она была в его власти. — Что Вы хотите?

Он снова улыбнулся, на этот раз, сбросив надоедливую развязность.

— Я хочу извиниться, мисс Ларсон. Я знаю, Вы были напуганы сегодня. Это было не намеренно.

Анника не поддавалась на угрозы, встречая его взгляд.

— У ваших друзей отсутствует чувство стыда, мистер Долан.

Во взгляде Мерсера Долана не было никакой робости, что возбуждало её. Она чувствовала себя раздетой, неприличной, но сопротивлялась, пытаясь затянуть халат плотнее. Глаза Мерсера были полны огня желания. Она знала, что любые попытки прикрыться, только сильнее раздражат.

Его голос стал глубже, пока он удерживал её взгляд.

— Леди в этих краях очень впечатляющее зрелище, мисс Ларсон. Выставляя на посмешище некоторых мужчин.

— Посмешище, — кинула Анника. — Уж лучше так, когда леди выявляют наличие манер, а?

Он задумался.

— Зависит от леди, мисс Ларсон.

— Сегодня Вы держали меня на мушке, и ворвались в мою квартиру после наступления темноты. Вы точно также можете звать меня Анника. А я, в свою очередь, буду звать Вас Мерсер.

Он ничего не сказал, но выражение его лица изменилось. Он остановился, открыто оценивая ее достоинства, и уставился на нее с чем-то напоминающим удивление.

— Почему Вы это делаете? — спросила она тихо.

Мерсер не ответил, и потому Анника почувствовала себя достаточно храброй, чтобы продолжить. — Почему бы не найти свой путь, честный, как и другие мужчины? Как ваш брат, например.

Его карие глаза вдруг вспыхнули. Он не оценил упоминания Джеймса.

— Я не мой брат, — сказал он, наконец, голосом, полным мягкого сожаления.

— Я знаю, — сказала она ему.

То, что произошло дальше, было необъяснимо. Мерсер все еще смотрел прямо на Аннику с пылкой страстью, но не двигался. Она распахнула халат, чувствуя, что тот скользнул по ее плечам, и стояла перед ним только в тонкой сорочке. Она никогда не была так раздета ни перед одним мужчиной. Когда она положила ладонь на его грубую щеку, он закрыл глаза. Жар его кожи был обжигающим. Мерсер притянул ее сильными руками к себе с жестким голодом, которого она никогда не знала за всю ее жизнь со всеми целомудренными прикосновениями. Анника ощутила широкую грудь и ощущение его рук на спине. А атака его рта, когда он кусал ее губы, вызвала тихий стон, и желание ее тела прижаться к нему сильнее. Он пропустил руку сквозь её волосы, притягивая ее ближе, когда его язык вторгся в её рот. Грудь Анники натянула тонкую фабричную ткань, которая была грубо отодвинута. Её прошибло током, она поняла, что голая по пояс. Выраженная длина прижалась между ее ног, она прижалась в ответ. Она хотела почувствовать больше. Когда его рот ласкал ее грудь, она сдалась.

О, Боже, как она могла сопротивляться? Как это делали другие? Тогда она все поняла. Страсть, вела людей в бездну похоти, независимо от последствий.

— Нет, — прошептала простое слово Анника, полностью не осознавая этого.

Но Мерсер, отодвинувшись, остановился. Этого времени было достаточно, чтобы некоторые из утраченных чувств вернулись к ней, и она оттолкнула его, яростно прикрывая обнаженное тело и дрожа от нового вида страха. Она была ужасно неосмотрительна, бросаясь на жестокого мужчину и отдаваясь ему в безумной страсти. Как она могла ожидать от такого преступника, как Мерсер Долан, уважения к её отказу?

Мерсер отвернулся, пока Анника, дрожа, поднимала свою одежду, одеваясь. Он, казалось, боролся с самим собой.

— Мерсер, — она начала говорить.

— Молчи, — прошептал он грубо, качая головой, будто что-то причиняло ему боль. Его шляпа упала на грязный пол, и он осторожно надел её обратно на голову, все еще не глядя на нее. Со смесью облегчения и сожаления Анника поняла, что он собирался уходить. — Держи этого паренька рядом, — сказал он, указывая в сторону «бронзового мальчика».

— Буду, — прошептала она, когда он медленно открыл дверь. — И, Мерсер? Я никому не скажу. О полудне.

Его улыбка была настолько сокрушающей, что она чуть ли не кинулась в его объятия, и к чертям последствия.

— Ладно, — протянул он. — Ты великодушна, дорогуша, — и потом он исчез.

Сон не шел, как до этого. Короткое мгновение, которое она провела в объятиях Мерсера Долана, продолжало проигрываться в мыслях. Она покраснела, вспоминая его жесткий стояк, другой половиной желая не останавливать его. А потом, отругала себя за такую глупость.

Мерсер Долан был частью этой банды преступников, дэйнсов, чье имя было у всех на устах в этом крае. Он был свободен и опасен. Он убивал людей на улицах города, и имел

связь со шлюхами. Он был человеком, от которого была без ума любая. Анника была уверена в этом. И хотя ей стыдно признаваться — она хотела его, каждым своим дюймом.

Глава 5.

*Раздор-Сити, штат Аризона
Наши дни.*

Мэддокс почувствовал небольшую тяжесть в животе, пока мелькали мили. Он пытался игнорировать это, наклоняясь вперед и увеличивая скорость, ограниченную правилами. Он бросал вызов всему этому: жизни, смерти, последствиям нарушения законов. В какой-то момент он заметил движение справа и увидел небольшое стадо диких коричневых лошадей, скачущих так, будто они пытались поспеть за превосходящей мощностью его мотоцикла. Или, возможно, они просто считали его родственной душой и хотели его компании.

В мгновение ока, его глаза поймали на ландшафте буквы зелено-белого знака. Даже без этого он точно знал, где он. До Раздор-Сити оставалось почти двадцать километров. Он мог различить тени Возвышенности Скорпиона, они охраняли то, что осталось от старого золотого рудника. Земля на склоне над рекой Хассаямпы была усеяна опасными шахтами еще со времен расцвета Скорпиона. Независимо от того, как часто Священник запрещал ему, еще ребенку, он любил забираться туда.

Вскоре он увидит Священника. Интересно, ждал ли его отец, или старик вообразил, что даже в этот отчаянный час Мэддокс не сможет встретиться с ними лицом к лицу. Дженсен. Габриэлой. Увидеть их будет неизбежно. Он сможет это вынести. Дайте Мэддоксу Маклеоду бутылку виски и желающую женщину на коленях, и он сможет, черт возьми, вынести что угодно.

Оставшиеся мили пролетели слишком быстро. Он надеялся, что доберется до дома Священника, не столкнувшись ни с кем, кого знал. Он просто не вынесет это дерьмо. За исключением старика, он оборвал все связи, как только уехал. Все эти знакомые лица были вытеснены болью. Когда он впервые покинул дом — единственное, что он когда-либо знал, это было тяжело.

Он провел свое время, бесцельно блуждая по юго-западу, подрабатывая, пока не проигрался опасному человеку. У него не было денег, чтобы заплатить то, что был должен, но Орион Джексон мог быть прагматичным, когда хотел. Он позволил Мэддоксу оставаться в Куартзсайте отрабатывать долг. К тому времени, как Мэд расплатился, он понял, что нашел новый дом, который искал. Орион был рад принять его в Отступники раз и навсегда. Мэддокс не был хитрым, как Каспер или шибко умным, как Грейсон, но он прошел свой собственный путь и заслужил свое место в клубе. Он не говорил об этом вслух, но он любил тех людей. Всех.

Мэддокс проехал через центр города и вздохнул с облегчением, когда не увидел знакомых лиц. Он, конечно, не ждал восторженных встречающих на Раздор-вэй, но он с облегчением не увидел никого, кроме парочки наркош.

Пока Мэддокс стоял на красном сигнале светофора, сердце пропустило удар, когда он заметил полицейский автомобиль, припаркованный на углу. Но офицер в нем держал бублик в зубах и, казалось, что-то писал. Он не обращал никакого внимания на Мэддокса. Он не Дженсен. Мэддокс смутно вспомнил упоминание Священника о том, что Дженсен был разжалован до работы за офисным столом из-за огнестрельного ранения, что привело к замене коленного сустава.

Когда он двигался к окраине города, где был отчий дом, Мэддокс проехал «У Джерри», местный магазин лекарств и продовольствия. Это было ничем не примечательное место и не должно было бы вызывать мандраж у него в груди. Кроме того, что это было место, где он встретил ее в первый раз.

Он собирался взять еще пива, чтобы пропустить по бутылочке с его друзьями. В самом деле, он почти сбил ее у полки с Будвайзером (*прим. марка пива*) в его руках, пока его друзья кричали ему, чтобы он, на хрен, поторапливался. К этому времени его брат Дженсен, отошел от мальчишеских шалостей и собирался податься в полицию. Он сразу заметил, что она была хороша собой: темноволосая и стройная, очевидно, латиноамериканка. Мэддоксу нравились девушки, и он определенно нравился им. Но эта, единожды взглянув на него, фыркнула с неодобрением, что вывело его из себя. Она закатила глаза и позволили ему пройти, как будто он был ничем иным, как дорожным знаком, чтобы притормозить, а затем забыть. И все же спустя несколько часов он поцеловал ее в первый раз.

— Прекрати, прекрати, бл*ть, прекрати это, — проворчал он вслух, пока сворачивал на улочку своего отца. Воспоминаниям не захватить его. Ничего уже нет.

Дом был таким, как он его запомнил. Казалось, только стал меньше. Красный кирпич поблек до цвета песка пустыни Сонора. «Nissan Versa» был припаркован на проезжей части. Не было видно мелькания штор или любого иного сигнала, что его приезд был услышан, хотя мотоцикл звучал так громко, словно гром. Внутри этого дома был его отец. Его умирающий отец.

Мэддокс тоскливо вздохнул и слез с мотоцикла. Он знал, что Священник был болен. Он не должен был так долго ждать, черт возьми.

Было странно стучаться в дверь дома своего детства. Еще более странно было увидеть лицо своего брата спустя долгих десять лет.

— Мэддокс, — сказал Дженсен, открывая дверь.

— Хэй, — неловко сказал Мэд, переступая через порог. Он думал, что будет трудно сдержаться, если он когда-нибудь снова столкнется с Дженсеном. Но на удивление он не чувствовал ничего, кроме неясного чувства усталости.

Дженсен на мгновение отшатнулся, а потом протянул руку, которую Мэд с неохотой пожал.

Его брат улыбнулся. — Ты хорошо выглядишь, чувак.

Мэддоксу удалось улыбнуться в ответ. — Выглядишь хреново, Джен.

Улыбка Дженсена стала печальной, и он провел рукой по редющим темным волосам. Ему было немного за тридцать, еще молод, но годы не красили его. В молодости он был атлетом, но сейчас слегка набрал избыточный вес и неторопливо прошел в сторону гостиной, выражено хромя. Мэддокс почувствовал запах перегара в такую рань. Дженсен закладывал. Заклаживал жестко.

Двое мужчин долго смотрели друг на друга, неловкий момент. Они были братьями. Они были одной крови и с их собственной уникальной историей. И все же, Мэддокс пришел к выводу, что они фактически были чужими. Он не знал этого человека. Впервые он почувствовал укол сожаления.

Дженсен неловко сместился и взглянул на коридор. — Он ждал тебя.

— Ты сказал ему, что я приеду?

— Да, — нахмурился Дженсен. — Даже если был не уверен в этом.

— Да пошел ты, я же сказал, что приеду. Он и мой отец тоже.

Дженсен покачал головой и устался на трещины в кафельном полу.

— Черт, Мэд. Я не хочу препираться. Какое бы это ни было противостояние, его больше не существует.

Мэддокс закрыл глаза. Когда он открыл их, он увидел картину в раме на деревянных стенах гостиной. Она висела на этой стене добрых восемнадцать лет. Ему было десять, а Дженсену двенадцать. Священник МакЛеод был еще здоров и крепок. Его большие руки лежали на плечах его жены, Тильди МакЛеод, которая тогда была еще жива.

— Так как он? — тихо спросил Мэддокс.

Дженсен поморщился. — Он совсем плох. Может быть несколько дней, может меньше.

— Я понял, — прошептал Мэддокс, вдруг преодолевая эмоции. Священник МакЛеод не мог умереть. Но умирал. Он чувствовал сейчас его запах в доме, это была приторная вонь медленного разложения, в отличие от резкого медного запаха быстрой смерти.

— Это твой автомобиль на дороге? — спросил Мэддокс, меняя тему.

Дженсен, казалось, смутился.

— Нет. Габи здесь каждый день, она пошла в город за латексными перчатками или еще каким-то дерьмом. Старик любит ее, ты же знаешь. Плюс она помощник врача, она помогает с медицинскими принадлежностями, — Дженсен замолчал, — а потом еще Мигель. Он обожает своего деда. Для него это очень трудно.

Мэддокс ничего не сказал. Он не отступил, когда его брат сделал шаг ближе. На лице Дженсена отразилась искренность.

— Мэд, мне было жаль. Я не могу сказать больше. Я знаю, что для тебя то дерьмо всё еще живо, но для нас все уже кончено. Теперь я женат. Между мной и Габриэлой ничего нет, кроме любви к нашему сыну, — он закашлялся. — Может, отпустишь это, Мэддокс?

Мэддокс посмотрел на человека, с которым была его сильнейшая, из существующих, генетическая связь. Был еще один брат, Кольт. Он был первенцем и умер в своей кровати, когда ему было шесть месяцев. Мэддокс знал, что ни один из родителей никогда так и не оправился от этого выстрела в самое сердце. Чем старше он становился, тем чаще Священник говорил о сыне, которого потерял, рассуждая вслух, о том какая была бы разница, если бы он выжил, как смог бы балансировать между его постоянно воюющими младшими братьями.

— Да, — Мэддокс посмотрел Дженсену в глаза. Его голос был убийственно холоден, настолько можно. — Я отпущу. Теперь чертовски прошу прощения, брат. Я иду к отцу.

Он прошел мимо Дженсена и направился к комнате отца. Это была спальня родителей. Внезапная смерть Тильди МакЛеод была еще одной, от которой Священник так и не отошел. Он искал утешения на дне бутылки. И эта боль, ведущая его к смерти, была ему наградой.

— Хэй, Пап, — тихо сказал Мэддокс, когда вошел в комнату.

Его отец лежал под чистой белой простыней. Его кожа потеряла свой естественный вид и стала тусклой и шелушащейся. Священник открыл затуманенные глаза и улыбнулся своему младшему сыну.

— Мэд, — прохрипел он, пытаясь дотянуться.

Мэддокс быстро подошел к нему, и опустился на колени рядом с кроватью. Упаковки шприцов и маленькая бутылка с прозрачной жидкостью лежали на маленьком столе рядом с ним. Мэддокс предположил, что это болеутоляющее. Это не могло быть чем-то другим. Один взгляд на отца говорил все, человек действительно умирает. Мэддокс схватил хрупкую руку отца и заплакал, как ребенок, как женщина, как грустный мальчик, который только что

понял, что это важнее всего, из того что он когда-либо терял.

В какой-то момент Дженсен вошел в комнату и с хрустом опустился на колени с другой стороны кровати. Мэддокс пытался придумать, что сказать, но на самом деле не было ничего хорошего. У него не было ни женщины, ни детей. У него была пестрая коллекция друзей-мужчин там, в пустыне, за пределами Куартзсайта, но он не мог даже придумать что сказать о них.

Он сидел с отцом и братом, остатками его родной семьи, пока Священник не заснул с улыбкой на иссохшем лице. Мэддокс наблюдал за вздымающейся грудью с тревогой в течение нескольких минут, а затем поцеловал отца в лоб. Дженсен вышел вслед за ним.

— Ты в порядке? — спросил он, осторожно обходя Мэддокса.

Мэддокс тупо уставился на стену.

— Нет. Я не в порядке. Вот дерьмо, это ужасно.

— Да, — голос Дженсена вдруг повысился. — Этот ужас длится недолго. Тебя просто не было здесь, чтобы видеть это.

Мэддокс поднял взгляд. — Пошел ты. Я думал, что ты сказал, что не хочешь ругаться.

— А я и не хочу. Я не должен был так говорить. Слушай, мне нужно отлучиться ненадолго на станцию. Кейси хочет встретиться с тобой, так что мы будем к вечеру. Ты же планируешь оставаться здесь, в доме?

— Кейси, — нахмурился Мэддокс. — Кто, черт возьми, эта Кейси?

Дженсен был вне себя.

— Моя жена, Мэддокс.

— О, — кивнул Мэддокс. — Верно.

Все эти новые имена, имели отношения к людям, которых он не знал. Кейси. Мигель.

Дженсен выудил ключи из кармана. Он открыл неаккуратные жалюзи в гостиной и выглянул в окно.

— Габи скоро вернется. Она этого никогда не говорила, но она чертовски боится тебя увидеть. Так что не будь х*ем с ней, ладно?

Мэддокс поднял брови в притворном недоумении.

— Я никогда и не был х*ем.

Дженсен рассмеялся, но это был невеселый смех.

— Слышь, — откровенно сказал он, — я не буду благодарить тебя за то, что ты приехал, потому что знаю, ты здесь, не из-за меня, но все равно чертовски рад, что ты здесь.

— Хорошо, — сказал Мэддокс весьма категорично. Это был лучший ответ, что он смог дать в данный момент. Дженсен подождал мгновение, скажет ли Мэд, что-нибудь еще, и, вздохнув, ушел.

Мэддокс сел на потрепанный диван, которому было больше лет, чем ему. Он не знал, что, черт возьми, он собирается делать, когда Габриэла де Кампо войдет в дверь. Ему не пришлось долго ждать.

Глава 6.

*Раздор-Сити, Территория штат Аризона
1888*

Анника Ларсон была непоколебима. Она должна была выбросить его из своих мыслей, и всё что с ним связано. Иначе она сойдет с ума. Она знала, что если он снова коснется ее, то моральные устои ее души сгорят в аду страсти.

Мерсер.

Нет, она проделала весь этот путь с определенной целью. Она не подведет.

Джеймс Долан уже оказался бесценным, вдвойне, и как друг, и как союзник. Хотя у него не было детей, он был одним из четырех членов школьного совета, и он уверил Аннику, что присмотрит за оборудованием школы. Он правильно предположил, что родители Раздор-Сити будут рады избавиться от детей. К середине первого дня пребывания Анники на Территории она приняла двадцать шесть учеников. Около половины новых учеников пришли из более благополучных семей владельцев магазинов и бизнесменов, стремящихся заработать на развивающемся городе. Остальные — дети шахтеров. У них был жесткий взгляд, как будто они привыкли к дикости и не принимали хорошие манеры, прививаемые в школе. Родители были всякие, от надменных, обеспеченных женщин, которые председательствовали в нескольких прекрасных домах в городе, до уставших жен шахтеров, привыкших довольствоваться тем, что преподносила им жизнь.

Миссис Свиллинг была женой главного старшины «Scorpion Mining Company». Джеймс сообщил Аннике, что Свиллингсы скопили состояние в Колорадо, прежде чем переехать в Аризону. Миссис Свиллинг приехала на соответствующей повозке, оснащенной парой прекрасных гнедых кобыл, и большую часть своей беседы жаловалась то на жару, то на пыль Территории. Ее единственным ребенком была озорная рыжеволосая девочка по имени Харриет, чье образование пострадало из-за частых переездов родителей.

Тем не менее, когда миссис Свиллинг пригласила Аннику пообедать в тот же вечер, она обрадовалась. Это был долгий день. Хотя она была чрезвычайно довольна явкой в школу, она потеряла шею, признавая, что устала и хотела поесть.

Днем не было ни намек на Мерсера Долана и Анника начала думать, что их неприличная встреча была проделкой нездорового ума. Но, пока она наряжалась к вечеру у Свиллингов, она покраснела, когда мысли продолжали возвращаться к ощущению его рта на ее груди. Фантазии не могли приводить к такой пьянящей боли от желания. Хотя было достаточно тепло, Анника дрожала, пока ее пальцы возились с пуговицами на платье. Она могла только надеяться, что они не встретятся снова.

Когда Джеймс подъехал на своей бричке, она была удивлена. Она была намерена преодолеть пешком короткое расстояние до города. Он сказал Аннике, что тоже будет ужинать у Свиллингов, и улыбнулся ей, что всколыхнуло ее сердце. Джеймс был так похож на своего брата. Анника забралась в бричку, думая о Мерсере и корила себя за это.

Джеймс не заметил. Она отметила, чистоту его брюк и поняла, что он немало потрудился над своим внешним видом по этому случаю. Они приятно болтали во время короткой поездки.

— Итак, мисс Ларсон, — сказал Джеймс с огоньком в глазах. — Как вам новое

окружение?

Опять ее ум предал ее, вспышкой той страстной прелюдии с Мерсером Доланом. Анника сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони и стараясь унять непреодолимую волну желания.

— Мне нравится, — сказала она осторожно. Анника указала на Возвышенность Скорпиона. Она уже знала, вход в шахту лежал у подножия небольшого участка за пределами города, однако еще не видела его. Только везунчики из работников шахты нашли квартиры в городе. Большинство же жило в палаточном лагере недалеко от шахты. — Сколько людей там сейчас обитает?

Джеймс задумался, прежде чем ответить.

— Около четырехсот, плюс-минус. Люди постоянно приходят и уходят. Большинство из них одинокие мужчины, но есть и несколько семей. Это жесткое место, Анника. Большинство отбросы общества. Я не рекомендовал бы вам рисковать собой. Вы, вероятно, не слышали еще, но несколько недель назад в Раздоре повесили одного.

Она была в ужасе. — Повесили? За какое преступление?

Губы Джеймса вытянулись в жесткую линию, пока он смотрел вперед, на узкую дорогу в город.

— Он был шахтером. Он думал, что смог захомячить кусочки золота, которые выкопал из земли. Но попался. И справедливость по этой части настигла его.

— Справедливость, — Анника импульсивно фыркнула. — Вы называете это справедливостью — повесить человека за кражу нескольких камней?

Джеймс опешил. Затем он медленно улыбнулся. — Нет, — сказал он, оценивая ее с искренним уважением. — Я не считаю. Но в золотодобывающем городе это самое худшее, что ты можешь сделать, кроме убийства.

Всякий раз, когда Джеймс говорил, Анника вглядывалась в его профиль. Как и ожидалось, он напоминал Мерсера. Самая большая разница была в поведении. Джеймс рассудительный, искренний. Мерсер — вспыльчивый. Она чувствовала себя непринужденно наедине с Джеймсом. Когда же Мерсер надвигался на нее в тусклой комнатке, она знала, что ему нельзя верить. Кроме того, она знала, что с ним не может доверять себе.

Когда они подъехали ближе к городу, Анника услышала приближающийся хохот позади брички и обернулась. Группа детей прижалась друг к другу и внимательно следили за ними. Они были черноволосыми и темнокожими. Девочки были одеты в яркие платья. Очарованная, Анника помахала им рукой. Они завизжали и разбежались, оставив одного одинокого мальчика томиться на дороге. Ему было лет восемь на вид, и он махнул в ответ, улыбаясь.

Джеймс остановил лошадей и обратился к ребенку.

— Дези, — сказал он, — я сегодня собирался вызвать твоего отца. Ты можешь сказать ему, чтобы подождал меня завтра.

Дези дружественно протянул руку к одной из кобыл, терпеливо ожидая, когда она учует его запах и стоял, сдерживая прикосновения.

— Папа будет рад услышать это, мистер Долан.

Джеймс несколько раз кашлянул в платок, а затем пришел в себя.

— Мисс Анника Ларсон, я хотел бы познакомить вас с Дези де Кампо. Его отец, Карлос, возит повозку с водой из города к шахте. Дези, мисс Ларсон новый учитель.

— Я рада познакомится с тобой, Дези. Никогда раньше не слышала такого имени.

Мальчик посмотрел на нее весело из-под шапки черных блестящих волос.

— Мое полное имя Дезидерио. Вы не похожи на учителя.

— Разве нет?

— Нет, — честно сказал он. — Вы слишком красивая.

Анника покраснела и Джеймс усмехнулся. — Ну, я благодарю тебя за комплимент. И надеюсь, что твои родители скоро зарегистрируют тебя в школе. Мы можем обсудить, на каком ты уровне, когда придет время.

Дези нахмурился и посмотрел на Джеймса с явным недоумением.

Джеймс откашлялся.

— Нам лучше отправляться. Миссис Свиллингс не будет любезно задерживать ужин из-за нашего опоздания.

После пожеланий мальчишки де Кампо приятного вечера, они ехали в течение нескольких минут в тишине.

Анника задумалась о выражении на лице ребенка, когда она упомянула его образование. — Почему Дези не посещает школу?

Джеймс заерзал на сиденье, выходя сконфуженно.

— Карлос де Кампо и Альви Гарсия присматривают землю для строительства мексиканской школы. Для Дези и других детей.

— Мексиканская школа? — воскликнула она. — Ребенок говорил на прекрасном английском языке.

Джеймс кивнул, сосредоточив внимание на дороге. — Да. Он, в конце концов, родился на Территории.

— Вы утверждаете, что этому мальчику не разрешат находиться в моем классе?

Джеймс Долан повернулся к ней с откровенным выражением.

— Это противоположная сторона востока, Анника?

Она вспомнила рассказы о своих родителях, которые были в одном из первых наплывов скандинавских иммигрантов. Они столкнулись с долей тягот и предрассудков. Даже после того, как ее отец пролил кровь за Союз, оставались еще те, в Кроуфорде, кто называл его «этот долбаный швед». Но, как только у Ларсона появились дети, они были уже американцами. Им никогда не запрещали принимать участие в обычной жизнедеятельности. Анника не была глупой, она знала, в чем было отличие. Более двух десятилетий ее страна делилась на части, решая вопрос о том, кто прав, а кто нет, где все еще различают людей по цвету кожи. Возможно, так будет всегда.

Она вздохнула и уселась в бричке, не заботясь о том, что поза была неудобной. Джеймс бросил на неё сочувствующий взгляд, но решил оставить эту тему в покое.

Осень в пустыне была совсем иной. Вместо туманного разноцветного сезона, пейзаж оставался постоянный и в большей части коричневый. Тени приближающегося вечера пересекли их путь, когда похабный смех перемешался с бешеными криками из салунов на Раздор-вэй.

Они проехали заведение, которое казалось еще более переполненное и шумное, чем все остальные. Грубо нарисованные слова «Комната Роз» висела над дверью, которая качнулась наружу, когда они проезжали, выпуская двух грязных мужчин с пистолетами, открыто висевшими на бедрах.

Анника краем глаза уловила движение, и подняла голову, осознавая, что здание было уникально вторым этажом, там не было фасада. Шаткая спиральная лестница снаружи и

небольшой балкон, растянувшийся по всей длине. Он выглядел непригодным для нахождения там людей, но три женщины, стоявшие на нем, невозмутимо ворковали и выкрикивали непристойности, при этом крутясь в вызывающих нарядах.

— Бордель, — мягко объяснил Джеймс, словно смутился.

— Да, — она ответила с тенью удивления в голосе. — Я так и подумала.

В конце концов, ей было двадцать два, и она не была ханжой. Она понимала, что такие места существуют. Кроме того, она знала, что они пользовались популярностью у мужчин, даже у тех, чьи жены согревали им постель.

Через несколько секунд Джеймс посмотрел на Аннику с тревогой, правя лошадьми и потянув её за локоть. Она в ответ ахнула вслух, от неожиданности. Там, развалившись в тени борделя, стоял Мерсер Долан. Он приподнял шляпу и улыбнулся ей, он явно развлекался при виде ее рядом с его братом.

Джеймс заметил Мерсера и кивнул в его сторону. Двое мужчин оценивали друг друга, молча в течение длительного момента. У Анники у самой было четыре брата. Иногда они дрались и дразнились по-детски, даже в зрелом возрасте. Но между мужчинами Долан была напряженность, которой она никогда не видела между её собственными братьями и сестрами. Возможно, это из-за того, что они стали сиротами так рано. Или, возможно, их темпераменты были абсолютно противоположными, заставляя их вести тихую борьбу, в которой не было победителя.

Джеймс Долан первый отвел взгляд и направил лошадей вперед. Когда они минули бордель, Анника случайно оглянулась на Мерсера. Он стоял в том же положении, одна нога на другой, небрежно надетая шляпа, пистолет, опасно висевший на бедре. Из одного обгаженного голубями зданий, появилась крашенная брюнетка и обратилась к нему недовольным голосом. Он проигнорировал ее, удерживая взгляд Анники, пока она не отвернулась, потрясенная, и столкнулась прямо с Джеймсом.

Дом Свиллингсов был действительно прекрасен, особенно с этой стороны. Миссис Свиллингс должно быть, обошлись в копеечку роскошный хрусталь и великолепно детализированные драпировки, которые составляли викторианский двухэтажный интерьер. Величественный дом занял большую часть собственности, поодаль от пыльного Раздор-вэй.

У Свиллингсов была экономка, ярко-рыжая, которая говорила с музыкальным ирландским акцентом. Анника узнала, что ее имя Молли, потому, что Миссис Свиллингс выкрикивала это слово каждые тридцать секунд. Пока она наблюдала, как Молли подает еду и пыталась соответствовать ожиданиям Миссис Свиллингс, Анника радовалась своей независимости. А именно отсутствию указаний от других.

Мистер Свиллингс — кругляш, похожий на поросенка. Он не реагировал на то, что говорила его жена, и полностью игнорировал новую школьную учительницу Раздор-Сити, беседуя исключительно с мужчинами. Гарриет Свиллингс нравилось раздражать мать своей невоспитанностью, но Анника не могла не улыбнуться ее озорному лицу в веснушках.

Аннику представили мэру, мистеру Альберту Таунсенду и его жене-мышке Абигейл. Мистер Таунсенд вежливо поприветствовал ее, но в его глазах была мрачная холодность, которая была неприятна. Тихий разговор мужчин сосредоточился вокруг шахты и местной политики. Анника незаметно пыталась слушать, но миссис Свиллингс перебивала с какой-нибудь глупостью или чем-то другим.

Пока Молли тихо суетилась вокруг, на протяжении всей трапезы Анника пыталась не замечать, что даже в самых богатых домах в городе, в воде все еще остается слой

коричневого ила, который опускался на дно стакана. Займет некоторое время, чтобы привыкнуть.

Гарриет захлопала в ладоши, когда Молли внесла возвышающийся ангельский торт, в столовую. Анника взяла кусочек, слегка чувствуя вину, думая, что бедные семьи шахтеров, которые остановились в школе, не насладятся такой роскошью.

В то время как она тщательно наслаждалась кусочком ангельского торта, звук грозного имени достиг ее ушей.

— Каттер Дайн, — Мистер Свиллинг сказал это таким тоном, будто произнес непристойность.

— Каттер? — переспросила она с удивлением и мужчины уставились на нее.

Мистера Таунсенда передернуло от того, что женщина прервала разговор. — Да, мисс Ларсон. Несомненно, его имя не звучит поэтично для новичка с востока, который считает, что масса статей написана о нем.

— Альберт, — нахмурился Джеймс.

— Я не знаю, о чем вы говорите, — твердо сказала Анника мэру Раздор-Сити. — Я только думаю, что его имя мне смутно знакомо.

Джеймс посмотрел на нее. — Как вы, господа, знаете, на мисс Ларсон в её поездке напали дэйнсы.

— Как ужасно, — миссис Свиллинг обмахивалась льняной салфеткой так, как будто мысль о соприкосновении Анники с опасностью была выше её сил.

Джеймс продолжал, как ни в чем не бывало: — Мисс Ларсон, имя Каттера Дэйна может звучать знакомо из-за его жестоких деяний на Территории. Он мрачно улыбнулся.

— Восточникам нравится делать героев из воров-наездников и убийц.

Крошки упали на бороду Мистера Свиллинга, когда он заговорил с набитым ртом.

— Эбсон придерживается мнения, что он не был знаком с дэйнсами до вчерашнего ограбления, хотя я уверен, что сегодня он вкусил плоды этого преступления, — он сглотнул и откусил еще. — Каттер Дэйн большой человек. Может показаться, что слишком большой, чтобы усидеть на лошади. И в два раза отвратительней самого худшего негодяя на Территории.

Мэр ошибался. Своеобразное мужское имя не было знакомо Аннике из-за каких-либо книг-ужастиков. Оно было знакомо еще по одной причине.

«И я не хочу слушать никаких чертовых отговорок, или ты предстанешь перед Каттером».

Предупреждение, вынесенное Мерсером Доланом, когда он остановил нападение на неё одним из других дэйнсов.

Джеймс Долан все еще рассматривал ее холодным взглядом бывалого судебного исполнителя.

— Дэйн по-прежнему на свободе, потому что ему нечего предъявить. Закон..., — сказал он, глядя вокруг, приподняв брови, — несколько шероховат на территории.

— Да? — тихо спросила Анника, думая о Мерсере.

Когда вечер закончился, и гости Свиллингсов готовились уходить, Аннике снова бросилась разница между Кроуфордом и Раздор-Сити. Час был достаточно поздним для сна по меркам Кроуфордских молочных фермеров. Тем не менее, главная улица города, Проспект Раздора, была ввергнута в бесшабашный хаос покачивающихся, назойливых мужчин и случайных плохо-зарекомендовавших себя женщин.

— Зарплата, — сказал Джеймс сквозь стиснутые зубы, держа винтовку на коленях и бросая стальные взгляды в направлении каждого. Он, очевидно, был мужчиной, который внушал уважение, потому что ни один из грубиянов, не рискнул желанием отвечать его угрюмому виду.

Джеймс, должно быть, увидел недоумение на лице Анники.

— Зарплата на шахте, — пояснил он, — что в переводе «оправдание пить, до белой горячки, а также искать другие... ах ... развлечения», — закончил он деликатно.

— Я вижу, — ответила она, напряженно цепляясь за сиденье, пока пара недобросовестного вида мужчин косились на нее под балконом «Комнаты Розы». Касательно Мерсера Долана, Анника размышляла, был ли он в числе мужчин Раздор-Сити, ищущих «развлечений» в тот вечер.

— Где он живет? — резко спросила она. Джеймс бросил на неё колкий взгляд, и она покраснела, но не смогла изящно уйти от вопроса. — Мерсер, я имею в виду. Я не думаю, что он живет с Вами. Ведь так?

Джеймс Долан посмотрел на Аннику с выражением смеси подозрения и сожаления. Она сожалела о печали, отразившейся на его лице. Тем не менее, Мерсер как-то залез ей под кожу, независимо от того, как она попыталась отрицать это.

— Нет, — медленно и с некоторой горечью сказал он. — Он не живет со мной. Лиззи держит для него комнату, независимо от того, как долго его нет или в какие неприятности он ввязывается.

Не смотря ни на что, Джеймс был джентльменом. Когда он благополучно доставил её в школу, в его манерах не было и унции огорчения, когда он пожелал ей приятного вечера и обещал прислать плотника из города для сборки оставшейся части школьной мебели.

Когда он уехал, Анника посмотрела ему вслед, желая, чтобы он был братом, чье лицо преследовало ее, чье тело она хотела ощутить. Потом она тихо отругала себя за собственную глупость. Анника приехала на Территорию не для того, чтобы найти себе мужа. Это было не легкой задачей для женщины, пройти свой путь в стране, которая удостоила её иметь часть прав мужчин. Нет, она даже не хочет мужчину, не по-настоящему. Тем не менее, даже тогда, когда мысль пришла ей в голову, она знала, что это неправда.

Когда она зажгла фонарь и начала раздеваться, её мысли была заняты Мерсером Доланом. Если бы он пересек ее порог, то она боялась, что ей не хватит решимости остановить жесткое желание, ощущаемое между ног, и не сможет удержаться перед натиском его мужественности. Она позволила бы ему взять то, что он хотел.

Ее дыхание сбилось, Анника сидела в смятении в течение длительного времени, слушая тайные шорохи ночи. Она хотела, чтобы каждый звук привел его. И в тот же момент она взмолилась, чтобы этого не произошло.

Глава 7.

Раздор-Сити, штат Аризона

Наши дни

Дверь была не заперта, и она могла зайти и выйти, когда пожелает, но она все равно постучала. Когда она отбивала нервное стаккато по двери и ждала, Мэддокс знал, почему; она видела его мотоцикл на дороге. Тем не менее, он не двигался с дивана, сидя в немой тишине.

Когда входная дверь в дом его отца открылась, одна единственная девушка, которую он когда-либо любил, вошла внутрь. Она не была такой же плоской, какой была в восемнадцать лет. Она полностью превратилась в женщину. Ее черные волосы были собраны в хвост, и она носила очки в темной оправе, которые делали её моложе.

Габи просто смотрела на него, не шокировано, не испуганно. Она ждала, чтобы он задал тон беседе.

— Габс, — сказал он тихо, и с долгим вдохом, она закрыла глаза. Так он называл ее. Он догадался, что никто с тех пор не называл её так.

Она сглотнула. — Привет, Мэдди.

Мэд закинул ногу на колено и усмехнулся. Он мог сыграть в эту формальность. — Так что, черт возьми, нового, Габриэлла?

Ее глаза сузились. Её не обманул его легкий тон. Ничего из этого не было легким. — Ты уже видел своего отца?

Улыбка Мэда спала, и он встал. — Конечно. Почему, черт возьми, ты думаешь, я здесь?

Габи выглядела усталой. — Господи, давай уберем желчь в самом начале, мы ведь в состоянии это сделать? Это было чертовски давно, и я рада, что ты был частью этого. Давай просто отпустим это.

Мэддокс действительно пытался не создавать проблем. Это было трудно. Слишком трудно. Он покачал головой и двинулся на нее. — Ты великодушна, дорогуша.

Слова, казалось, ударили ее, словно молотом. Мэддокс почувствовал небольшую толику триумфа, когда понял, что она вспомнила, где слышала их раньше. От него... ночью..., когда они встретились, незадолго после того, как он почти сбил её, убегая с украденным пивом. Хассаямпа разлилась после недавно выпавшего дождя, и он пил на берегу с несколькими сбежавшими засранцами, когда она случайно вышла перед ними из ниоткуда.

— Нола, сеньорита, — сказал он, с восторгом, что увидел ее снова.

Она быстро отшила его. — Я не говорю по-испански, ты, гребанный ушлепок.

Он решил, что она убежит, но она этого не сделала, и Мэддокс оставил друзей, чтобы прогуляться с ней. Медленно собирая кусочки информации о ней. Габриэла де Кампо была из Сиэтла, и недавно умерла ее мать. Ее отец, который никогда не был сильным человеком, отправил её в свой родной город Раздор-Сити, заканчивать среднюю школу, в то время как сам пытался справиться со своим горем.

— Де Кампо, — медленно сказал Мэддокс. — Ты внучка Старого Хуана?

Она кивнула, раздраженно пиная речные камни. — Да. Папа из сентиментальных. Любит говорить херню по типу «До того как здесь появилось золото и до того, как деревушка расцвела, здесь уже были де Кампо», — она пожала плечами. — Как будто, в этом

есть какая-то чертова разница, — она нахмурилась, глядя на него. — Ты не сказал мне, как тебя зовут.

— Мэддокс. Люди называют меня Мэд. Кличка и состояние души. Мэд МакЛеод. *(Прим. Mad — сумасшедший, игра слов и имени в англ. языке)*

Габриэла остановилась. — МакЛеод? — что-то вроде осознания отразилось на ее лице, когда она более внимательно посмотрела на него. — У тебя есть брат.

— Есть, — сказал он удивленно. — Ты уже встречалась с Дженсеном?

Она кивнула. — Он вчера стоял в очереди за мной в «Баша». Он подкинул мне пятерку, когда мне не хватило наличных. Мы разговорились. Он похож на тебя. Он классный.

— О, — улыбнулся Мэддокс. — Ну, я нет. В смысле классности.

— Я поняла, — сказала она, фокусируясь на нем нечетким взглядом ее темных глаз.

И тогда он поцеловал ее. Мэддокс поцеловал больше девочек, чем мог сосчитать, но никогда не было такого мгновенного чистого импульса, когда он схватил и приблизил ее к себе. Она поддалась, опираясь на него, и отвечала на поддразнивания своим языком. Но когда его рука смело залезла под ее рубашку, она оттолкнула его. Он заморгал, глядя на нее. Она уже начала уходить.

— Не волнуйся, — окликнула она, направляясь в сумерки. — Я никому не скажу о пиве, которое ты украл.

— Ладно, — сказал он, кое-как приходя в себя и понимая, что теперь он должен будет найти ответ на жесткий стояк в его штанах. — Ты великодушна, дорогуша.

Десять лет спустя, он столкнулся с ней в гостиной пастора МакЛеода и вспомнил ту ночь. Ее лицо казалось взволнованным, и этому Мэддокс был рад. Пусть ей будет чертовски не по себе, подумал он.

Затем он передумал. Сейчас он был мужчиной. Его отец умирал в соседней комнате. И это было то самое время, чтобы, наконец, дать дерьму улечься.

— Ладно, Габи, — осторожно сказал он. — Я готов двигаться дальше, если ты не против.

Она игриво склонила голову. — Я не понимаю о чем ты. Похоже, ты все еще ненавидишь меня.

Мэддокс рассмеялся.

— Нет, Габс. Я никогда не ненавидел тебя. Ты растоптала мое гребанное сердце, но я никогда не ненавидел тебя.

Ее глаза расширились, и она отвела взгляд, с болью на лице. Она, казалось, испытывала муки от его слов. Он выскажется, и затем больше не заговорит об этом. Мэддокс встал в нескольких дюймах от нее. У нее не было выбора, кроме как поднять на него взгляд.

— Просто помни, Габриэла де Кампо, ты никогда не знала меня. На самом деле. Все, что было между нами — ничто, если ты смогла так легко отвернуться.

— Мэд... — она начала говорить.

— Нет, — он поднял руку. — Это так. Дженсен сделал то, что сделал, и ты сделала то, что сделала. С этим покончено, — он протянул руку. Он знал, что это по-детски. — Проехали.

Она не протянула в ответ. Скрестила руки на груди и вздохнула, затем прошла мимо него в направлении холла, проверить Священника.

Мэддокс после всего этого был х*ем, но он не жалел. Он был рад, что сказал ей. Она сможет переварить это спустя некоторое время. Эти последние несколько дней жизни отца

будут последними, что он проведет в Раздор-Сити. Это будет последний раз, когда он будет иметь дело с каждым из них. Он уже заскучал по своим парням. Он вынул мобильник из заднего кармана. Он мог бы позвонить Брэндону. Этот парень подбодрил бы его, даже не пытаясь сделать это специально.

Мэд не хочет, чтобы его разговор слышал весь небольшой дом с Габи внутри. Он открыл входную дверь, намереваясь позвонить на улице. Однако там стоял мальчик. Он был жилистый и черноволосый и у него были глаза его матери. Он скромно улыбнулся Мэддоксу.

— Ты мой дядя, да? — спросил он с душераздирающей надеждой в голосе.

Мэддокс прислонился к тонкому дверному косяку, чувствуя, как силы покидают его. — Мигель, — сказал он. — Мигель МакЛеод.

Мальчик кивнул, глядя на него с явным страхом.

— Да, я твой дядя, — признался он, потрясенный этим столкновением с воплощением старого предательства во плоти. Нет, это было не справедливо. Мальчик не был виноват.

— Я рад, наконец, встретиться с тобой, — сказал Мэддокс, и он именно это имел в виду.

Его племянник, сын Дженсена и Габриелы, улыбнулся.

Глава 8.

*Раздор-Сити, Территория, штат Аризона
1888*

Лизи Пост была интересной женщиной. Ее настойчивый стук застал Аннику незадолго до восхода солнца. Когда она открыла дверь, ярко-зеленые глаза женщины оценили ее за одно мгновение. Анника благодарила дни и часы, проведенные на молочной ферме. Представившись, опекунша мальчиков Долан кивнула, с удовлетворением заметив, что Анника уже встала и оделась.

— Рада тебе, пташка, — сказала она, крепко пожимая руку Анники, словно они мужчины. Она было на голову ниже, но ее стройное тело говорило о силе, которой Анника могла только мечтать, даже после трудолюбивого детства на ферме своего отца. Лиззи Пост махнула седой головой в сторону шаткой повозки, привязанной к паре вертких мулов. — Привезла тебе немного припасов.

Пока Анника помогала с разгрузкой, она смирилась с поразительным множеством провизии, не последним из которых был пуховый матрас для ее кроватного каркаса. Аккуратная консервация, должно быть, была из личных запасов Лиззи. Анника прошлась пальцами по банкам с маринованной свеклой и с благодарностью взяла мешки муки. Лиззи все равно приберегала лучшее напоследок. С блеском в ее серых глазах она развернула драгоценное оконное стекло для единственного окна в учительской.

После того, как они успешно установили стекло в окне, Анника отошла, любуясь им. Лиззи улыбнулась ей. Сложив руки за спиной, Анника неловко предложила возместить ей стоимость привезенного из своей учительской зарплаты.

Лиззи и глазом не моргнула. — Нет необходимости. Я слышала, вы произвели большое впечатление, мисс Ларсон.

Анника никогда не ходила вокруг до около. — Вы имеете в виду Джеймса? Он описывал Вас как мать. Он был очень добр ко мне, когда я приехала.

Обветренное лицо Лиззи разгладилось в усмешке. — Джеймс хороший мальчик. Но он не тот, кто говорит о вас с благоговением, — она подождала, когда Анника уловит смысл. Когда она не ответила, Лиззи подняла брови. — Вы, создаете впечатления искреннего человека. Мерсер, кажется, так думает. Не говорите мне, что мы оба неправы.

Анника сглотнула, глядя на пыль, покрывающую подол. — Я знаю о Мерсере, — тихо сказала она.

Лиззи не изворачивалась. — Я тоже знаю о Мерсере.

— А Джеймс?

— Возможно.

— Связан по рукам и ногам, по закону и всему остальному.

Лизи Пост прояснила. — Вы приехали из более порядочного места, мисс Ларсон. Такие шутики здесь не прокатывают.

— В самом деле? — возразила Анника. — Кажется, недавно шахтера повесили за кражу золота, думаю, у него было другое мнение.

— Ты резкая, — она кивнула, больше себе, чем Аннике. — Мальчишка говорил об этом. — Лиззи смело шагнула ближе и посмотрела прямо в глаза Анники. — Он не плохой, —

отрезала женщина. — Просто иногда так кажется, — она махнула рукой в сторону недавно распакованного провианта. — Знаешь, все это, от Мерсера. — Лиззи Пост резко заскочила в повозку, закончив с поставленной для неё задачей. Она послала Аннике небольшую улыбку. — Ты должна поблагодарить его, — и затем, вскрикнув и рванув поводья, уехала.

Анника уставилась на кучу провизии. Если бы это было действительно от Мерсера Долана, то это было актом высшей щедрости. Возможно, он все еще чувствовал свою вину за сцену вооруженного нападения. Или, возможно, он ждал чего-то взамен. Она коснулась толстого оконного стекла. Стекло было дорогим, особенно вдалеке от цивилизованных городов. Мерсер выложил кругленькую сумму. Прежде всего, Анника решила, что он использовал деньги от его разбоев с Дэйнсами.

В мыслях она видела его сидящим на коне с лицом, скрытым под маской и с пистолетом, направленным на нее. Воспоминание было в равной части отвратительным и потрясающим. Стиснув зубы, она бодро зашла в школу и начала подметать пол в ожидании детей.

Вскоре начали прибывать ученики. Они были обширной смесью нравов и характеров. Это было немного впечатляюще оценивать разнородность образования больше чем за сорок учеников. Удивительно, некоторые из более взрослых учеников были едва обучены грамоте.

День прошел быстро, и в конце Анника вздохнула и села на перевернутый баррель воды, который выступал в качестве стула, пока не появится что-то более подходящее. Когда она оглядела пустой класс, то улыбнулась при воспоминании о своих учениках.

— Довольна собой, да?

Низкий мужской голос вызвал у Анники нехватку воздуха и заставил спрыгнуть с бочки. Мерсер Долан стоял в дверях школы Раздор-Сити и посмеивался над ней.

Анника надменно расправила платье и посмотрела на него.

— Вам нравится быть моим кошмаром, мистер Долан?

Он подошел к ней, все еще улыбаясь.

— Я думал, что мы покончили с формальностями, Анника.

Она сглотнула, пытаясь успокоить дыхание. Она не могла позволить ему понять, как его присутствие потрясло ее.

— Снимайте шляпу, если Вы собираетесь входить в мою школу.

Он послушался, проводя рукой по темным волосам, которые были скрыты от солнца слишком долго.

— Как скажете, мэээм.

— Что, если я скажу, что хочу, чтобы Вы ушли?

— Тогда я ответил бы, что Вы нечестны.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Анника закрыла глаза. Черт бы его побрал, он мог видеть её насквозь. Подлый преступник дэйнс ничего не сказал, пока она разбиралась со своими мыслями. Если её поймут с мужчиной в ее апартаментах, не говоря уже о таких, как Мерсер Долан, это, вероятно, будет основанием для прекращения преподавания в школе. Быть наедине с Мерсером это риск не только для благополучия Анники, но и ее чести. Тем не менее, когда она открыла глаза и встретила его пристальный взгляд, она уже поняла, что не сможет отвернуться.

— Не хочешь присоединиться ко мне и немного поужинать, Мерсер? Маринованная свекла и песочное печенье, если согласишься.

Мерсер был сама учтивость на протяжении ужина. Он разминал ноги и утверждал, что Анника отлично готовила.

— Лжец, — она улыбнулась.

— Нет, — ответил он, — не тогда, когда это имеет значение. — Он отбросил манеры и позволил взгляду скользнуть по ней, оценивая. — Анника? — спросил он. — Что-то не так?

Она сложила руки на коленях. Вдруг комната стала очень маленькой. Или же Мерсер казался очень большим.

— Я не знаю. Я не очень хорошо себя чувствую.

Мерсер достал серебряную фляжку и протянул ее.

— Выпей это, — сказал он. — Ты почувствуешь себя лучше.

Аника неохотно сделала глоток обжигающей жидкости. А потом еще. Это не помогло. Ее мутило, а сердце кувыркалось в груди.

— Ты должен уйти, Мерсер, — выдохнула она. — Мне серьезно плохо.

Аника не оглянулась. Она побрела из школы к себе в комнату. После того, как дверь закрылась позади нее, она вцепилась в кровать, пытаясь вдохнуть. Вдруг большая рука обернулась вокруг талии, настойчиво притягивая ее к жесткому мужскому телу.

Мерсер обнял ее обеими руками и притянул ее плотнее к себе. Аника увидела голую кожу его мускулистых рук и поняла, что он снял рубашку.

— Неудивительно, что тебе нехорошо, — прорычал он ей на ухо, умело расстегивая пуговицы на ее платье и стягивая с ее плеч. — Ты не можешь дышать, Аника.

От его прикосновения у Аники закружилась голова. Это было уже слишком. Она не могла сопротивляться.

— Тогда помоги мне, Мерсер, — прошептала она.

Он не был нежным, когда рвал шнурки на ее корсете. Его руки сразу же нырнули под жесткий корсет, за раз снимая его. Затем он умело и грубо схватил ее грудь, Аника еще крепче прижалась к его рукам, смутно расслышав свой тихий стон. Мерсер заставил ее замолчать, засовывая ей в рот свой язык, у него был вкус виски.

Остальная одежда не так быстро снималась, пока его руки были повсюду, нетерпеливо и уверенно. Она ахнула, и он вклинился ей между ног, а затем прижалась к нему с большим рвением, подталкивая его в направлении своего хлопкового белья.

— Мерсер, — выдохнула она, когда их рты ненадолго разъединились. В ответ, он поднял ее своими мощными руками и бесцеремонно бросил ее на кровать. Затем он опустился на неё, а она инстинктивно обняла его ногами вокруг талии.

— Ты так прекрасна, — сказал он, и его голос обволакивал страстью, пока он гладил ее грудь, живот, внутреннюю поверхность бедер. Он положил руку ей между ног, и она стала беспомощна против возбуждения. Аника не сомневалась, что до этого момента Мерсер делал это уже много раз, для многих женщин. Даже такие мысли возбуждали.

Она провела руками по его широкой мускулистой спине, удивляясь его совершенству. Его кожа была гладкой и загорелой, как будто он часто подвергался солнечному воздействию.

— Дай мне посмотреть на тебя, — вдруг сказала она, пытаясь приподняться на локтях. Даже сейчас, когда просьба сошла с её губ, это шокировало ее.

Мерсер дразнил ее груди ртом, пока его руки были у нее между ног. При звуке ее голоса он остановился, поднял голову. Когда он улыбнулся, будто невидимая рука сжала сердце Аники.

— Пожалуйста, — прошептала она.

Не отрывая глаз от ее лица, Мерсер расстегнул джинсы и снял их. Он, казалось, наслаждался ее взглядом. Его член был крепкий и огромный. Анника не могла представить его внутри себя, и все же, она хотела его больше, чем что-либо.

— Возьми его, Анника, — строго приказал Мерсер. Когда она начала колебаться, он взял ее за руку, подвигая к своему стояку. Стон восхищения сорвался с его губ, когда ее пальцы нашли его. Потом он вдруг оттолкнул её руки, поднимая их над головой, удерживая ее запястья сильной хваткой. Сменное белье Анники было единственным, что находилось между ними, пока он толкался об неё. Она видела свою собственную открытую плоть, поверхность своей обнаженной груди, жаждущую его прикосновений. Мерсер ненадолго приостановился, пробежавшись языком по ее твердому левому соску, а затем потянулся к ее подбородку, жестко хватая ее, так что ей пришлось встретиться с ним взглядом.

— У тебя никогда до этого не было мужчины.

— Нет, — забормотала Анника, желая вернуть его губы туда, где были. — Конечно, нет. Мерсер кивнул на ее ответ, и огонь в его глазах немного приугас. Когда он целомудренно поцеловал ее в лоб и медленно скатился, она была, так сконфужена, как той ночью.

Анника села, не до конца прикрыв грудь руками. Чувство стыда пронизывало её.

— Мерсер, у тебя это было со многими женщинами?

Он вопросительно поднял брови, а затем медленно улыбнулся.

— Сотни, — подтвердил он, хрипло смеясь и притянув ее к себе так, что их голые груди оказались на одном уровне.

Впервые Анника увидела четкую уязвимость в преступнике, когда он вынимал шпильки из ее длинных светлых волос и говорил томным, неторопливым голосом. Некоторые из вещей, которые он рассказывал ей, она уже слышала от Джеймса, такие как: долгий путь на запад, смерть его близких. Имя его брата между ними не всплывало в течение очень долгого времени, затем ночь углубилась и они лежали в объятиях друг в друга.

— Вы двое не ладите, да? — наконец, спросила Анника.

Рука Мерсера перестала гладить ее нежную кожу и его тело напряглось.

— У нас свои разногласия, — вздохнул он. — Но он моя кровь, и я бы рискнул многим ради этого человека, — Мерсер замолк, а затем направил свой стальной взгляд в ее сторону. Фонарь в углу комнаты чуть сторел, и она едва могла его видеть. Его слова были откровенными, когда он отодвинулся на несколько дюймов от неё, не прикасаясь к ней. — Анника, если ты скажешь мне, что ты предпочитаешь Джеймса, я уйду из твоей постели прямо сейчас, и никогда не попрекну тебя этим. Черт, я смогу понять, почему порядочная женщина будет тосковать по комфорту пребывания с судебным исполнителем больше, чем в компании шумного гангстера.

— Нет, — она покачала головой, наклоняясь над ним и целуя в губы, позволяя ее языку проникнуть в его рот так, как он научил ее. Хотеть Джеймса Долана так просто. Но она не хочет, да поможет ей в этом Бог. После короткого поддразнивания она отстранилась, глядя на него серьезно. — Несмотря на то, что это не имеет никакого смысла, и я буду жить, в итоге сожалея, я хочу тебя, Мерсер. Ты хитроустроенный человек. Есть вещи в тебе, которые ужасают меня, и кое-что чего я не хочу знать. И мне все равно. Боже, я хочу тебя.

Мерсер Долан усмехнулся и аккуратно сдвинул длинные волосы с её груди. — Моя маленькая учительница. У тебя есть представление о том, насколько скверно то, что я хочу

погрузиться в твою сладкую девственность, Анника? У меня никогда не было женщины, которую я хотел больше, чем на несколько часов, — он стал серьезным и перекатившись своим крепким телом на нее, яростно удерживая своим взглядом её. — До сих пор. Я не просто хочу лишить тебя девственности, Анника.

— Чего же ты хочешь, Мерсер? — спросила она, постанывая от ощущения его мужского достоинства напротив её нетронутой щелки, в возникшей тишине.

— Всего, — ответил он, подталкивая её. Даже без его дальнейших объяснений, Анника поняла. Эти глубокие связи между мужчинами и женщинами когда-то доходили до неё. Она не чувствовала этого даже с мужчиной, за которого она когда-то согласилась выйти замуж. Она доверяла Мерсеру, когда он сказал, что не будет довольствоваться ею один раз. Она тоже не будет довольствоваться этим.

Мерсер оставался с ней в течение нескольких часов. Они иногда засыпали и затем просыпались, чтобы упиваться каждым прикосновением. Она знала, что для него это было высшей степенью, держаться, сохраняя небольшую дистанцию между ними, что отделяла его от того, чтобы овладеть ею. Хотя она отчаянно хотела, Анника не спрашивала его о Дэйнсах. Она знала, что вопрос не обрадует его или даже останется без ответа.

Когда первые лучики утра начинали освещать небо, она застенчиво завернулась в халат и проводила его до двери. Мерсер нежно коснулся пальцем её губ и пообещал вернуться.

— Хорошего дня, Анника Ларсон, — небрежно сказал он, поправляя джинсы, и потопал в сторону реки.

Пока она смотрела на него, кутаясь в халат, плотно прижимая его около горла, она размышляла: любовь ли это ноющее чувство в её сердце. Даже будучи девочкой в школе, она никогда не была глупышкой, утопающей в сантиментах. Анника не знала всего о Мерсере Долане, и она не была уверена в том, чего хотела. Она пыталась выбросить пугающую картинку с ним верхом на коне, с пистолетом в руке и маской на лице. Но, когда она неохотно закрыла дверь перед сумерками еще раннего утра, она скучала по нему. Она ужасно скучала по нему.

Глава 9.

Раздор-Сити, штат Аризона

Наши дни

Священник то приходил в сознание, то уходил обратно. Иногда он спрашивал, где Тильди. В другой раз он сказал, чтобы Мэддокс был уверен, что сделал свою домашнюю работу и держался подальше от гор. Священник снова и снова предупреждал его о шахте. Он сказал, что там слишком опасно для юноши.

Габи делала все, что могла. Мэд неохотно поблагодарил её за нежную заботу, которую она оказывала его отцу. Она сказала ему, что взяла на работе в медицинском центре отпуск по семейным обстоятельствам. Работник Хосписа прибыл во второй половине дня и дал им немного отдохнуть от присмотра за умирающим.

Мэддокс наблюдал из окна гостиной, как Мигель, с мальчишеской неусидчивостью исследовал двор. В один момент он опустился на колени, жадно наблюдая за беготней чаквеллы (прим. Ящерица) по песку и до мескитового дерева. Мэддокс наблюдал за цепким интеллектом мальчика, поглощенного окружающим его миром. Ему вспомнились, бесконечные исследования тайн этого же двора много лет назад. Чувство симпатии, которое он почувствовал к племяннику, удивило его.

— Он хороший парень, — сказал вслух, по сути сам себе, Мэддокс.

— Так и есть, — подтвердила Габи, с гордой улыбкой. Он не ожидал, что она стояла прямо за ним. Она подошла к окну, чтобы посмотреть на своего сына.

Мигель ухнул и отпрыгнул, когда он, по-видимому, нашел что-то небезопасное под креозотовым кустом.

— Ты живешь поблизости, да? — спросил Мэддокс.

— Милю вниз по дороге, в той низине недалеко от русла реки.

Он понял, что за место, она имела в виду. Дома там были не больше лачуг, построенных во времена Великой депрессии для размещения рабочих, привезенных на работу по реконструкции дамбы, в рамках работы прогрессивного правительства Рузвельта. Худшее известное бедствие в Раздоре было — наводнение 1890 года, из-за прорыва плотины Orange Grove. Низину кое-где затопило аж на десять футов, отбирая надежды и мечты, и несколько десятков жизней. Перестройка, законченная в 1938 году, держалась до сих пор.

— Только ты и ребенок там живете? — осторожно спросил Мэддокс.

— Только мы, — вздохнула она. — Мой отец повторно женился и приезжает, может быть, дважды в год. И я не знаю, слышал ли ты, но старый Хуан скончался добрых лет пять назад.

— Звучит одиноко, — сказал Мэддокс. — Для Мигеля, в смысле.

— Это не так, — возразила она. — У меня достаточно кузенов на территории, которые сейчас обзавелись собственными семьями. И Дженсен хороший отец, — добавила она.

— Ты же знала, что он будет хорошим.

Она пропустила комментарий мимо ушей.

— Мы чертовски сильно будем скучать по Священнику.

— Он еще не умер.

— Но он умрет, Мэддокс. Совсем скоро.

Он почувствовал, как его плечи упали. Ему не нужно было напоминаний.

— А как насчет тебя? — спросила она, оглядывая его. — Полностью одет в кожу, я слышала, что ты в банде мотоциклистов.

— Клубе, — он, нахмурившись, поправил ее. — И что с того?

— Похоже на детский лепет и все. Как что-то, что втянет тебя в кучу неприятностей.

Мэддокс замер от гнева. Он понизил свой голос, не желая взбудоражить работника Хосписа или потревожить священника. Тем не менее, его слова сочлись ядом. Они пришли, непрошенные, откуда не звали.

— Ты все еще ни х*я не знаешь, Габриэла. Ни обо мне, ни о многом другом. Осуждающая сука, как и всегда.

Он зашел слишком далеко. Она вцепилась руками в подоконник и отказывалась ругаться.

Мэддоксу нужно было оттуда убраться к чертям собачьим, подальше от нее. Он вышел из передней двери, когда она позвала его. Она могла звать сколько угодно, пока ее голос не охрипнет, его это чертовски мало волновало.

Мигель удивленно смотрел, когда Мэддокс промчался из дома и яростно заскочил на мотоцикл. Он поедет в горы. Знакомая уединенность была тем, что ему нужно прямо сейчас.

Доехать не займет много времени. Он вспомнил, сколько часов отнимал поход, когда он ребенком ходил пешком. Но почему-то тогда его никогда не волновал долгий путь. Там было сокровище. Он знал. Все знали. Он и Дженсен бесконечное число раз обследовали там все, тыкая палками в опасные шахты в поиске потерянных укрытий, наполненных золотом, которое, по слухам, были захоронено где-то на территории столетием ранее. Они никогда не находили чего-то, кроме змей, ящериц и призрачных останков, принадлежащих людям, которые уже давно умерли.

В начале весны Возвышенность Скорпиона повсеместно была покрыта зеленым ковром растительности. Но осенью и летом становилась обычного грубого вида. Все выглядело коричневым, пересохшим.

Мэддокс припарковал свой байк прямо на грунтовой дороге. Вряд ли кто-то поедет этим путем, и если осмелятся тягаться с ним или с его мотоциклом — поплатятся. Когда он поднимался вверх по крутому обрыву, его ботинки скользили по грязи. Он дико выругался, когда его правое колено ударилось об осколок камня. Когда он взбрался, посмотрел на маленький мирок Раздор-Сити. Он любил это место. Он ненавидел это место. Он размышлял, все ли люди чувствуют конфликт их происхождения. Дженсен не чувствовал, он готов поставить на это. Мэддокс и Дженсен всегда отличались во всем. Они дрались, как дикие звери, когда они были детьми, но это было обычное дело. Дженсен был его братом, и иногда он лаял, но он всегда был им.

Тогда, Мэддокс понял, что Дженсен тоже влюбился в Габриэлу. Она отдалилась от Мэддокса после той первой ночи, когда они целовались в темноте рядом с рекой. Он видел ее в школе и попытался дотянуться, но она была далеко. Несколько раз он ловил ее, смотрящей на него, теми непроглядными темными глазами, и, он чувствовал себя виноватым за то, что был с другими девчонками, девчонками, которые ничего не значили, вешались на него. Всякий раз, когда он пытался поговорить с ней, она была вежлива, но держалась в стороне. Несколько случайных встреч, которые она провела с Дженсеном, казалось, ни к чему не привели. Дженсен оказался занят становлением своей новой личности и своими планами на будущее в униформе.

Потом наступила страшная ночь смерти Тильди МакЛеод. Мэддокс никогда не видел своего отца рыдающим. Казалось, отец никогда не перестанет плакать. Дженсену пришлось столкнуться с ужасными вещами, такими как опознавание тела. Это был удар по восемнадцатилетнему сопляку, это было выше его сил. Но священник просто не смог этого вынести.

Мэддокс вспомнил, как оставался в туманном неведении. В небольшом доме было душно и шумно от рыданий отца, сводивших его с ума. Он не осознавал, что направляется к ней, пока не встал у двери старого Хуана. Габи открыла, и по ее лицу он мог видеть, что она уже слышала. И что сочувствовала ему.

— Мэддокс, — вздохнула она, обнимая его, когда он крепко прижался к ней и заплакал.

Они говорили в течение нескольких часов. Мэддокс рассказал о том, что никогда не считал важным, например, как его мать делала ему бутерброды с арахисовым маслом и яблочные сэндвичи каждый день в течение года, потому что это было все, что он соглашался есть на ланч. Габи слушала и держала его за руку. Со своей стороны она рассказала о своей матери и длительной боли, отягивающей смерть. Когда он, наконец, поцеловал ее на прощание, это не было случайным порывом страсти, а было чем-то другим. Что-то, что, он уже знал, гораздо более ценное.

После того, как он неловко спросил Дженсена его мнения, брат пожал плечами. Он сказал, что есть вещи поважнее, такие, как вытаскивание их отца из его рвоты и страданий и возвращение его к жизни.

— Кроме того, — сказал с досадой Дженсен. — Это ни черта не имеет разницы, потому что ты никогда не задерживался с девочкой дольше недели или двух.

Но Дженсен на этот раз ошибался. Мэддокса вдруг перестали интересовать другие девочки. Он хотел только Габриэлу. Больше, чем только ее тело, хотя уже наполовину обезумел от ожидания, когда она будет готова. Он хотел слышать ее голос и показать ей вид с Возвышенности Скорпиона, когда сумерки тенью ложатся на их город. Он просто хотел быть с ней.

Она первой сказала «люблю». Она сказала это вечером, когда он был в сантиметрах от её входа, прежде чем остановил себя. Все горячие моменты, которые у него были, уже не имели значения. Он отдал бы всё это. Черт побери, он любил эту девушку.

Они часто ссорились. Она говорила ему, что он слишком умен, чтобы просто прогуливать школу. И что он собирается делать после окончания школы несколько месяцев? Думал ли он об этом? Мэддокс не хотел говорить ни о чем из этого. Он полагал, что в конечном итоге получит лицензию и займется трубами, как и его старик. Он не хотел слышать о других вариантах, и он чертовски уверенно не планировал проводить много времени в школе, независимо от того, что Габи говорила об этом.

У нее были свои планы. Она несколько раз намекнула, что в её планах не было задерживаться в Раздор-Сити. Мэддокс не желал высказываться по этому поводу. Он открыл пиво и перестал слушать. Когда она пыталась докричаться сквозь его непонимание, он избегал этого, игнорируя ее раздраженный крик.

— Мэддокс, ты дерьмо! Я люблю тебя.

Ссоры — ничто. Она будет любить его и после. Это не будет длиться долго, он понимал, до того, как она окончательно полюбит его. Когда это произойдет, вся эта шелуха их разногласий отпадет. Он решил, что она точно знала, что он чувствует. Он также полагал, когда она сказала, что любит его, это значило, что она доверяет ему.

Это было худшая ошибка в выводах, которую он когда-либо допускал.

Мэддокс не был тем, кто крал автомобили. Он побежал к Чезу Колетти, когда его еще трясло и разрывало от ссоры с Габи. Это был «Caddy» и, очевидно, принадлежал одному из кокаинистов, которые отправились на юго-запад, избегая холодов, пронизывающих их старые косточки. Мэддокс знал двух девушек, которые были с Чезом. Они были еще девчонками, он мучил с ними раньше, но это было задолго до Габриэлы. Чез хотел проехаться в Феникс, только бы к черту из этого ада и Мэддокс согласился, что выехать из Раздор-Сити на несколько часов — хороший план. Он откинулся на сиденье и закрыл глаза, смутно осознавая, что девушку слева от него рвало в окно.

То, что произошло после этого, было загадкой, но когда Мэддокс открыл глаза, то уже светало и повсюду были люди. Он знал большинство из них. Чез загнал проклятый автомобиль на середину площади Раздор-Сити, а затем остановился. Чез окидывал мутным взглядом окружающее, пока боролся с передним сиденьем. Мэддокс обнаружил, что он не может встать, потому что чья-то голова у него на коленях. Это была одна из девушек, и она не была одета. Она застонала и прижалась лицом к его промежности, пока его одноклассники хихикали и посвистывали.

Мигалок и следовало ожидать. Это, в конце концов, был украденный автомобиль, и они все были в стельку, и не стояли на ногах. После того, как ему пришлось сдать отпечатки пальцев, он столкнулся с братом. Дженсен был в ярости. Дженсен злился на него бесчисленное количество раз, в течение последних восемнадцати лет, но это было основательнее и злее, чем он когда-либо был. Старший брат Мэда назвал его ничтожным у*бком и бил, пока другие офицеры смеялись.

Мэддокс не сопротивляться. Дженсен был полицейским и в любом случае, синяков не заметят. Его поглотил ужас. Габи. Он должен был поговорить с Габи.

Дженсен был не в настроении прощать. Когда он запихнул Мэддокса за решетку, Мэд заметил что брат в зверстве. Он знал, Дженсен не в своем уме. Его глаза закрывались от бессонницы и большого количества алкоголя. Он пытался держать их отца в узде, в тоже время, взвалив на себя роль ответственного взрослого. Тем не менее, Мэддокс должен был попытаться.

— Мне нужно сделать телефонный звонок, — сказал он своему брату.

— Пошел ты, — прорычал Дженсен, — Е*ал я твой телефонный звонок. Ты будешь отсиживать свою жалкую задницу там, пока не наберешься немного ума.

Мэддокс мрачно уселся в углу, и Дженсен оставил его в покое. Чеза забрали его родители в течение часа, а девочки были в медцентре с подозрением на алкогольное отравление. Мэддокс слушал тиканье часов и ждал. Священник за ним не придет. Дженсен не вернется. Наконец, старший офицер по имени Ромеро открыл дверь и сказал ему убираться. Они его выпустили. Мэддокс взглянул на часы на стене участка, торопясь наружу. Прошло десять часов. Все что угодно могло случиться за десять часов. И все что угодно случилось.

Пока Мэддокс наблюдал с безымянного пика Возвышенности Скорпиона, мир продолжал погружаться в темноту, его разум также погружался в темноту. Он все это вспомнил. Приехав домой, чтобы найти отца вновь вырубившимся на заднем дворе. А потом он открыл дверь, чтобы увидеть свою девушку в постели брата. Оба спали так, будто всегда были любовниками. Они перепугались, когда он взвыл от ярости. Он возненавидел их и сказал им об этом. Габи все еще яростно ранила, обзывая его всеми видами ругательств,

когда стало ясно, что она поверила всему, что ей рассказали. Черт с ней. Она даже не удосужилась поговорить с ним, прежде чем раздвинуть ноги и отдаться брату.

Дженсен молчал в течение всей тирады, и на его лице отражалась глубокая боль, когда он попытался приблизиться к Мэддоксу.

— У меня больше нет брата, — гаркнул Мэддокс, отталкивая его. Затем он повернулся к Габриэле, которая стояла посреди комнаты, завернутая в простыню, слезы текли по ее лицу. — И ты не больше, чем грязная шлюха после всего этого, — ее отчаянные рыдания, возможно, могли его остановить, если бы он уже не превратился в камень.

Он их не мог выносить. Он переехал в подвал к Чезу Коллетти и сколько бы не просил Священник, это не заставило вернуться его обратно под одну крышу с Дженсеном. В день окончания школы, на котором он отказался присутствовать, Священник пришел к нему и тихо признал факт беременности Габи.

Всего этого не изменить. Мэддокс больше не ненавидел их. Он размышлял, действительно ли это случилось с ним. Он провел так много времени, блуждая в тумане злой ненависти, заменяя это сексом и тяжелой жизнью. Если бы была жива его мать, она, скорее всего, заставила помириться гораздо раньше. Но теперь его вынуждает смерть Священника.

Мэддокс аккуратно в темноте спустился с возвышенности. Его мотоцикл был именно там, где он его и оставил, он знал, что и будет. Он медленно ехал по улице, где он рос, и в очередной раз нашел путь к дому Священника. Везде горел свет, и красный пикап Форд был припаркован на проезжей части. Он почти прошел мимо женщины. Она стояла в тени, не освещенной тусклым светом с крыльца.

— Так ты Мэддокс, — она вышла на свет, и его взгляд рефлекторно прошелся по ее телу. У неё было прекрасное тело. Она заметила его внимание и улыбнулась.

— Я тебя не помню, — честно сказал он.

— Мы никогда не встречались, — призналась она, затягиваясь сигаретой. Она оказалась крашенной блондинкой, но ее фигура была прекрасна и, как по Мэддоксу, она выглядит чертовски привлекательно, выдувая дым на крыльце его отца. Затем он услышал голос Дженсена из дома и сразу узнал ее имя.

— Кейси, — вспомнил он, — верно?

Жена Дженсена улыбнулась ему. — Так и есть.

Она не дала отпора, когда он подошел, посмотрев на него снова и придвинувшись ближе только на несколько дюймов.

— Так ты плохой братик байкер, о котором я так много слышала, — она засмушалась. Мэдд насторожился. Ему не нравились застенчивые женщины. К их намерениям, как правило, примешивалось то, что с чем он не хотел иметь дела.

— Рад познакомиться с тобой, — мягко сказал Мэддокс.

— Да? — спросила она с ложной застенчивостью. Она намеренно сместила так, чтобы его взгляд скользнул по её длинным ногам. Красная юбка едва прикрывала.

Даже сейчас, когда его член дернулся с невольным интересом, Мэддокс почувствовал сильную неприязнь к ней. Забудьте о том, что она была его невесткой; это был отчий дом, и его отец внутри испускал свои последние вздохи.

На крыльце появился Дженсен. С одного взгляда Мэддокс мог сказать, что он был уже наполовину пьян. Дженсена, похоже, не особенно разозлило его присутствие, Мэддокс предположил, что Габи должно быть не сказала ему об их стычке ранее. Кейси напрягло вторжение мужа, но Мэддокс просто оттолкнул брата и вошел в дом.

Он увидел Мигеля сидящим за кухонным столом и складывающим домино. Мэддокс вспомнил эти вещи. Когда-то они были его, его и Дженсена. Его племянник нервно улыбнулся ему.

— Привет, дядя Мэддокс.

— Эй, малыш. Ты получил мое разрешение называть меня просто Мэд.

— Мэд, — задумчиво сказал Мигель, а затем пожал плечами. — Хорошо.

Он нашел Габи в комнате Священника. Она склонилась над кроватью, разговаривая с отцом мягким голосом, который будил его.

— Нет, — она покачала головой. — Он не остался. Он еще вернется, — она подняла глаза, и облегчение наполнило ее выражение лица, когда она увидела его в дверях. — Видишь? Вот он.

Голова Священника болезненно хрустнула в его направлении. Голос был слабый и грубый, как наждачная бумага. — Хэй, малыш.

Мэддокс аккуратно сел на край кровати. Он не смотрел на Габриэлу. — Хэй, пап, — когда его рука нащупала старика, он постарался скрыть гримасу боли, когда обнаружил, чуть больше, чем скелет, обтянутый кожей. — Я здесь. Я никуда не уйду, ладно?

Судорога одолела Священника, и его лицо исказилось болью. Затем, так же быстро, расслабилось. — Держись подальше от возвышенности, Мэддокс. Твоя мама, она беспокоится.

Голова Мэддокса поникла. Священник снова в беспомощности. — Буду, пап.

Глаза Священника закрылись, и он нахмурился. — И Мэд, держись своего брата, — прошептал он, а затем впал в бессознательное состояние.

Габи проверила его пульс, а затем аккуратно натянула на него простыню. — Он просто спит, — сказала она Мэддоксу.

Мэд молча кивнул, но ему было трудно от всего этого. Священник Маклеод служил во Вьетнаме. Он пережил ужасы плена и вернулся в Америку, чтобы найти страну, значительно изменившуюся, по сравнению с той, которую он покинул. Он был одним из первых дорожных воинов, рожденных мятежными временами и в поисках неуловимой свободы. Спустя десятилетия, когда Мэддокс был мальчишкой, байк Священника отбыл на пенсию в гараж. Иногда Священник выкатывал его и с любовью чинил, катая иногда одного или другого сына быстренько вокруг города. Но это всегда было быстро и неопасно. Мэддокс знал, что его мать что-то сделала со Священником, чтобы тот оставил этот этап позади. Иногда старые друзья, те, кто остался грубыми дорожными воинами, показывались в Раздоре и Священник возвращался, с заплетающимся от алкоголя языком через несколько часов, пока Мэддокс с увлечением наблюдал за ними. Но Священник всегда махал на прощание этой части своего прошлого, без видимого сожаления, возвращаясь к своей семье и инструментам водопроводчика.

— Папа, — прошептал Мэддокс в отчаянии и коснулся хрупкого лба отца. Он услышал шорох в дверном проеме и увидел, что Дженсен стоял там с выражением мук на покрасневшем лице. Его брат держал в руке бутылку, и сделал большой глоток, прежде чем покачал головой и, пошаркивая, ушел.

Мэддокс кивнул головой туда, где стоял его брат.

— Как давно это стало проблемой?

Габриэла выглядела печальной: — Некоторое время. Стало хуже, после того, как его подстрелили три года назад. С тех пор, как Священник начал угасать, это становилось еще

хуже. Он старается по возможности скрывать это от Мигеля, — она замолчала, её стало не комфортно, — больше это у него не получается.

Грубый женский смех эхом донесся из гостиной и Мэддокс посмотрел в сторону исходящего шума.

— А что насчет неё?

Лицо Габи потемнело, и Мэд мог прочесть на её лице неприязнь к жене Дженсена.

— Частично это дело рук Кейси. Я не лезу в их дела, но это не кажется хорошим браком.

— Да уж, — согласился Мэддокс. Затем он решил, что если его брат достаточно глупый, чтобы надеть кольцо на шваль, то он, вероятно, заслужил то, что получил.

Габриэла скрестила руки на груди и посмотрела на него. На ее лице читался вызов, который он хорошо помнил. Она, казалось, ждала, что он припомнит дерьмо, вылитое на неё ранее, но здесь он не собирался к этому возвращаться. Он ответил на ее взгляд, молча говоря ей идти к черту, если она этого ждет.

Лицо Габи изменилось, и она вдруг смягчилась. Он видел, как она начала несмело протягивать руку, но он не хотел этого. Он вышел из комнаты.

Дженсен сидел за кухонным столом с Мигелем. Он глотал слова и неудачно пытался поставить домино. Кейси стояла на кухне, опустошая винный холодильник, и закатила глаза.

Мэддокс почувствовал присутствие за своей спиной Габи.

— Пойдем, — сказала она своему сыну скованным, раздражительным тоном. — Давай пойдем домой.

Мигель оторвался от костяшек и заспорил с матерью: — Папа сказал, что я мог бы остаться здесь сегодня, в своей старой комнате.

— Нет, — сказала Габи с абсолютной непреклонностью. — Ты не можешь. Твой дядя собирается остаться здесь, и он не будет нянчиться с тобой.

Мэддокс пожал плечами, раздражаясь от того, как она отшила его.

— Слушай, меня не обременит, если ребенок останется.

Габриэла повернулась к нему.

— Точно, — в неверии спросила она. — Тебя не обременит.

— Пожалуйста, мама, — сказал Мигель тихим голосом.

— Габи, — встрял Дженсен, устало проводя рукой по лицу. — Давай. Что с ним может случиться?

Габи выдохнула с явным раздражением, но смягчилась. Мэддокс усмехнулся, когда мальчишка захлопал в ладоши и триумфально заскакал вокруг. Он понимал, что для Мигеля был чем-то вроде идола. Он говорил правду, он был не против его присутствия.

Дженсен не стоял на ногах. Через полчаса ему было трудно оставаться в вертикальном положении в кресле. Габриэла повела сына укладываться, взглянув на Дженсена, прежде чем скрыться в комнате, напротив зала, через одну от той, где Мэддокс провел свое детство. Комнату, которая стала свидетелем зачатия самого Мигеля.

Мэддокс поклялся молчать, пытаясь оттолкнуть воспоминание о Габи и Дженсене. Его брат неуклюже пытался унести домино, но Кейси осталась на кухне, жадно поглядывая на Мэддокса. Она сжала бедра с небольшой улыбкой, которая говорила обо всех грязных шпучках. Мэддокс понял, что если отомстит, то не сможет смотреть на себя. Вчера он смог бы это сделать. Он мог бы схватить жену своего брата, и бессовестно оттрахать ее по полной. Но сегодня все было иначе. Здесь, в присутствии боли и смерти, у него не было

желания быть худшей версией самого себя.

Кейси открыто разозлилась, когда Мэддокс проигнорировал ее, помогая Дженсену сесть в пикап. Дженсен долго вставал, но теперь он вынужден был тяжело опираться на Мэддокса, не в состоянии двигаться из-за коленей и бутылки. Несмотря на то, что провел последние десять лет, отказываясь думать о Дженсене, Мэду не нравилось видеть его в таком состоянии. Он знал, что если тот продолжит в том же духе, то ему придется хоронить своего брата слишком рано.

Когда он стоял на потрескавшейся дороге, наблюдая за их отъездом, к нему присоединилась Габи. Температура упала почти на двадцать градусов, так как зашло солнце. Было не холодно, но стало прохладно.

— Прости, — неохотно сказал Мэддокс. — Понимаешь, днем... Я немного потерял голову. Габс, я не думал увидеть тебя снова.

Он услышал ее вздох.

— Ай, не извиняйся. Это я извиняюсь за много чего, Мэддокс.

Мэд не желал её сожалений. Он вообще не знал, что он, черт возьми, хотел. Он начал уходить, но она заставила его вернуться.

— Я действительно извиняюсь. Ты не услышал меня тогда, и я не виню тебя, — она дрожала. — Я не виню тебя ни на один чертов грамм. Просто... я была молода. У меня был момент, когда я потерялась, понимаешь? Мне было больно. Дженсен был моим другом. Ему было больно.

Мэддокс оттолкнул ее. — Ты думаешь, я бл*ть хочу слышать об этом? — Он начал отступать к дому, а затем, передумав, придвинулся прямо к её лицу. — Нет, дай-ка секунду подумать, расскажи мне все грязные детали. Моё лицо ли ты представляла, Габриэла, в то время как мой брат ласкал твою вишенку?

— Да, — резко сказала она, и Мэддокс вздрогнул, от неожиданности. — Тебя. Так же, как я думала о тебе каждый день в течение десяти лет. Я не хочу говорить, что мне жаль того, что случилось, потому что будто бы мне жаль за то, что есть Мигель, но бл*ть, Мэддокс. Я оступилась. И я никогда не прощу себя за всю ту боль, что причинила тебе. Никогда.

— Хорошо, — сказал Мэддокс, кивая и немного отступая. — Хорошо.

Габи, играющая с кончиком своих темных волос, вдруг показалась гораздо моложе, гораздо симпатичнее девушки, которую он когда-то знал. — Я любила тебя, Мэд, — тихо сказала она. — Любила.

Мэддокс почувствовал, как сжал кулаки. Ее слова только что все испортили. Что он должен был сказать? Он тоже любил ее, вероятно, больше, чем она когда-либо могла себе представить. Но если этого не было достаточно, то какой смысл говорить об этом сейчас.

Настал долгий момент тишины, он слышал ночных обитателей, копошащихся под близлежащим кустом креозота. Койоты завывали один другому, претендуя на принадлежащее им время.

Габриэла вздохнула и достала связку ключей из кармана.

— Завтра утром я заберу его. Пораньше.

— Хорошо, — ответил Мэддокс, глядя в сторону Возвышенности Скорпиона, невидимой в темноте.

— Я оставила номер своего мобильного на холодильнике. Звони, если что-нибудь случится со Священником.

Он не смотрел на нее.

— Конечно, Габриэла.

Она поколебалась, задержавшись еще на одну минуту, чтобы посмотреть, скажет ли он что-нибудь еще. Но Мэддокс исчерпал эту тему. Все это было утомительно.

— Спокойной ночи, Мэддокс, — сказала она мягко, а затем залезла в свою «Версу», оставив его одного в темноте.

Глава 10.

*Раздор-Сити, Территория, штат Аризона
1888*

Было уже поздно, но у Анники не хватило души, чтобы закончить уроки. Дези де Кампо прочел три главы «Происхождение видов» Дарвина и жадно задавал вопросы. Хотя темнело, и она знала, скоро появится Мерсер, она, как учитель была в восторге от энтузиазма Дези. Школа для Мексико-Американских детей Раздор-Сити закрылась. Ученики обучались пятнадцатилетней девушкой (которая сама едва была грамотной) в заброшенной лачуге на берегу Хасаямпы.

Благодаря Джеймсу, Анника донесла семье де Кампо, что она с удовольствием уделит бы время любому ребенку, который захочет учиться. До сих пор, Дези был единственным, кто пришел. Пять дней в неделю, за последний месяц, он с нетерпением ждал, пока другие дети уйдут. Мальчик был удивительно пытливым умом. Анника только надеялась, что у него будут те же возможности, что и у его сверстников.

— Что вообще означает «теория»? — Спросил Дези, с полной серьезностью размышляя над словами.

Анника улыбнулась, отложив в сторону свой план урока на следующий день, и присоединилась к нему на школьном полу.

— Научная теория, — объясняла она, — это вид объяснения, подтверждаемый огромным количеством исследований, которые ведут к одному выводу.

Дези кивнул, пытаясь понять. — Так этот человек утверждает, что если ты выжил, то это потому, что ты лучший, так?

— В некотором смысле. В своей работе Дарвин описывает «выживание наиболее приспособленных», специфическая идея, что в конкуренции за ресурсы планеты есть победители и есть проигравшие.

— Так кто я? — Мерсер Долан прислонился к двери, непринужденно глядя на них сверху вниз. — Победитель или проигравший? — усмехнулся он.

Анника почувствовала, что ее губы дернулись.

— Я не знаю мистер Долан. Почему бы Вам не рассказать о Ваших достоинствах, чтобы мы могли сделать вывод? — она была рада, что сидела. Что-то внутри нее мгновенно перевернулось, когда Мерсер вошел в комнату.

Мерсер, должно быть, пришел в школу, как обычно это делал. Его любимый жеребец, Эксл, скорее всего в конюшне, около участка Лиззи Пост. Он не хотел, чтобы какой-нибудь любопытный зевака узнал его лошадь, привязанную за школой поздно ночью. Анника могла бы быть скомпрометирована. Она наблюдала, как он стоял и принимал ее вызов. Для человека, который утверждал, что его мало что волнует, Мерсер заботился о ней.

— Мистер Долан, — сказал Дези с явным благоговением. Анника задалась вопросом как Мерсер познакомился с мальчиком.

Мерсер подался вперед и взъерошил волосы. — Эй, сынок. Скажи своему отцу, чтобы приберег немного той хорошей текилы, что он заимел на юге.

Дези кивнул: — Скажу, мистер Долан.

Мерсер поморщился.

— И перестань меня звать мистер Долан. Мой чертов брат мистер Долан. Я просто Мерсер.

Мальчика это слегка шокировало.

— Хорошо, Мерсер.

Настало время ужина. Анника знала, мать мальчика будут искать, поэтому она отправила его домой. Он был вне себя от радости, когда она настояла, одолжить ему «Происхождение видов» до следующего понедельника.

Мерсер посмотрел ему вслед и покачал головой.

— Он несет эту чертову книгу, как будто это драгоценное сокровище.

Аника тогда встала, пригладив ладонями ее длинную юбку.

— Так и есть, — надменно сказала она ему, собирая оставшиеся книги. Она знала, что Мерсер не слишком много знал о начальном школьном образовании.

Мерсер обнял её, прежде чем она поняла, что он подошел.

— Эй, — грубо сказал он, когда его руки добрались до талии, прижимая её. — Я не имел в виду ничего такого, Анника.

Она упорно прижимала изношенные книги к груди. Школе нужно больше, чем несколько жалких томиков, поделенных между учениками, но книги были дороги. Джеймс выудил дополнительные средства из школьного совета.

— В книгах много ценного, — сказала она сухо, игнорируя возрастающее тепло в груди, которое всегда появлялось, когда он прикасался к ней. — Это дает этим детям шанс стать кем-то другим, а не...

— Мной? — закончил он сурово, развернув её и вторгаясь в её рот. Мерсер знал, как целовать таким образом, чтобы не было возражений. Анника обняла его широкие плечи, все равно она не хотела ему возражать.

Он провел руками по ее плотно ужатой груди, и ее дыхание стало учащаться. Мерсер ощутил соски под тканью и улыбнулся. — Я ждал этого весь день, — сказал он, оставаясь грубияном. Удивительно, но Анника выяснила, что ей нравилась его грубость.

Она растегнула его порванную рубашку и восхитилась крепкой мускулистой грудью. Она хотела ощутить больше.

— А что включает в себя твой день, Мерсер?

Он провел пальцем по ее губам. — Не разбойные нападения, если это то, о чем ты спрашиваешь. Банда сейчас рассредоточена, и временно я — честный человек. Провожу день, выслеживая диких лошадей. Но время, проведенное верхом лучше, чем почти все альтернативы. Почти, — усмехнулся он, лаская ее. — Ад намного лучше, чем выворачивать легкие, оставленные в этой шахте или позволить нежить свои ручки в компании этих вороватых бизнесменов. Это был хороший день. Приручил парочку диких скакунов.

Аника выгнулась, когда он проник под юбку. В его прикосновениях всегда была страсть. — А теперь ты собираешься приручить меня?

Он поднял ее. — Я уже приручил тебя. Давай посмотрим как крепко.

— Не здесь, — прошептала она.

Мерсер знал, что она имела в виду. Он отнес ее в темную учительскую.

— Нам это не нужно, — сказала ему Анника, возражая, когда он зажег фонарь. Масла было мало и не нужно было впустую тратить его.

— Мне чертовски это нужно, — сказал он, срывая с себя рубашку. — Теперь ты.

Она знала, чего он хотел. Мерсер смотрел, как она растегнула платье, и оно упало. Она

зашнуровалась не крепко, и трудностей со снятием корсета с себя не было.

— Волосы, — приказал он. Анника аккуратно вытянула шпильки, позволяя мягким волнам лечь облаком ниже плеч.

— Теперь остальное, — сказал он, проводя рукой по крепкой выпуклости джинсов.

Она предстала перед ним совершенно обнаженная, и улыбнулась, когда он, раздевшись, схватил ее.

— Мерсер, — застонала она, когда он затянул ее на кровать.

— Знаю, дорогая. Я буду осторожен.

Аника чувствовала, как влажнеет между ног, пока они неистово целовались. Ей нравился вкус его кожи, ощущение его веса.

— Святой ад, — застонал он, склонив голову ниже, впервые полностью погружая его напряженный член в её рот. Это то, о чем она думала прошлой ночью, когда в одиночестве лежала в постели и желала его. Он схватил ее за волосы и показал ей, чего хотел.

Аника слегка вскрикнула, когда он оттянул её голову дальше. Его взгляд был возбужденным, когда он раздвинул её ноги и устроился между ними. Все эти ночи, когда они играли в занятия любовью, он никогда не доходил до самой сути. А сейчас готов. Она поняла.

— Мерсер, — прошептала она, касаясь его лица, — я так люблю тебя.

Он был у её скользкой щелки. Конечно, Анника слышала шепот почтенных дам, что это будет больно. Но все будет в порядке, потому что боль мимолетна, если ты в руках своего мужа. И все же, Мерсер Долан не был ее мужем. Она увидела в его лице, что он выбрал сегодняшний вечер, чтобы проникнуть в нее и сохранить этот момент для себя. Она не хотела останавливать его, не совсем так. Анника закрыла глаза и приготовилась.

— Анни, — сказал он с болью голосом, все еще не торопясь войти в неё. Этим прозвищем только он называл ее. Она удивилась, когда он резко слез, перекатываясь на спину, и судорожно вздохнул. Он заметил, как она смотрит на него и криво усмехнулся. — Черт возьми, — сказал он.

— Дорогой, — она поцеловала его грудь. — Я хочу этого. Я хочу быть с тобой.

Мерсер отвернулся. — Когда ты так говоришь, Анни, сразу кажется, что нужно встать и сделать предложение.

Она подумала о Мерсере Долане, как о муже. Картинку не так легко было представить.

— Это что так страшно? — она поцеловала его грубую щеку, чувствуя щетину на своей щеке. — Ты мог бы брать меня каждую ночь. Как хотел взять меня с той первой ночи.

— А я мог ведь, ты же знаешь, — напомнил он ей, улыбаясь.

Аника вlepила ему пощечину за его нахальство, и он в ответ жестко прижал её руки вниз.

— И я могу прямо сейчас, Анника Ларсон, — сказал он с полной уверенностью, а затем отпустил ее, нагибаясь под кровать, чтобы схватить бутылку виски, которую он там оставил.

Он сделал несколько глотков, пока Анника наблюдала за ним со смешанными чувствами. Мужчина был в бешенстве. Так часто она отчаянно хотела, чтобы вместо него она любила Джеймса. Анника знала, Мерсер по-прежнему с дэйнсами. Её интересовало, посещает ли он Комнату Розы, когда ему приспичит. Да, Мерсер Долан делал так, как ему заблагорассудится. И, вероятно, всегда будет.

Но потом он осторожно поставил бутылку на пол и прижал ее к своей груди. Мерсер был жестоким бандитом, преступником. Тем не менее, рассудок исчез, когда она оказалась в

его объятиях. Анника понимала, что он в некотором роде заботился о ней, что выходило за рамки простых плотских утех. Она понимала это, потому, что он был прав; он мог бы давным-давно лишить ее целомудрия и покончить с этим. Так кто же она для него? Что может быть у них в будущем?

— Я слышала, Каттер Дэйн вернулся в Раздор-Сити, — сказала она.

Мерсер застыл. Он растягивал слова. — Что ты знаешь о Каттере Дэйне?

Аника приподнялась на локте. Он никогда не был очень откровенным, но сегодня она подтолкнет его.

— Он ваш лидер, так? Лидер дэйнсов? И парней Таннеров тоже?

Мерсер хмыкнул. — Ты читала ту газетенку, которая приплыла сюда из Феникса. И, скорее всего, наслушалась Джеймса. Каттер Дэйн мой друг, Анника. Нет, он больше, чем друг. Я доверю этому человеку свою жизнь. Я доверяю ему больше, чем доверяю своему чертову брату. Я бы поехал с ним, даже если бы мы направлялись прямо в жерло ада. Я не жду, что ты поймешь.

Аника ухмыльнулась.

— Боже мой, неужели ты думаешь, что есть что-то еще, чем ты бы меня смог шокировать? Вспомни, как мы встретились, Мерсер Долан. Что было в том ящике, что вы все равно украли из повозки? Ты никогда не говорил мне.

Мерсер улыбнулся.

— Бумага.

— Бумага? Ты имеешь в виду деньги?

— Я имею в виду бесполезную бл*ть бумагу. И не заговаривай мне зубы сладкими речами. Я знаю, что это не шокирует тебя.

Мерсер снова лег на нее сверху. Он все еще был в боевой готовности. Своим кончиком он поддразнивал ее, что сводило с ума. Мерсер это понял. Он улыбнулся и снова прижал ее руки, когда она начала шевелиться, отчаянно желая удовлетворения. — Единственное, что действительно стоит этого дерьма — золото. Коробка, полная золота. Вот это то, ради чего, можно приставить пистолет к голове человека.

Она хотела спросить его о многом, но ее разум отключился. Было только ее тело, и его тело и то, как они ощущались вместе.

— Мерсер, — простонала она, закусив губу, когда он сдвинул ее ноги и осторожно заскользил вперед-назад на ее чувствительном местечке. Анника начала двигаться, встречая его, поддерживая ритм. Она чувствовала это с ним и раньше. Она хотела, почувствовать это снова. Волна медленно нарастала, очень медленно, а затем накатила на нее с сокрушительным блаженством. Она знала, это грех, или, по крайней мере, настолько близко к тому, что различие было незначительным. Её это не волновало. Анника не могла себе представить, что акт сам по себе будет намного лучше. И все же Мерсер уверял её, что так и будет.

— Будет, моя милая. Будет, — он прошептал ей на ухо, прежде чем излить свою горячую струю ей на живот.

Когда его семя высохло на ее коже, в месте, где не причинит никакого вреда, Анника беспокойно устроилась напротив. Чем все это закончится? Ничего хорошего не выйдет из расспросов Мерсера. Он улыбнется и бойко ответит, прикасаясь к ней, и таким образом заставит замолчать. И все же, иногда она видела нежность, в которой было мало общего со страстной горячкой. Анника отвернулась от него, желая обрести необходимый покой, а

другой половиной желая того, чтобы она влюбилась в другого.

Вскоре после того, как он заснул, как она думала, она услышала, как он выдохнул ее имя в темноте.

Глава 11.

*Раздор-Сити, штат Аризона
Наши дни*

Когда Мэддокс открыл глаза, он задался вопросом, какой, черт возьми, сейчас год? Сколько тысяч раз он смотрел утром, спросонья, на вздутый потолок и панельные стены? Дом его детства застрял во времени.

Но на самом деле, это было не так.

Время гнало вперед в своем нещадном темпе, и его отец делал последние вздохи в своей комнате. Мэддокс выпрыгнул из узкой кровати, которая была куплена для ребенка и не подходила для мужчины. Он взглянул на экран своего телефона и увидел, что прошло четыре часа с тех пор, как он отошел от постели Священника и, окунувшись в беспокойный сон.

Мэддокс натянул свои сползшие боксеры и поспешил в комнату отца. Дыхание старика было неровным, и его кожа была такой же болезненно-бледной, цвета близкой смерти, но он был жив. Мэд деликатно коснулся пергаментного лба и вздохнул с облегчением. Он был не совсем готов противостоять неизбежному.

Он мочился в туалете, когда испугался до усрачки, увидев ребенка в комнате, соседствующей со старой спальней Дженсена. Мэд выругался, обрызгав стену. Он забыл о присутствии Мигеля.

— Доброе утро, Мэд, — зевнул Мигель. Он не стал ждать ответа, тихо перешагнув за порог комнаты деда и тихонько заглядывая внутрь, Мэддокс вытер мочу со стены.

Когда он закончил, он подошел к ребенку и похлопал его по плечу. Было не хорошо для Мигеля так близко смотреть в лицо смерти.

— Эй, тебе сегодня не надо в школу?

— Нет. Суббота.

— Ну, да. Давай, я приготовлю тебе завтрак.

В доме священника не нашлось подходящей еды. Мэд догадывался, что старик питался не совсем правильно в течение достаточно долгого времени. Он нашел наполовину пустую коробку рисовых хлопьев и залил миску с хлопьями водой, поскольку молока не было вообще. Всыпав три столовые ложки сахара, он поставил миску перед племянником.

Мигель посмотрел в миску, потом на дядю, пожав плечами, прежде чем приступить к трапезе.

— Как случилось, что ты никогда не приезжал? — спросил он, перед тем как зачерпнуть.

Мэддокс взгромоздился на краю выщербленной кафельной стойки и вынул сигарету из пачки Marlboro, которую кто-то оставил. Он прикурил от спички и попытался придумать, что ответить.

— Просто был занят, полагаю, — сказал он, выдыхая струю дыма. Очевидно, ребенок многого не знал о нем. Это, вероятно, было лучше всего.

Мигель прожевал и уставился на него. Строгий взгляд его глубоких карих глаз напомнил Мэддоксу Габи. — Чем ты занимаешься, Мэд? Это реально нормально, если я буду звать тебя Мэд?

— Конечно. Я водопроводчик. Так же, как твой дедушка.

— С твоей бандой байкеров? Отступниками?

Мэддокс нахмурился. Так значит, малыш все-таки слышал парочку вещей о нём. Может быть, Священник что-то рассказывал, а может и нет.

— Это клуб, Мигель. Братство.

— Но у тебя есть брат. Мой папа — твой брат.

Мэд выкурил сигарету и быстро закурил другую. Он чувствовал, что его напряжение растёт, но не хотел слишком много говорить мальчику. Это было не для его ушей.

— Так и есть. Но мы не можем выбирать родных братьев. Однако мы вольны выбирать людей, с которыми идем по жизни.

Мигель перемешал кашу. — У меня вообще нет братьев. У меня есть двоюродные братья, но это не то, — его голос стал приглушенным и задумчивым, — если бы у меня был брат, он был бы моим лучшим другом.

Мэд прыгнул со стойки и взъерошил черные волосы племянника.

— У тебя будет возможность выбрать братьев. Жизнь еще не закончилась, Мигель.

Тихий стон из комнаты Священника напомнил Мэддоксу, что, по крайней мере, жизнь одного человека действительно почти закончена. Он поспешил в комнату, но его отец просто перевернулся на бок и опять уснул. Мэддокс слегка укрыл его плечи простыней и устроился в металлическом складном стуле рядом с кроватью. Он захотел вспомнить имена тех людей, с которыми был связан Священник. Он их до сих пор мог назвать. Хотя так много лет прошло. Он не знал, был ли еще жив хоть кто-то из них.

Посидев немного и послушав жестокий отсчет минут настенными часами, Мэд вздохнул и вернулся на кухню. Удивительно, Габриэла стояла перед раковиной. Ее взгляд быстренько прошелся по нему, и он был рад, что все еще в одних боксерах. Она отвернулась, скрестив руки на груди, и он улыбнулся, дотянувшись до кофейной чашки над её головой.

— Я не слышал, чтобы ты стучала, — небрежно сказал он, заметив, как она старалась не смотреть на него.

— Я не стучала, — сказала она, отступая на шаг. — Я боялась, что ты все еще спишь. Мигель, что ты ешь?

— Сахар, — улыбнулся парень. Мэд подмигнул ему.

Габи нахмурилась. — Я же сказала, что приду пораньше. Почему ты не одет?

Мэддокс наполнил кофейник водой. — Я могу одеваться или не одеваться, когда я хочу.

— Блин, я не с тобой разговариваю!

— Почему, черт возьми, ты кричишь, Габс?

Она закрыла глаза и тихо выругалась. А потом встряхнула головой и рассмеялась. Глаза Мигеля бегали от матери к дяде. Мэд был уверен, что малыш заинтригован.

Именно тогда открылась входная дверь, и вошел Дженсен со значительно более ясным взглядом, чем когда Мэд кидал его в машину к жене, накануне вечером. Он остановился и уставился на Мэда, заметив отсутствие его одежды.

— Господи, что, черт возьми, не так со всеми? Мой член выглядывает или что-то другое? — проворчал Мэддокс, глядя вниз.

Дженсен на самом деле даже немного улыбнулся, в то время как Габи с раздражением выдохнула сквозь зубы.

— Ты работаешь сегодня? — спросил он Дженсена, плавно меняя тему.

Брат рассеянно кивнул. — Позже. Я сначала хотел побыть немного здесь.

Мигель выпрыгнул из своего кресла и побежал к отцу, повиснув на нем. — Можешь

взять меня в поход, пап?

— Мигель, — предупредила Габи.

Лицо Дженсена помрачнело, когда он взглянул на колени, которое создавало очевидные трудности. Мэддокс задумался, насколько боль усугублялась постоянным потоком алкоголя, вливающегося ему в глотку. Алкоголь, конечно, не мог помогать.

— Не сейчас, сынок.

Мигель был удручен. — Я забыл, — сказал он тихо, закусывая губу.

Мэддокс не хотел видеть малыша разочарованным. И как ни странно, ему не нравилось быть свидетелем несостоятельности Дженсена. — Слушай, я возьму его на час или два. Я не против.

Дженсен поднял бровь, смотря на Габи. Она была недовольна, но потом заметила, как загорелись глаза ее сына от идеи провести больше времени со своим дядей.

— Хорошо, — вздохнула она. — Но я в таком случае тоже иду. Не можете же вы, ребята, скакать по горам со всеми этими зияющими шахтами.

Мэд стал обороняться: — Я лучше знаю, куда можно вести ребенка по горам.

Дженсен заулыбался. — Мы ходили туда детьми, — сказал он.

Мэддокс поймал взгляд брата: — Я помню, — сказал он тихо. Действительно, он помнил. Это было в день, когда Дженсен был его непобедимым старшим братом, доказавший свое право, чтобы ему подражали и восхищались. — Это было давным-давно, — он не хотел говорить, что прошлое настолько невыносимо. В комнате появилась неуютная меланхолия, которая быстро исчезла, когда Мигель издал победный клич и побежал в спальню одеваться.

Габи бросила на Мэддокса уничтожающий взгляд, но он почувствовал, что это для видимости. Она не сердилась. — Ты собираешься одеться, ведь так?

Мэддокс Маклеод усмехнулся. — К сожалению для тебя, сладкий ротик, — он выпил чашку кофе в два глотка и пошел в душ. Он знал, что она провожала его взглядом.

***

Дженсен согласился посидеть со Священником, пока они будут совершать небольшой поход в пустыню. Мэддокс признался себе, что ему нужно было уйти от этой ауры смерти, хотя бы на некоторое время. Работник хосписа придет в ближайшее время. Перед уходом Мэддокс наклонился к уху отца и напомнил Священнику, что он рядом и что любит его. Когда он поднял голову, в комнате стояла Габи и сочувствующе смотрела на него.

Сухой гравий и песок хрустели под ногами, Мигель продолжал, почти бежать вперед. Он был быстр как кролик, и почти всё время молчал. Мэддокс видел его увлеченность простой игрой и на мгновение он позавидовал ему. Габи спокойно шла сбоку, опустив голову. Было впечатление, что она отчаянно пыталась придумать, что ему сказать.

— Давайте сюда, — окликнул Мэддокс, направляя их от высохшей части реки Хасаямпа к холмам.

— Только не возвышенность, — напомнила ему Габи. — И близко не подойдем к той старой проклятой шахте.

— Дядя Мэд, — позвал Мигель, поднимая плоский серый камень. — Ты знаешь, почему здесь нет воды?

— Когда-то была, — сказал Мэддокс, переступая через большие речные камни. — И когда идут долгие проливные дожди русло снова наполняется.

Мигель подскочил к ним. Габи потянулась к нему, чтобы стряхнуть пыль с его волос, а

он уклонился.

— Мы узнали о наводнении в школе, — сказал он, сомнительно поглядывая на выжженную, потрескавшуюся землю русла реки. — 1890 год, вроде. Мой пра-пра-прадед чуть не утонул в ней. Плотины прорвалась в восьми милях, вниз по течению и затопило всё это место на десять футов.

— Ага, — сказал Мэд, задумавшись. — Они говорили вам о потерянных сокровищах?

— Там нет сокровищ, — фыркнула Габи, но она улыбалась. — Кто-нибудь давным-давно нашел бы их.

— Их искало слишком много народу, — настаивал Мэддокс, запуская плоский камень по другим камням. Загрохотало, а затем затихло. — Полная безопасность украденного золота. Говнюк во главе всей добычи стырил его. Затем он обвинил нищих ублюдков, работающих на него, и повесил их на ближайшем тополе, пока их лица не стали чертовски черными.

— Мэддокс! — закричала Габриэла и на этот раз она не веселилась.

Мэд проигнорировал ее. Он присел на корточки и посмотрел племяннику в глаза.

— Хреново было то, что мэр и мудака, который был шерифом или еще каким дерьмом участвовали в этом. По крайней мере, так гласит история, — он погрозил пальцем и подмигнул. — А потому, Мигель, ты не должен верить закону.

Но Мигель нахмурился и отвернулся. — Мой отец полицейский, — сказал он тихо.

Мэддокс выпрямился, сожалея о том, что сказал. — Да, и он хороший полицейский. Он не будет вмешиваться в дерьмо. Не Дженсен Маклеод.

Габи не спускала с него глаз, и он мог видеть напряженность в ее позе. Мэддокс подтолкнул мальчика. — Пойдем за мной. Я покажу тебе кое-что классное.

Мэддокс обнаружили кладбище, когда он был примерно того же возраста, что и Мигель. Это было палящий летний день, когда он отправился на поиски пятен в русле Хасаямпы, которые заполнились от муссонных дождей. Дженсен был с ним. Они оба проигнорировали предупреждение их матери, держаться подальше от речной воды. Там было полно опасных бактерий. Мэддокс начал отвлекаться, следуя хвостиком за зайцем. Когда он наступил на первое надгробие, он даже не понял, что это. Дженсен был тем, кто обследовал землю, глядя вниз, и распознавал другие подобные этой.

— Могилы, — сказал Дженсен с уверенностью старшего брата в голосе, которую использовал, когда был абсолютно уверен.

Мэддокс насмешливо передернул. Это не было похоже на могилы, которые он когда-либо видел. Дженсен всегда думал, что он все знает. — Как, черт возьми, ты узнал?

Дженсен закатил глаза и, наклонился к ноге Мэддокса, осторожно оттянув ветку, чтобы показать плоский камень под ней. На поверхности камня был лишь грубо высеченный год смерти и единственное слово. — Видишь? — сказал он с триумфом. Мэддокс увидел. Дженсен был прав. Он всегда был прав.

Мигель сморщил нос, когда они трое пошли дальше. Они миновали высохшую реку и приблизились к внешней границе горнодобывающего лагеря. Мэддокс был уверен, что в этой области не было ни одной старой шахты, но он предупредил Мигеля наступать только туда, куда ступает он, просто на всякий случай.

— Что это за запах? — спросил мальчик, принюхиваясь. — Пахнет сальсой. (Прим. Сальса (salsa что значит 'соленый') — разновидность соуса, который готовится из смеси овощей или фруктов с добавлением перца чили.)

— Кориандр, — сказала Габриэла сыну, хватая стебель с перистыми ветками. — Забавно, что здесь он вырос. Должно быть, здесь достаточно тени от этих древних мескитовых деревьев, чтобы защитить его от солнца.

Мэддокс, встал на колени и отодрал слои пустынного детрита от камня. Мигель наклонился, заглядывая через плечо.

— Что там написано, Мэд?

Мэддокс уже знал.

— 1890 год и ниже слово «брат».

Габи тоже глянула.

— В 1890 году не было того наводнения о котором ты рассказывал?

— Да. Должно быть совпадение. Не все смерти были от потопа, — Мэддокс выпрямился, глядя на камень и останки, которые были давно похоронены под ним. — Скорее всего, он был каким-то бедным шахтером, затраханный почерневшими легкими или динамитом.

Мигель был зачарован. Мэддокс знал, что так и будет.

А еще есть? — спросил он нетерпеливо, и Мэд улыбнулся.

— Семнадцать с метками, — он указал поперек участка, указывая на остатки колючей проволоки, которая когда-то окружала кладбище. — Город, должно быть, забыл об этом адском месте и забросил его много лет назад. Дженсен никогда не упоминал?

Габи покачала головой. Она, казалось, обеспокоена. — Нет, мне нет. Мигель, — позвала она, — не отходи далеко.

— Он в порядке, — сказал ей Мэддокс, шурясь на солнце, пока Мигель бродил по территории в «жуткой охоте мусорщика» по большинству могил. — Здесь поблизости нет шахт. Это было кладбище горняков. У этих людей не было семей, никому они на хрен не были нужны. Таким образом, они были свалены здесь и забыты. (*Прим. scavenger hunt "мусорщик идет на охоту" (салунная игра)— игра, участники которой должны найти и собрать определенные предметы (не покупая их) за ограниченное количество времени "мусорщик идет..."*).

Габи указал на камень под ногами.

— У него была семья, — тихо сказала она.

— Да, — Мэддокс медленно согласился, — полагаю, что была, — он уставился на грубо выдолбленное слово — «брат», пока в его глазах не начало двоиться. Его посетила ужасная мысль, что когда-то другой мужчина, должно быть, стоял на этом самом месте и печально смотрел в землю, которая забрала себе его плоть и кровь. Мэддокс не считал себя сентиментальным, но мысль взволновала его.

Нежное касание руки Габриэлы было неожиданным. Она прижалась щекой к его плечу и вздохнула. Мэддокс закрыл глаза, когда противоречивый шквал эмоций пробежал через него. У него слегка закружилась голова, и он остро почувствовал, что что-то здесь есть, в этом месте. Чему следовало произойти именно здесь. Когда Габи крепче прижалась к нему, он вдруг захотел сделать что-то еще, что должно было случиться. Он грубо схватил ее и поцеловал ее со всем, накопившимся за десять лет, желанием.

Она ответила ему, как будто ждала. Ее губы открылись и их языки нашли друг друга в отчаянном танце. Мэддокс, обнял ее сзади и развернул её к себе, теряясь в удовольствии от ее мягкой плоти. Он хотел, чтобы она почувствовала, каким твердым он был, когда она отстранилась, он понял, что она ощутила это.

— Дерьмо, — выругалась она, отстранившись и внезапно отталкивая его, и он не смог её удержать. Его первым инстинктом было притянуть ее обратно, с большей настойчивостью, но потом увидел, как она оглядывалась в поисках сына. Мигель был в двадцати ярдах, согнувшись среди креозотовых кустов и выискивая могилы погибших мужчин. Он не видел, как они обнимаются.

Габи бросила на Мэддокса взгляд, полный смятения и раскаяния, что он вынужден был отвести взгляд. Когда он услышал оклик со стороны Мигеля, он задержал взгляд на простой серьезной надписи у его ног.

Человек, который уже давно сгнил под камнем когда-то жил. У него была надежда и он страдал. В надежде что, прежде чем быть похороненным под этим камнем ему удалось полюбить или, по крайней мере, потрахаться с удовольствием. Но он унес свои тайны с собой. Никого не осталось в живых, кто помнил о его жизни на земле.

Мэддокс смотрел на Габи и ее сына. Резкий озноб накрыл его, который не имел ничего общего с теплом позднего утра. Когда он был мальчишкой, он верил в духов и потерянное сокровище. Мигель до сих пор верит. Мэддокс надеялся, что годы не отберут у него этого.

— Давайте на фиг убираться отсюда, — хрипло отозвался он, переступая через обрывки проволоки упавшей ограды. Пройдя двадцать или около того ярдов, он увидел неглубокую пещеру, которая в течение нескольких поколений служила норой для различных животных. Он забыл о ней. Он и Дженсен привыкли считать это своим тайным логовом, местом для хранения детских вещей, которые казались настолько важными, пока не появился секс и другая хрень. Вокруг было еще несколько пещер, небольших и незначительных.

Он чертовски пожалел, что пришел сюда. Когда-то это было чисто и волшебно, когда-то он не понимал мрачную маску смерти. Он подождал, пока Габи и Мигель пройдут вперед, и направились обратно к дому Маклеода. Один раз он подумал, что слышит шепот за спиной, но это, должно быть, было только мягким свистом ветра.

***

Габриэла не подала и вида по поводу их поцелуя. Мэддоксу начал даже задумываться, был ли он вообще реальным. С тех пор, как он приехал в Раздор-Сити, он чувствовал себя не в своей тарелке. Возможно, это было связано с приближающейся смертью последнего родителя, или, может быть, это было в результате, того что он снова рядом с ней.

Он сидел на заднем дворике отчего дома в старом кресле, которое сильно пахло пластмассой. Дверь была открыта, и он услышал шум мытья посуды. Кейси, жена Дженсена, принесла пару цыплят-гриль из «Баша». Она не разговаривала с Мэддоксом, и заискивала перед мужем на протяжении всего обеда. Мэд ей не доверял. Он знал таких.

За звуками мытья, он узнал возбужденный лепет племянника и ответы брата. Рингтон Мэда, «Ring of Fire» в версии Джонни Кэша, заставил его вздрогнуть. Он вынул трубку из кармана и увидел, кто звонил.

— Босс, — сказал он в трубку.

Глубокий голос Ориона Джексона послышался в ответ: — Здорово, Мэд. Как он?

Мэддокс неровно выдохнул. — Он не сдается. Но это хреново, мужик. Иногда он открывает глаза и видит меня. Но большую часть времени он не в себе.

— Да уж. Я видел такое и раньше, — главарь Отступников откашлялся. Орион Джексон не часто показывал чувства. — Мэддокс, просто хотел сказать, что я сожалею.

— Мы все когда-нибудь уйдем, ведь так?

— Так и есть. — Орион замолчал. — Слушай, тебе что-нибудь нужно? Тебе или твоим

близким?

Мэддокс улыбнулся, несмотря на это. Он любил этого мужика. Его охватило внезапное сильное желание вернуться в Куартзсайт, может быть, засадил бы какой-нибудь местной заднице в трейлере, пока на заднем фоне играла музыка из бара «На дне реки». Тогда после этого он на хрен пострелял бы с Брэндонем или Греем и бессовестно проспал бы это все.

Орион долго не размусоливал, и Мэддоксу не нужно было говорить, что он оценил звонок. Он повесил трубку с некоторым сожалением, сказав Ориону, что будет держать их в курсе. Орион не спросил о Габриэле. Мэддоксу пришло на ум, что он, возможно, забыл эту историю, излитую однажды ночью в компании выпивки и отчаяния. Но это было маловероятно, рассуждал он. Орион Джексон ничего не забывает.

Мэддокс не хотел возвращаться в дом. Хосписный работник ушел несколько часов назад. Скоро уйдут остальные, и он останется наедине со Священником. Иногда его отец открывал глаза и видел мужчину, перед собой, но в основном он был без сознания, витая в месте, где Мэддокс был ещё мальчишкой, живущим под этой крышей. Мэддокс вслух выругался на себя. Опять. Он должен был приехать раньше, когда Священник был еще Священником. До того, как его отец превратился в высохшую оболочку, который кряхтел в старой кровати и зря звал давно умершую супругу.

Он так потерялся в собственных мыслях, что Дженсену удалось напугать его. Мэддокс слегка подпрыгнул, его брат протянул принесенное пиво. Дженсен схватил еще один стул и развернул его. Старые крепления ужасно закрипели. Мэддокс наблюдал, как Дженсен аккуратно уселся на стул, с явной болью.

— Он сейчас успокоился, — сказал Мэддокс. Он просто осознал, что так и есть.

Дженсен рассеянно потер левое колено, будто оно болело. — Габи забрала ребенка домой. И я сказал Кейси, что ей нет причины оставаться.

— Старик все еще спит?

— Да, — посмотрел на него Дженсен. — Он все еще спит.

Мэддокс отвернул пробку и бросил её в темноту. Он указал на колено Дженсена. — Напомни-ка мне, как это произошло?

Дженсен был застигнут врасплох этим вопросом. Мэддокс отпил пива и наблюдал борьбу на лице брата. Дженсен не умел правдиво врать. У Мэддокса не однажды были проблемы, когда Дженсен сбалтывал правду под напором матери.

... — Где вы были, мальчики? — выпытывала она.

Мэддокс мог усмехнуться и сказать: — Просто прыгали на детской площадке за школой, ма.

Губы Тильди МакЛеод сжимались, и она смотрела на ёрзающего старшего сына. Для Дженсена много не нужно было, чтобы ляпнуть, что они на самом деле играли в запретных горных пещерах и прыгали через открытые шахты...

— Служба, — осторожно сказал Дженсен, запрокидывая голову, чтобы посмотреть на небо.

Мэддоксу не хотелось давать ему так легко уйти от ответа. — Так, кто в тебя стрелял, братан? — Дженсен резко посмотрел на него. — И что еще более важно, были ли у тебя яйца отстреливаться?

— Чез Коллетти, — решительно сказал Дженсен, и Мэддоксу показалось, что он ослышался.

— Не может быть, бл*, — он покачал головой. — Я никогда не слышал об этом.

Дженсен, понизив голос, ответил: — Как, черт возьми, ты бы услышал, Мэддокс? Может быть, ветром восточку принесло, когда ты приехал домой на Рождество?

Мэддокс нахмурился. Он не был в настроении двигаться в этом направлении. Это зацепило бы слишком много другого, что было бы лучше оставить в покое.

— Так что, черт побери, старый Чез-Спез сделал, чтобы получить пулю?

Дженсен уже допил пиво. Он позволил бутылке упасть на землю. — Он выстрелил первым, а я стреляю лучше, Мэд, — Дженсен резко рассмеялся. — Не сомневаюсь, ты хотел бы, чтобы закончилось по-другому.

— Думаешь, я хочу, чтобы ты умер, потому что ты трахнул мою девочку в прошлой жизни?

— А что, нет? — спросил Дженсен с тихим осуждением.

— Нет, — Мэддокс покачал головой. — Ну, может быть, хотел, — он резко поднялся и пнул стул. — Пошел ты, Дженсен.

Дженсен не поскупился ответить. — Пошел ты сам, эгоистичный осел.

Мэддокс вернулся в дом и захлопнул дверь. Он, как правило, не избегал борьбы, неважно по какой причине. Однажды у него были трудности, и он сдерживался против своего старшего брата. Но кое-что изменилось. Он стал сильнее, а Дженсен стал мягче, коп он или нет. Мэддокс стоял в гостиной и сжимал правую руку в кулак. Он представил, как бьет в живот Дженсена, выбивая из него дух. Но мгновение спустя, он представил себе выражение ужаса на лице племянника, если бы тот увидел это. Борьба происходила прямо в нем. Его руки бессильно упали по бокам.

Мэддокс пошел в комнату Священника и сел рядом с кроватью. От обезболивающих отец погрузился в бессознательное состояние. Несмотря на это Мэддокс понимал, что вряд ли Священник даже осознавал его присутствие, он не хотел быть где-то еще. Он не слышал, как открылась задняя дверь, а это означало, что Дженсен либо ушел, либо все еще был там, во мраке борьбы с теми призраками, преследовавшими его.

— Папа, — прошептал Мэддокс только потому, что он по-прежнему мог еще звать отца. Он взял отца за руку и почувствовал незначительное ответное сжатие.

Мэддокс не знал, сколько прошло времени, пока он сидел рядом с отцом. Мысли о Габриэле навязчиво приходили, как бы он ни пытался запихнуть их подальше. Днем он ощутил тупое удовлетворение от утоления ее голода и понимания, что она его хочет. Мэддокс не мог сосчитать, сколько женщин он трахнул в последние десять лет. Сколько раз он доставал свой член и засовывал его в чью-то незнакомую киску? Были и те, с кем были и более частые перепихоны, такие, как Элис, но не было никого, без кого бы он не смог прожить. С Габриэлой де Кампо возможно было бы иначе. Один раз в ней, и Мэддокс пропал бы.

Мэддокс, наконец, услышал глухой лязг открытия двери и узнал походку брата. Дженсен загородил дверной проем и заглянул внутрь. Мэддокс не поднял головы, пока его брат вздохнул и пересек зал. Мэд мог бы спросить, почему, черт возьми, он не пошел домой к своей гребаной жене, но на самом деле решил, что его это не волнует.

Мэд продолжал думать о кладбище. Оно было печальнее, чем большинство таких мест, кучка забытых жизней, похороненных рядом, в уединенном месте, которое никто и никогда не посещал. Та первая могила засела у него в памяти больше, чем остальные вместе взятые.

1890.

Брат.

Может быть, именно она волновала его, потому что на эпитафии было лишь одно слово. Кто-то заботился о похороненном мужчине.

Он задумался, что было бы написано на его надгробии, если бы таковое было.

Глава 12.

Разор-Сити, Территория, штат Аризона
1888

Анника вспомнила свой последний затяжной поцелуй часом раньше. Даже когда она проснулась, она все еще ощущала его, ее сердце замерло с сожалением, когда не нащупала ничего, кроме пустоты.

Мысль о его упругом теле, возвышающемся над ней, ненадолго заставила ее покраснеть. На самом деле, она упивалась воспоминанием, и желание между ног возросло.

Хищная птица громко закаркала где-то над головой и Анника вздохнула. Так весь день легко можно провалиться, предаваясь мыслям о Мерсере. Неохотно она поднялась на ноги, заметив какой зябкий воздух по утрам, хоть он и сильно нагревается во второй половине дня.

Одевшись, Анника разожгла огонь в небольшом каменном очаге за школой. Она нагрела немного воды и тщательно перемешала молотые кофейные зерна, которые были в провианте, доставленном Лиззи Пост. Напиток был горьким, но она не позволила себе подсластить его ограниченным запасом сахара.

После она потушила огонь и пошла в направлении города. Несколько месяцев тщательной экономии, но лошадь будет первое, на что уйдет её заработная плата. Конечно, она понятия не имела, где будет держать лошадь, но это была решаемая проблема. Ни один мужчина или женщина Территории не могли претендовать на независимость без коня.

Анника старалась не обращать внимания на пьяных выпивох, которые вываливались из салунов после длительной ночи азартных игр и выпивки. Большинство из них — шахтеры, а вообще там была разномастная смесь людей. Она сделала вид, что не замечает мистера Свиллинга, пока он брел по улице, а затем окунулся в бочку с водой. Он терял деньги как с куста в карточных играх, которые иногда заканчивались стрельбой.

Анника осторожно посмотрела на группу мужчин, которые топтались у «Комнаты Розы». У троих на поясе висели пистолеты и они не были того бледного, слегка потрепанного вида, как шахтеры.

Она отвернулась и старалась не слышать, как двое окликнули её. Один же неприлично развалился на балконе, обгаженного голубями учреждения, и смеялся.

Первое желание Анники было указать мужчинам, куда засунуть свои грубые оскорбления. Но схватка с каждым негодяем в Раздор-Сити была бы бесполезной и лишь привлекла бы к ней больше внимания. Она достаточно хорошо понимала, какой заманчивой целью, она была: одинокая женщина, проживающая слишком далеко за пределами центра, и криков-то никто не услышит.

Она ускорила и направилась к Торговому дому. Миссис Мейер, жена немецкого собственника и мать двоих учеников Анники, согласилась принять адресованное в Висконсин письмо Анники и отдала конверт, который пришел на неделе. Когда вышла из Торгового дома, Анника вертела маленький конверт в руках, рассматривая его и наслаждаясь этим кусочком дома. Письмо в руках было от сестры, Бритты.

— Хэй, — послышался глубокий голос, и Анника пораженно уставилась на огромного мужчину, с которым почти столкнулась. Она подняла глаза и увидела холодные голубые глаза, разглядывающие ее. Эти глаза, казалось, не способны упустить ни одной мельчайшей

детали.

— Не думаю, что я имел удовольствие, познакомиться с вами, — сказал он с южным акцентом, растягивая слова, снимая шляпу в дерзкой, неискренней манере, чем резко напомнил ей Мерсера.

— Мисс Анника Ларсон, — резко сказала она мужчине. — Я новый учитель. Теперь я прошу прощения, но я могу пройти?

— Учительница, — он кивнул сам себе, а затем разразился глубоким смехом, который привлек несколько взглядов окружающих, которые шли по своим делам по Раздор-вэй. Человек даже не обратил на них внимание. Анника не понимала, что с ним делать. Она только поняла, что он ставит её в неудобное положение.

— Рад познакомиться с вами, сказал он со своим акцентом, приглашая ее жестом прогуляться легким променадом вдоль улицы. — Я так много слышал о вас, мисс Ларсон.

Его заявление застало ее врасплох, и она с любопытством посмотрела на него. Он был старше Мерсера и что-то в его манере поведения, выдавало как еще большего негодяя. Заметный шрам протянулся через правую щеку. Он был таким типом мужчин, на которого любая женщина, хорошо это или плохо, будет смотреть не отрываясь, даже если они предпочитали это отрицать.

— Кто Вы? — спросила Анника, так как он не представился сам.

Он дернул шляпой и проверил пистолет на бедре, пока взгляд его холодных глаз прошелся по жителям Раздор-Сити с тихим вызовом.

— Вы можете называть меня мистер Дейн. Хотя Каттер Дэйн для вас более привычно.

Анника напряглась. Так вот он лидер дэйнсов. Мужчина, которого Мерсер Долан считал своим другом и заявил, что он пойдет за ним куда угодно. Каттер Дэйн воровал. Он убивал. И он стоял на Раздор-вэй, среди бела дня смело произнося свое имя.

Тем не менее, она не позволила себе показать ему свой страх.

— Почему Каттер? — смело спросила она. — Что вы сделали, чтобы заслужить такое имя?

С улыбкой он полез в сапог и достал длинный нож с костяной рукоятью. Анника услышала рядом приглушенный вскрик женщины, но она не подала вида, стоя прямо перед преступником. Каттер Дэйн мастерски вертел оружие в пальцах, демонстрируя свою смертельную доблесть. Он, казалось, наслаждался зрелищем.

Глубокий голос разбойника был низким и хриплым, когда он наклонился близко к Аннике: — Я скажу ему, что Вы передавали привет, мисс Ларсон.

Потом он с размаху вложил нож в сапог. Каттер Дэйн не обременил себя никакими дальнейшими любезностями, и направился к «Комнате Розы» и скрылся в накуренных глубинах.

Анника планировала обратиться к миссис Свиллинг. Тем не менее, столкновение с Каттером Дэйном наполнило ее страшной тревогой. Ещё недолго она выполняла общественные дела. День становился все теплее, но её это не заботило. Она не могла стоять на месте. Она будет идти, пока ее ноги не устанут.

... «Я скажу ему, что вы передавали привет...»

Мерсер находился где-то в глубине Комнаты Розы, выпивал и тешился с одной из крашенных девушек? Ее кулаки сжались, сминая письмо в руках. Этот чертов Каттер Дэйн смотрел на неё так, как будто он что-то знал, о чем порядочный человек никогда не заговорит. Рассказывал ли Мерсер своим бандитам о них? Скорее всего, он только играл с

ней, играл её чувствами, как будто это развлечение для него?

Кровь гудела в ушах, пока она спешила по дороге, откуда приехала. Анника перебирала в уме все слова сказанные ей Мерсером Доланом. По правде, не было никаких обещаний, ничего о любви. Эти слова были произнесены одной ею.

Когда она проходила мимо приземистого здания, в котором разместился банк, на улицу вышел Джеймс Долан. Он удивленно моргнул, когда увидел ее.

— Мисс Ларсон, — сказал он, направившись к ней. Когда он приблизился, то впился взглядом в ее лицо. — Анника, — сказал он тихо, — что случилось.

Она попыталась вежливо улыбнуться. — Ничего особенного, мистер Долан. — но она слегка пошатнулась, и Джеймс схватил ее под руку.

— Что-то не так, — нахмурился он.

Анника попыталась увернуться, но он быстренько ухватил её. — Ничего такого, Джеймс. Вы должны позволить мне уйти.

Не тут-то было. Они были в конце Раздор-вэй. Джеймс завел её за здание, взял за подбородок, и проницательно посмотрел на нее.

— Он что-то Вам сделал?

Анника прикинулась, будто не слышала. — Кто?

— Вы чертовски хорошо знаете кто. Мой чертов брат.

Анника думала рассмеяться и бросить в лицо городского маршала, что да, его брат много чего с ней сделал. И что ей все это понравилось. Но ей вдруг стало стыдно, понимая, что для Мерсера она, скорее всего, не больше, чем шлюха из Комнаты Розы.

Анника не выдержала обеспокоенного взгляда Джеймса. Она высвободилась от его рук и оттолкнула его. — Он ничего мне не сделал.

Джеймс снова схватил ее. — Черта с два, — прорычал он. Вдруг он стал так похож на Мерсера, что ей поплохело. Тогда шумно вздохнув, он отпустил ее. Он дважды кашлянул. — Анника, — сказал он с болью в голосе. — Вы порядочная женщина. Не позволяйте Мерсеру сломать Вас.

Она больше не могла находиться рядом с ним. Он слишком сильно напоминал ей своего брата. Если он снова схватит ее, она позволит ему поцеловать себя. Она знала, что он отчаянно этого хочет.

Вместо этого она разгладила письмо сестры. — Доброго дня, мистер Долан.

Джеймс на мгновение посмотрел ей глаза, а затем отпустил её. Она быстро вернулась в школу. Остаток дня она ничего не делала, наблюдая за движущимися снаружи тенями, она ждала Мерсера.

Она не была уверена, что он покажется, но она увидела его длинную тень позади школы до наступления темноты. Она поняла, что он пьян, еще до того, как увидела его.

Ее голос был холоден. — Зачем ты пришел сюда?

Он помолчал, потом улыбнулся. — По той же причине что и всегда, Анни.

— Я сегодня встретила с Каттером Дэйном.

Улыбка спала с его лица. — Я знаю.

— Так почему бы тебе не вернуться к выпивке со своими дружками-убийцами и в постельку шлюхи?

— Я никогда не нуждался в твоём разрешении, учительница.

Аннику будто сбили с ног. Она не хотела задавать следующего вопроса. — Это то, что ты делаешь, как только покидаешь меня?

Его ответ был незамедлительным. — Нет, Анни. Никогда.

Анника вскочила на ноги. Черт подери этого мужчину. Черт подери то, как он смотрел на нее, как будто она в один момент была всем, и ничем в следующий.

— Почему ты здесь, Мерсер? — в её голосе послышались всхлипы. — Я уже говорила, что люблю тебя. А ты что-нибудь ко мне чувствуешь? Хоть что-нибудь?

Он не смотрел на неё. Он смотрел на высокие тополя. — Да, — сказал он так тихо, что она чуть не пропустила этого. Она думала, что он подойдет к ней, но он этого не сделал. Он повернулся и исчез в темноте.

— Мерсер, — прошептала Анника, а затем рухнула в грязь. Она не знала, как долго она проплакала.

Хотя последнее, что она почувствовала, это то, что на следующее утро, когда она вернется в Раздор-Сити, нужно сходить в церковь. Ожидалось, что она будет хорошим примером для своих учеников.

Она оделась, чувствуя слабость и недомогание. Крошечное отражение подтвердило, что так оно и было.

Она была в городе еще за полчаса, до начала церковной службы. Миссис Свиллинг чинно сидела в своей повозке перед Торговым домом, пока ее дочь Харриет ерзала за спиной. Она сухо кивнула Аннике.

— Мисс Ларсон.

Анника слышала мужские крики и поняла, что они исходят из здания в пятидесяти ярдах. «Комната Розы».

— Доброе утро, миссис Свиллинг. Вы хорошо выглядите.

Женщина надменно фыркнула. — Спасибо. Я чувствовала бы себя намного лучше, если бы мистер Свиллинг не привлекал бы к себе внимание, участвуя в скандалах этого дьявольского логова.

Анника посмотрела на улицу. Ей не хотелось выслушивать жалобы миссис Свиллинг, но у неё не было выбора.

Миссис Свиллинг облизала тонкие губы, наслаждаясь сплетнями, она заговорщицки наклонилась вперед. — Вчера вечером порезали одного шахтера, — она взмахнула перчаткой в руке. — О, он будет жить. Было не смертельно, но причина в одной из этих грязных голубок, — она поморщилась. — Только состояние хуже, чем у тех больных женщин, доставляющих им удовольствие, которыми они восхищаются. Нападение совершил родной брат мистера Долана. А позже его нашли с кровью на одежде, когда он спал на коленях шлюхи.

— Родной брат мистера Долана.

У Джеймса Долана был только один живой брат. Ночью он оставил ее в раздразе. Видимо потом он, провел ночь удовольствия и разбоя.

— Мисс Ларсон, — внезапно голос миссис Свиллинг стал обеспокоенным. — Вам нездоровится?

Да, хотелось сказать Аннике. Я больна. Больна страстью разрушающей и бесполезной любви.

— Думаю, да, миссис Свиллинг. Пожалуйста, прошу меня простить.

Анника проигнорировала оклики женщины и слепо поплелась по улице. Высокое ржание лошади заставило её замереть, и она поняла, что непосредственно перегородила путь повозке Карлоса де Кампо. Он остановил своих лошадей и с любопытством посмотрел

на нее, обращаясь с небольшим акцентом.

— Мисс Ларсон. Мои извинения. Я не видел Вас.

— Нет, — она покачала головой, прислонившись к боку лошади. — Все в порядке. Я не смотрела, куда иду, — Анника удивилась, что вообще способна выговаривать слова в свете сокрушающей боли в груди. Она боялась, что будет не в состоянии отойти от лошади и пойти самостоятельно.

— Анника, — прозвучало в ее ушах, знакомый голос, но какой-то не такой.

Это не был голос Мерсера. Это был голос его брата, Джеймса. Ее друга. Он крепко обнял её, не обращая внимания, что кто-то, возможно, видит.

— Карлос, — он позвал мужчину на повозке. — Мисс Ларсон плохо. Вас не затруднит отвезти нас в школу?

— Нет проблем, Джеймс, — ответил добрым голосом отец Дези.

Джеймс помог ей забраться на сиденье рядом с мистером де Кампо, а затем прыгнул назад. Анника слышала звоночек к началу богослужения через пятнадцать минут. Она не могла и думать о том, чтобы сидеть спокойно на скамейке и слушать бессвязные речи преподобного Маркуса.

Анника ничего не говорила, пока они ехали к школе. Ее разум вел борьбу сам с собой. Ее худшие предположения о Мерсере Долане оказались правдой. Он был жестоким преступником и развратником. Он не смог бы исправиться.

— Мисс Ларсон, — мягко сказал де Кампо, пока Анника слезила. Она посмотрела в его симпатичное лицо. Его широкополая шляпа отбрасывала тень на лицо, но его улыбка была искренней. — Спасибо, что Вы занимаетесь с Дези. Вы прекрасный педагог.

Это было лучший из комплиментов, но на данный момент она смогла только слабо кивнуть и поплестись в школу. Анника не могла зайти внутрь учительской. Она везде видела Мерсера. Было достаточно сложно находиться в здании школы. Она знала, что Джеймс пошел за ней. Она подождала, пока он закрывал дверь. Она стояла к нему спиной, когда остановилась за простым столом, который был приобретен Джеймсом только за неделю до этого.

— Расскажи все, — сказала она ровным голосом.

Джеймс говорил, запинаясь. Как маршала Раздор-Сити разбудили незадолго до восхода и вызвали в Комнату Розы. Травмы шахтера были не серьезными, но, тем не менее, это было нападение. Мерсера арестовали. Он едва ли надолго задержится в крошечной тюрьме Раздора. Камера нужна для худших преступников.

— Что еще? — коротко спросила Анника.

— Больше ничего, — мягко сказал Джеймс, по-прежнему стоя прямо позади нее.

Она повернулась. — Я думаю, что есть.

Джеймс поморщился. Для него стоило больших усилий сказать ей, но он рассказал все равно. — Они дрались за женщину, Анника. По крайней мере, со слов свидетелей. Мерсер не захотел рассказывать. Шахтер, Кризмон, позарился на одну из девушек, с которой кутил Мерсер. Когда он попытался затянуть ее наверх, Мерсер разозлился. Пырнул ножом мужчину в бедро и обошелся с девушкой так, как захотел.

Анника молчала, когда Джеймс закончил. Она ничего не чувствовала. Ни гнева, ни отчаяния. Была только пустота, где когда-то была любовь.

— Я думаю, что я ненавижу его, — сказала она, как будто это было самым удивительным чувством в мире. — Не из-за того что он сделал прошлой ночью, а потому что

я верила ...

Она не смогла закончить предложение. Она не была уверена, что вообще хотела об этом говорить.

— Анника, — его голос был таким нежным. Джеймс по-дружески обнял её. Она обняла его в ответ.

— Джеймс, — сказала она, прижимаясь к нему. Да, она поцеловала его первая. Он, вроде, удивился, но быстро ответил, прижимая её к себе так горячо, что ей показалось, он, должно быть, много раз думал об этом. Она не просто позволяла ему прикасаться к ней. Она хотела его. Джеймс Долан задрал её юбку, и она села на стол, обхватив его ногами.

— Да, — повторяла она снова и снова, — Да, — она приветствовала его руки, губы. Пустота ушла.

— Анника, — он отстранился, тяжело дыша. — Так не должно быть.

— Нет, — сказала она, умоляя его. — Мерсер и я, мы никогда...

Выражение его лица стало болезненным при упоминании имени своего брата. Он схватил запястья Анники. — Черт побери, я не спрашивал об этом. Анника, я не буду использовать тебя так. Ты заслуживаешь большего.

— Джеймс, — она вцепилась в него. — Ты хороший человек. Я знаю это. Я всегда это знала.

Он поцеловал ее руку и встал перед ней на колени. — Тогда позвольте мне быть хорошим мужем, Анника.

— Ладно, — сказала она, устало кивая, но понимающе. — Пусть так.

Позже, большая часть дня в памяти Анника проплыла, как в тумане, как будто это было словно во сне. Она вышла замуж за Джеймса Долана. Это она запомнила. Преподобный Маркус был удивлен, но рад был во второй половине дня провести церемонию. Свиллингсы стали свидетелями, и когда Джеймс поцеловал ее в щеку, он неуверенно искал её глаза своими. Она улыбнулась ему, подтверждая, что все в порядке. Территория славилась импульсными союзами. Этот был не в новинку. Она ехала в Раздор-Сити, не с целью выйти замуж, но это случилось. Это был мужчина, которого она хотела, тот, кто был ей нужен.

Джеймс извинился за простоту своего дома. Двухкомнатная квартира была к югу от города, вдали от шахты Скорпиона. Анника осмотрелась и не могла поверить, что сейчас это ее дом. А что с её детьми? Нужно будет найти другого учителя. Замужние женщины не могли стоять перед классом.

Новый муж Анники, настолько был джентльменом, что искренне сказал ей, что не ждет, что она так сразу разделит с ним его ложе.

— Пока ты сама не захочешь, — сказал он, беря ее маленькую ручку в свою большую. Когда она не ответила, он смахнул локон со лба, — любовь придет в свое время, Анника.

— Так и будет, — она согласилась и прижалась к нему. Его дыхание участилось, когда она потянулась туда, где принесет ему удовольствие. Она почувствовала, как он стал твердым под её рукой. — И Джеймс, я хочу этого.

Было действительно больно, как её предупреждали. И да, она надеялась, что каждый толчок тела ее мужа изгонит лицо Мерсера из памяти. Тем не менее, когда она закрывала глаза, все еще видела его.

Затем Анника слушала ровное дыхание Джеймса и знала, что он мирно спит. Его сильная рука обнимала ее за талию, и она пробежалась пальцами по его коже. Она чувствовала к нему привязанность. Она поступила опрометчиво, не задумываясь, бросилась в

брак, но что сделано, то сделано. Мерсер конечно же об этом услышит. Она сомневалась, что это будет иметь хоть какое-то значение для него.

Хруст двери, вырывающейся из петель, заставил ее в тревоге вскочить. Джеймс оказался быстрее, он уже схватился за винчестер, который держал у кровати.

Злоумышленник издал болезненный вскрик, сопровождая отборным ругательством.

— Мерсер, — прошептал Джеймс, наставляя винтовку на брата.

Мерсер Долан появился словно призрак. Он по-прежнему носил одежду, которая была накануне окровавлена. Его темные волосы, всегда слишком длинные, дико торчали, так как он был без шляпы.

— Анника, — простонал он, имя, которое, казалось, принесло ему невыразимую боль.

Она заплакала и начала к нему подходить, но потом вспомнила, кто она сейчас. И почему. Она вспыхнула от гнева. Анника стояла на кровати, которую она делила с мужем и слышала свой жесткий голос. — Я знаю, что ты из себя представляешь, Мерсер Долан. Черствый подлец, не более того. Воспоминания о твоих прикосновениях вызывают боль. Боль!

Джеймс опустил винтовку и протянул брату руку. Мерсер бросил на него убийственный взгляд. — Убери руку, прежде чем я отрежу её. Брат.

Мерсер возвышался впечатляющей высотой своего роста и кинул отчаянный взгляд на Аннику. — Ты никогда не знала меня до конца, девочка.

— Мне этого достаточно, — выдавила она. — Ты жестокий человек, который водится со шлюхами.

Мерсер подло усмехнулся. — Анни, ты не лучше, чем те, о ком ты с такой ненавистью говоришь. — Мерсер поморщился и закрыл руками лицо, закрывая глаза, как будто он пытался навсегда стереть вид перед собой. Он с внезапной жестокостью пнул столик, который обрушился на противоположную стену и разбился. Джеймс аккуратно встал между Анникой и Мерсером. Его палец был на спусковом крючке. Анника знала, что он выстрелит, если понадобится.

Но все на что она смотрела, был Мерсер. Не было большей пытки, чем вид страдания на его лице. Это было сильнее, чем собственничество. Ему было больно. С его следующими словами Анника поняла, насколько больно.

— Я любил тебя, — сказал он ей. Его голос прозвучал, как удар. Как будто он только что понял истину слов, которые произнес. И потом он исчез.

Анника не могла дышать. Она опустилась на краешек брачного ложа и подтянула старое одеяло Джеймса к груди. Ее муж сидел рядом с ней, низко склонив голову, его лицо ничего не выражало. Она позволила ему взять ее за руку. Однажды и только однажды, Анника молча проклинала себя в безрассудной глупости. Она подняла голову, поклявшись никогда так снова не делать.

Что сделано, то сделано. Господи, помоги, она опустила руки с Мерсером и вышла замуж за его брата. Причины были ничтожны, когда произошло то, чего не отменить.

Жаль, что усилия тщетны и бессмысленны.

Глава 13.

*Раздор — Сити, штат Аризона
Наши дни*

По прогнозу ожидался дождь. Мэддокс открыл тонкие льняные шторы в комнате Священника, когда услышал, что и правда пошел дождь. Он посмотрел на небо, которое было темно — серого цвета. Этот дождь не был кратковременным и яростным летним муссоном. Этот был холоднее, долговременнее. Он был отголоском урагана из Мексиканского залива, который до сих пор «покусывал» даже такие глубинки.

Мэддокс потянулся. Спина болела от того, что он просидел все утро. Он действительно должен отрыть стул поудобнее, чем металлический кусок дерьма рядом с кроватью Священника. Мэд положил книгу на стул и побрел на кухню. Он читал вслух «Страх и ненависть» Хантера С. Томпсона. Старик всегда любил Томпсона. Мэд верил, что где — то в беспомощном теле до сих пор живо его сознание.

Он почти схватил пиво, но передумав, решив вместо него выпить стакан воды. В дверь постучали, либо Габриэла, либо хоспис. Мэддокс открыл.

— Почему бы тебе просто не воспользоваться своим ключом?

Ее волосы были влажными. Мэд ощутил запах дождя, когда качнулись темные волны её волос в хвостике. Он бросил ей кухонное полотенце.

— Спасибо, — криво улыбнулась она, растирая влажные кончики между пальцами. — Это твой дом, Мэд. Полагаю, что ты, возможно, не захочешь, чтобы я заваливалась сюда без предупреждения.

Мэддокс пожал плечами, внезапно разозлившись. Она была чертовски красива. Поцелуй двумя днями ранее, тяжким грузом висел на душе. Мэддокс не был так взволнован поцелуем, с тех пор, как был еще ребенком. Ему нужно было на что — то переключиться. — Черт, меня это не волнует, Габи. На самом деле это не мой дом, — он поставил стакан на стойку и вернулся к постели отца.

Мэддокс поднял книгу и снова положил ее. Устойчивый стук дождя убаюкивал. Его веки тяжелели.

В комнату вошла Габриэла. Она прислонилась к дальней стене и ничего не говорила.

Несколько минут послушав дождь, Мэд повернулся к ней. — Мигель в школе?

— Да, — кивнула она, затем наклонилась и посмотрела в окно. — Вероятно будет лить весь день, и завтра тоже.

— Угу, — сказал Мэддокс, потеряв интерес, — много дождей.

— Может быть для реки достаточно плохо, затопит.

Он возразил: — Черт, они говорят это каждый раз, когда по прогнозу есть больше четверти дюйма.

— Так и есть, — согласилась она.

Мэддокс видел, что она мешкает и смотрит в пол.

— Дженсен будет чуть позже, — сказал он. Они установили перемирие, Мэд и его брат. Они почти не разговаривали, осторожно избегая друг друга в молчаливом согласии, им нужно дать их отцу обрести покой.

— Я знаю, — кивнула Габи.

Мэд встряхнул головой. Конечно, она и Дженсен должно быть часто разговаривают. Они ведь воспитывают сына. Он задавался вопросом, рассказала ли она Дженсену об их страстном поцелуе на кладбище. И пришел к выводу, что нет.

Габи вздохнула. Она не сдвинулась со своего места у стены. Мэддокс посмотрел на гладкую бежевую майку на ней. Хлопок растянулся на груди, которые со временем стали больше. Он задумался, также ли они хороши на вкус, как десять лет назад.

— Мэд? — спросила она тихо. — Хочешь поговорить?

— Что, здесь?

— Здесь, — она пожала плечами. — Здесь хорошо.

Он нахмурился и посмотрел на отца. Каждый его вдох был борьбой. Конец этой борьбы был не за горами.

Хотя он понимал, что это ничего не изменит, он все равно сказал. — Я не хочу его беспокоить.

Габриэла перевела взгляд. Мэд видел, как ее лицо смягчилось, когда она посмотрела на отца с нежностью. — Я думаю, что он заслуживает это услышать. Я думаю, что он хотел бы узнать, чем все это закончилось.

— Это закончилось давным давно, Габс.

Она вздохнула. Не в первый раз Мэддокс задавался вопросом, как часто она действительно думала о нем в течение последнего десятилетия. Видимо, для нее это было неизбежно. Она была здесь, в этом самом месте, откуда она поклялась сбежать. И компанию ей составили его отец и брат. И, конечно, его племянник. Он не позволил ей сорваться с крючка. Она сделала с его сердцем то, что все прое*нное время в мире не сможет его исцелить.

— Прости, Мэд. Ты опять заставляешь меня это говорить?

— Опять было бы круто.

— Прости, — прошептала она, с жалостью. — Ты когда-нибудь задумывался, как все выглядело, с моей стороны?

Мэддокс смотрел в книгу, не видя слов. Он ждал, когда она продолжит.

— Я имею в виду, Иисусе, Мэддокс, мы были детьми. Мой мир перевернулся, и я должна была заканчивать среднюю школу в этом странном месте. Я даже никогда настоящему не была с парнем до этого. А потом пришел Мэд Маклеод. Горячий плохой мальчик в Раздор-Сити. — она улыбнулась, рассеянно играя с кончиками черных волос. — Ты же был таким, знаешь. Конечно, знаешь. Каждая девушка в округе Марикопа хотела кусочек тебя.

Мэддокс захлопнул книгу. — Так много девушек кругом, — насмешливо сказал он.

— Чудачки, — она закатила глаза. Потом стала серьезной. — Много достойных. И ты вроде не был парнем, который говорил о своих чувствах. Иногда я не понимала, что, черт возьми, происходило в твоей голове. Никто не понимал.

— Херня. Ты не можешь это отпустить

Она кивнула, её мысли были далеко, пока она смотрела в окно на дождь, наполняющий поверхность бассейна пустыни. — Ты же знаешь, Мэд, ты мог бы оттрахать меня десятками способов, а потом посмеяться над этим. Я знаю, с другими у тебя было именно так. — Ты действительно хочешь отругать меня за местных вишневых давалок после всего?

— Нет, — сказала она, печально посмотрев на него. — Это не приходило мне на ум до поры до времени, ты никогда не относился ко мне иначе, чем по-хорошему. Конечно, тогда

уже было слишком поздно.

Мэддокс все еще не был в настроении облегчить её состояние. Он посмотрел на нее:

— Снизойшло озарение, сеньорита де Кампо.

Она проигнорировала его сарказм. — Ты должен знать, что не Дженсен сделал первый шаг. Я. Он не трогал меня, пока я не попросила.

— Дженсен, — проворчал Мэддокс. — Мой собственный чертов брат. Понимаешь, я даже не знаю, кто из вас хуже. Он уложил тебя в постель, зная, что я был там, откуда не смогу ничего сделать. А ты? Ты могла бы выбрать любого другого гребанного парня, Габи.

— Нет, — печально сказала она. — Я не могла. Он был самым близким, через кого я могла бы получить тебя.

— Ладно, это прекрасно, — он бросил книгу на пол и сделал два шага к ней. Глаза Габи расширились, и она прижалась к стене, пока он сердито смотрел на неё сверху вниз. Ее грудь задела его, и он заметил, как она, тяжело дыша, смотрела на его губы. Он схватил в охапку её черные волосы и дернул, достаточно грубо. Краткий испуг в ее глазах сменился чем-то еще. Он мог сказать, что ей понравилась вспышка боли так же, как ей нравилось и то, как его руки грубо шарили между ее ног. Е**ть все это, он мог взять ее прямо там. Прямо там, в той же комнате, где умирал его отец, он мог спустить эти влажные джинсы по ее бедрам и приплюснуть ее к этой стене, пока она будет извиваться, и просить о большем. Он знал, как сделать, чтобы это произошло. И тогда он оставит ее без слов, пусть это и почти убьет его, но удовлетворенный тем, что он получит что-то из своего прошлого. Что-то вроде мести. И тогда, возможно, она уйдет из его мыслей.

— Мэддокс, — прошептала она, проводя губами по его щеке, и в ее голосе было так много горя, что он закрыл глаза, оставив все мысли о мести.

Габриэла уже однажды сделала огромнейшую глупость. Мэддокс тоже был не без вины. Он сделал много глупых вещей. Но она повзрослела. Она растила сына и в течение десяти лет отсутствия Мэда, она оставалась рядом со Священником, словно дочь. Она не заслужила какого-то грязного траханья. Мэддокс в любом случае должен вести себя лучше. Да, для него не было лучшего времени, чем это.

Стук в дверь разрушил момент. Мэддокс оттолкнулся от нее и не оглянулся, пока шел к двери. Эллен, веселая брюнетка, которую назначил хоспис к Священнику, послала ему стандартную сочувствующую улыбку, когда он открыл дверь.

Задав ему несколько тихих вопросов, на которые он дал односложные ответы, Эллен направилась в комнату Священника, чтобы проверить своего пациента. Он слышал, как она обменялась приветствием с Габи, которая тихо появилась, связывая волосы в новый хвост.

Мэддокс проигнорировал ее, отвернулся и открыл в гостиной виниловые жалюзи, уставившись на потоки дождя на улице. Передний двор начал заполняться водой. Там, в юго-восточной части двора, были остатки глубокой ямы, которую он и Дженсен вырыли миллион лет назад. Она никогда не заполнялась должным образом, а теперь была полна грязной дождевой воды.

Габриэла встала у него за спиной, и робко обняла его за пояс. Мэд задумался, что было бы, если бы он тогда не оказался в угнанном автомобиле Чеза Коллетти в ту ночь. У Габи и Дженсена бы ничего не произошло. Мигеля бы не существовало. И Мэддокс, вероятно, размяк бы и выпивал, как и его брат, пока возился по Раздор-Сити с инструментами водопроводчика, каждый вечер возвращаясь в обветшалый дом, чтобы устало вставлять свой член в женщину, которая ждала бы его там. Может быть, этой женщиной была бы Габи.

Может быть, нет.

Когда он не ответил ей, Габриэла, наконец, сдалась, убрала руки и уселась на древний диван.

Мэддокс вдруг что-то вспомнил.

— Эй, — сказал он, не оборачиваясь, — а что это за дерьмо с участием Дженсена в перестрелке у коралля ОК с Чезом Коллетти?

(Прим. Перестрелка у коралля О — Кей (Gunfight at the O.K. Corral) — одна из самых известных перестрелок в истории Дикого Запада. Произошла в три часа пополудни 26 октября 1881 года в городе Тумстоун на Аризонской территории. https://ru.wikipedia.org/wiki/Перестрелка_у_коралля_О—Кей).

Габи раздраженно вздохнула. — С какого хера мне знать, Мэд? Какой-то неприятный инцидент, из-за выпивки и азартных игр. Это было много лет назад. Дженсен не захотел об этом рассказывать. Ты должно быть в состоянии понять почему.

Мэд покачал головой. — Во всем этом нет смысла. Чез был мудаком, но он был еще и трусом, когда дело доходило до драки. Как случилось, что он затеял дерьмо с золотым мальчиком суперкопом Раздора?

Голос Габи звучал устало. — Люди меняются, Мэд. Чез стал немного шумным и весь из себя, когда взял на себя бар своего отца. Не так трудно представить, что он слишком далеко зашел. Во всяком случае, вокруг было достаточно людей, которые сказали, что был виноват он, а не Дженсен.

— Да? — нахмурился Мэддокс. — Что за люди?

— Брайс Сандерс один из них. Он сейчас мэр. Ты знал?

— Мерзавец грозился закатать меня в асфальт, если я коснусь его «Самаго» (прим. Марка машины). Так что я прошелся ключом по всей её грабанной длине однажды ночью, когда тот потел наворачивая еще один круг в спортивном зале.

Габи слегка рассмеялась. — И сколько тебе было, десять лет? Возраст Мигеля.

Мэд сосчитал. — Да, около того. — он скрестил руки на груди и продолжал нести свой пост в перед окном. — Нелегко тебе было, ведь так Габи?

Он представил, как темные глаза сверлили его спину. Ее голос прозвучал настороженно. — Что?

— Искать, где приткнуться, став молодой мамочкой. Я знаю, у тебя были планы получше.

Она пожала плечами. — Что было, то было, Мэддокс. Дженсен и я не очень долго протянули. Я уверена, что ты уже это понял. Теперь мы те, кем всегда были и должны быть. Друзья.

— И родители.

— Да, — тихо сказала она. — И это тоже.

Он услышал, как Габриэла вскочила на ноги. — Я должна идти, — она стала рядом с ним и прищурилась, взглянув в окно. — Этот дождь не выглядит так уж хорошо. Помнишь, я живу в той нижней части реки. Я собираюсь окопаться и прихвачу немного мешков с песком на всякий случай.

Мэд кивнул. — Помощь нужна? — он не был уверен, предлагает ли он вообще.

Она опустила голову. — Нет, — сказала она тихо. — Я не нуждаюсь в помощи, Мэддокс, — она достала свои ключи и остановилась у двери. — Дженсен собирался позже

забрать Мигеля. Он хотел остаться здесь снова, но Джен говорит, что ему надо убрать свою комнату в их доме. — она медленно открыла дверь, как будто надеялась, что её что-то остановит. — Знаешь, ты ему действительно нравишься. Мигелю, я имею в виду.

— О ком, черт возьми еще ты могла это сказать? О Дженсене? — Мэддокс хрипло рассмеялся.

— Мэддокс, — ее голос был резким. Достаточно резким, чтобы он повернул голову и посмотрел на нее.

Она жевала губу. Это было привычкой, что передалась и Мигелю. — Ты надолго? — спросила она.

Он задумался о вопросе. Она не спрашивала его, собирается ли он оставаться у окна. Она спрашивала, собирается ли остаться в ее жизни.

— На столько, сколько понадобится, — грубо ответил он, поворачиваясь к окну и прикладывая руки на холодное стекло.

— Ладно, — сказала она с некоторым раздражением. — Ладно, Мэд.

Он услышал щелчок замка и почувствовал, как резко опустела без неё комната.

Эллен подвывала в соседней комнате. Это действовало ему на нервы. Кто, черт возьми, поет Бритни Спирс у постели умирающего? Он был на грани, чтобы наорать на неё. Но остановился, потому что, какая кому на хрен разница, даже если бы Эллен напевала баллады Kinky Boots? В конце концов, вероятнее всего, то, что она делала это, потому что она была у постели умирающего, а не специально. Священнику может даже нравилось это.

Мэддокс наблюдал за дождем. Когда он был ребенком, он ускользал всякий раз, когда падало больше двух капель одновременно. Такие уж дети, которые выросли в пустыне, они никогда не теряют страсти к дождю.

Зазвонил его телефон. Он отвернулся от окна и попытался вспомнить, где, черт возьми, он его кинул.

Когда он дошел до комнаты Священника, Эллен уже взял его. Она протянула ему телефон с лучезарной улыбкой.

— Спасибо, — раздраженно проворчал он, интересно, обучали ли этих людей хосписа искусству вечно улыбаться.

— Нет проблем, — искренне сказала Эллен и нагнулась, чтобы прощупать пульс Священника снова.

Мэддокс улыбнулся, когда увидел номер.

— Здорово, сукин сын, — ответил он, выходя через заднюю дверь. На заднем дворе над разваливающимися плитами патио был небольшой алюминиевый навес. Этого было достаточно, чтобы сдерживать дождевую воду.

— Знаешь, — вздохнул собеседник, — может один прекрасный раз, хоть раз, услышу, как ты говоришь: «Привет, Грейсон. Я так рад, что ты позвонил».

— Ой, ёпта. Кто испортил воздух? Промиз снова заставила смотреть Аббатство Даунтон?

— Подсядь на него и пересматривай, Маклеод. Аббатство Даунтон чертовски хорошее шоу. — Грей замолчал. — Как он, Мэд?

Мэддокс сел на край бетонной плиты, которая когда-то огораживала небольшой газон Тильди Маклеод. Он был под дождем, но его это не волновало.

— Все еще дышит. Едва. Я не понимаю, Грей. Это все дерьмово. Я должен был приехать раньше.

— Не забивай этой х*ней свои мозги. Все не может быть хорошо, чел. А как все остальное?

Значит Грей помнил их разговор ночью до того, как он уехал. — Я в основном нахожусь дома. У меня нет никаких причин, контактировать с местными, — он вздохнул, понимая о чем спрашивал Грейсон. — Дженсен пытается держаться подальше от меня. А Габи ... — он не смог закончить фразу.

— Все еще тебя терзает, а?

— Нечто подобное, — неохотно признался Мэддокс, пока дождь стекал по его волосам. — Знаешь, я думал, что могу похоронить это. Я чертовски хочу похоронить это. Пи*дец, Грей, — он понимал, что сухой кашель прозвучал как всхлип. — Послушай меня. Я звучу как киска. Я звучу как Брэндон.

Голос Грея прозвучал мягко. — Нет стыда в том, что у тебя есть сердце, Мэд. Знал, что где-то там оно есть.

Мэддокс ничего не сказал. Он почувствовал, как что-то кольнуло в шею и увидел вокруг его ног крошечные градинки.

— Ау, Мэд?

— Да, Грей. Я все еще здесь.

— Как понадобится, ты просто позвони. Не взирая на время.

— Да дружище, я знаю. Спасибо.

Он засунул телефон в задний карман и нырнул в дом только для того, чтобы схватить ключи и кликнуть Эллен, что скоро вернется. Он любил ездить в дождь. Косой дождь усиливался с каждой минутой. Когда он проезжал мимо Завода Раздор-Сити заметил, что стоянка была заполнена. Люди, пришли в панику в связи с перспективой потопа. Это наводнение сто лет назад долгое время бередило умы семей, которые передавали услышанный рассказ из уст в уста. Потому что тогда, когда плотина прорвалась, не было никаких чрезвычайных предупреждений, что дало бы драгоценные минуты тем, кто жил в низине, чтобы забраться повыше. С тех пор речка несколько раз подтапливала, и портила немного вещей, но ущерб был уже не настолько велик.

Мэд ждал смены светофора, пока смотрел, как жители Раздор-Сити в беспокойстве столпились вокруг мешков с песком. Это заставило его задуматься о Габриэле. Она жила в самой нижней части долины. Если бы был реальный риск наводнения, у неё были бы причины для беспокойства.

Он проехал по центральной полосе главной улицы города и свернул на грунтовую дорогу. Несколько дюймов мутной воды на дороге, но ничего такого, с чем он не мог бы справиться. Тем не менее, он управлял немного осторожнее, чем обычно. Это была дорога к старой Шахте Скорпиона. Когда-то это место кишело шахтерами и повозками. С тех пор, как Шахту закрыли на рубеже двадцатого века, дорогу никогда не ремонтировали. Только старожилы ходили этим путем и любопытствовали на убежище или те, кто ищет немного личного уединения: потрахаться или полазить, или справить чертову нужду подальше от любопытных глаз. Когда он остановился на старом мосту, то посмотрел вниз на реку. Когда он был мальчиком, в этой части было либо сухо и спокойно, либо наполовину заполнено водой от недавнего дождя. Но устойчивый ливень последних двенадцати часов сделал свою работу. Мэд не считал себя ужасно проницательным или обладающим интуицией, но в животе поселилось предчувствие чего-то нехорошего. Пенящаяся вода под ногами, казалось, поднялась на несколько сантиметров только за короткое время, пока он наблюдал. Мэддокс

развернул мотоцикл и направился обратно в город.

Старик Таунсенд держал Скорпион-Гриль на углу Бэйзлайн и Раздор-вэй. Мэд не был уверен, кто сейчас у руля, но полагал, Стюарт Таунсенд, которому было, по крайней мере восемьдесят лет во времена молодости Мэда, должно быть завещал его. Он был частью поколений линии Таунсендов со времен расцвета Раздор-Сити. Здесь было несколько достопримечательностей, в числе которых начальная школа, носившая имя Таунсенд. Когда Мэддокс вошел в тусклый ресторан, вокруг бара сгруппировалась компашка шефов. Шум, пронзивший воздух был высокий и громкий. Мэддоксу понадобилось мгновение, чтобы определить, что это; предупреждение из системы экстренного сообщения. Он застыл, прислушиваясь к словам.

— Долина реки Nassayampa затоплена ... условия ухудшаются ... жителям в низине настоятельно рекомендуется подняться повыше ...

— Дерьмо, — выругался Мэддокс, громче, чем намеревался. Голова, которая резко повернулась в его сторону не та, о которой он беспокоился.

Мужчина, Брайс Сандерс, уже направлялся к нему. Мэда не волновал высокомерный оценивающий взгляд. Тот был мудаком в молодости, и судя по надменному взгляду на него, остался мудаком и в зрелом возрасте. Мэд не стал здороваться первым, наблюдая за Брайсом.

— Маклеод, — сказал мэр, сухо пожав руку, оглядываясь, как будто он сожалеет об этом вынужденной помехе его дню. — Дженсен упомянул, что ты поблизости. Мои соболезнования по поводу твоего старика. Черт, ты выглядишь потрепанно. Слушай, я хотел бы остаться и выпить, но у меня горы дерьма с этим ураганом и всем остальным. Брюс направился к двери.

— Эй, Сандерс, — позвал Мэддокс. Он мотнул головой в сторону падающего дождя. — Я был на мосту. Вода поднялась выше допустимого уровня. Выглядит плохо.

Брайс остановился. Он нахмурился, глядя в окно на медленно движущийся поток на Раздор-вэй. — Это приведет к чертовскому беспорядку, — пробормотал он, а затем поспешил прочь.

Остальные шефы не обращали на Мэддокса внимания. Они были слишком заняты болтовней, как наседки. Что было для него прекрасно. Когда он снова вскочил на свой байк, небольшая приливная волна от грузовика попала в лицо. Он раздраженно выругался и потер глаза.

— Мэддокс! — это был голос Дженсена. Мэд поднял глаза, и увидел голову брата в окне красного пикапа. Он заметил Мигеля, сидевшего на пассажирском сиденье. Загудел другой автомобиль, пока Дженсен парковался у обочины. — Я за углом. Следуй за мной. — Дженсен уехал, не дожидаясь ответа. Мэддокс недовольно проворчал, но все равно поехал.

Дженсен жил в одной из старых, дорогих викторианских построек на Постонском шоссе. Уголок шторы на окне дернулся и на них уставилось кислое лицо Кейси. Когда Мэддокс пристроил байк прямо за пикапом, выпрыгнул Мигель и подбежал к нему с выпученными глазами.

— Мэд, они на сегодня закрыли школу. Неизвестно, откроют ли завтра, — он возбужденно прыгал вокруг под дождем.

Дженсен, хромя шел от грузовика и смотрел на небо.

— Бьюсь об заклад, Габи все еще там, возится с мешками с песком. Если бы Сандерс держал свое дерьмо при себе, он бы уже организовал эвакуацию для жителей этих низин.

Беспокойство Мэда усилилось. Дом Священника был достаточно высоко, и его вряд ли подтопит. Но он знал, где расположен дом Габи. Он видел беспокойство на лице Дженсена и понимал, что попал в точку.

— Я заберу её, — сказал он, подталкивая Мигеля к отцу.

Он начал снова забираться на свой мотоцикл, но Дженсен остановил его, бросая свои ключи. — Возьми мой грузовик. Я поставлю мотоцикл в гараж.

Мэддокс колебался. Он не понимал, как поступить с предложением Дженсена, но он понимал, что оно не для него. Если низина уже затоплена, будет легче пробраться через грязь четырьмя колесами автомобиля.

Он поехал так быстро, как только мог. С каждой секундой он все более отчаянно хотел добраться до нее.

Глава 14.

*Раздор-Сити, Территория, штат Аризона
1890*

— Будешь вечером дома к ужину? — спросила Анника, уже представляя ответ.

Джеймс кашлянул и покачал головой. Он не смотрел на нее.

Анника наблюдала, как её муж сливает остатки своего кофе из жестяной кружки. Он поднялся из-за стола, опять закашлялся. — Где тоник? — выдохнул он.

Если он и заметил гримасу на лице Анники, то проигнорировал это.

— Где? — он еще раз потребовал ответа.

— Я вылила его в песок, — сказала она честно.

Джеймс посмотрел на нее с недоверием. — Почему, чёрт возьми, ты это сделала?

— Потому что это вредная дрянь продаваемая мошенниками.

Лицо Джеймса потемнело от гнева. — Это помогает от кашля, глупая женщина.

Анника взяла жестяную кружку и швырнула об пол. Она отскочил от деревянных досок, а затем наступила тишина. Тоник Джеймса были приобретен у разносчика несколько недель назад. Анника была осведомлена об этих трюках. Разносчик, скользкий сопляк в шатком фургоне, был одним из шарлатанов, которые путешествовали по Территории наживаясь на отчаявшихся людях с серьезными и неизлечимыми недугами. Таких людях, как Джеймс. Его короткая карьера в шахтах нанесла непоправимый ущерб его легким, и он значительно постарел за два года их импульсивно заключенного брака. Анника знала, что ее муж не доживет до старости.

— Это помогало напиться, — закричала она. — Ничего больше!

Джеймс снова закашлялся, и Аннике вдруг стало жаль, что наорала. Жаль, что она разбрасывалась вещами, которые давали ему надежду, хоть и ложную.

— Джеймс, — сказала она тихо, потянувшись к нему.

Но он отвернулся, отказываясь принимать жалость. Анника отдернула руку. Она и Джеймс почти год не делили постель. Он предпочитал спать сидя на тьюфяке около камина. Она пыталась, особенно на первых порах, быть достойной женой. Однако, пока здоровье Джеймса ухудшалось, расстояние между ними росло. Он знал, и без нее, что стояло между ними, хотя Мерсера не было видно в Раздор-Сити в течение двух лет с момента ее бурной брачной ночи. Может быть, размышляла Анника, если она и Джеймс смогут зачать ребенка, они смогли бы быть, по крайней мере немного счастливее вместе.

Анника старалась не брать в голову подобных вещей, так же, как она пыталась не думать о городских слухах — посещения Джеймсом Комнаты Розы. Она знала, как часто Джеймс играл всю ночь напролет с двумя мужчинами, которых она ненавидела — мистер Свиллинг и мэр Таунсенд. Надменные, властные и нечестные на руку, Анника часто замечала, как эти больные «воротнички» осуществляли свою власть на руководящих должностях.

Джеймс все еще не смотрел на нее. Он уйдет, и она, вероятно, не увидит его до завтра. Может быть, даже тогда. Несмотря на их семейные беды, она всегда ненавидела, когда между ними был разлад.

— Я сегодня иду к Лиззи, — тихо сказала она. Только тогда, он обернулся. Лизи Пост,

женщина, которая много лет назад взяла на себя заботу о сиротах Долан, умирала. Врач из Феникса сказал, что это опухоль, и что она почти заполнила ее живот. Она достиг пугающих размеров, только слегка изменив внешний вид.

Выражение лица Джеймса смягчилось при упоминании Лиззи. — Скажи ей, что я буду завтра, — сказал он. Он снял шляпу с вешалки у двери. — Анника, — сказал он, останавливаясь, как будто забыл сказать что-то важное. Потом вздохнул и покачал головой.

Она хотела знать, как рассказать ему. Она любила его, по своему, но Анника опасалась, что независимо от того, сколько лет прошло, как долго она была искренне предана ему, между ними всегда будет Мерсер.

Ее муж так ничего и не сказал, он закрыл за собой дверь и оставил ее одну. Имя его брата никогда не упоминалось. Анника жадно перечитывала газеты при упоминании о Банде Дэйна. Иногда всплывали имена, тех, кто когда-то был связан с Мерсером и, возможно, еще до сих пор. Братья Таннеры. Каттер Дэйн. Но о Мерсере там ничего не было.

Аника быстро подготовилась к визиту крошечного ранчо Лиззи Пост на окраине города. Была суббота, день без школьных занятий и церкви. Она, конечно, потеряла свою должность в школе Раздор-Сити после замужества. Учителем была свеженькая английская девушка по имени Вайолет Хардвик. Однако по причинам, политическим и иным, детям Раздор-Сити, которые были мексиканского происхождения, не разрешили присутствовать в школе. Теперь это были дети Анники. Она учила их пять дней в неделю в старой хижине на берегу Хасаямпы. Она не брала никакой платы за эту работу, и, к его чести, Джеймс никогда не возражал.

Небольшой сарай, который построил Джеймс, вмещал двух лошадей, корову и двух коз. Анника успокаивающе поговорила с кобылкой по имени Мисти. После того, как она зафиксировала седло на нежной кобылке, Анника отправилась в путь.

Она вела лошадь медленным шагом по окраине Раздор-Сити. Когда она пересекла Скорпион-роуд, то услышала свист из шахты. Она знала, значение свиста. Пересменка, травмы. Каждый звук имел свое собственное значение. Она вздрогнула, радуясь, что не знала, что этот свист означал. Там было слишком много зла, жадности. Всё это опутывало мужские сердца и вело их к насилию.

Карлос де Кампо ехал на своей повозке обратно в рудник. Она видела баррели воды в широкой телеге, связанные вместе, чтобы уберечь от тряски. Когда голова Дези де Кампо высунулась из-за спины, Анника улыбнулась и помахала. Мальчик был смекалистым и стал лидером в любопытном мире детей. Он был ее любимым учеником.

— Доброе утро, миссис Долан, — позвал он. — Я закончил Графа Монте-Кристо.

— Замечательно, — ответила она. Она часто давала её любимые книги юноше. Он быстро прочитывал и относился к ним с наивысшей аккуратностью. — Ты готов пересказать классу в понедельник утром?

— Конечно, — Дези пожал плечами, опустив глаза, но Анника могла точно сказать, что он доволен.

Аника кивнула Карлосу. — Джеймс рассказал мне, что железнодорожная линия почти здесь.

Карлос де Кампо, нахмурившись, кивнул. — Да, — сказал он. Он и Джеймс когда-то вполне дружелюбно относились друг к другу. Тем не менее, по тому, как Карлос перевел взгляд при упоминании имени ее мужа, Анника могла сказать, что это уже не так. Она беспокойно задавалась вопросом, была ли причина в Родригесе. Шесть месяцев назад

Эмилио Родригес, недолговременный фермер, появился в шахтах, чтобы прокормить свою семью, когда засуха привела к потере большей части пастбищ. Когда он был обвинен и арестован за кражу золота, линчевским судом забрали его из тюрьмы, которая находилась под наблюдением Джеймса. Толпа, по слухам, состоявшая из самых видных граждан Раздора, подвесила его на тополе на Раздор-вэй. Анника знала, что были те, кто недоволен тем, что городской маршал не сделал большего для защиты заключенного. Они винили его. Анника сама была в ужасе. Она не могла винить друзей Эмилио за их возмущение.

Карлос де Кампо приподнял широкополую шляпу. – Доброго дня, миссис Долан.

— Доброго дня, мистер де Кампо. Дези, увидимся в понедельник утром.

Аника посмотрела, как повозка уезжает по пыльной дороге в город. Она вздохнула и повела лошадь вперед. Она поехала по этой дороге к мосту, а затем прошла сквозь кусты к местечку Лиззи. Одинокий шахтер прошел мимо нее. Он был неопрятный и грязный с резким кашлем, который напомнил ей о Джеймсе. Внезапный гнев, забурливший в груди, был необычный, и он был на шахту. Условия нахождения мужчин в недрах земли были неприемлемыми. Условия были не иначе, как чудовищные, люди неустанно трудились под землей среди удушливой пыли, только с парой маленьких сальных свечей. Многие слепли в результате того, что резко выходили на суровое солнце пустыни после стольких часов в темноте. Еще больше сократили свою жизнь уничтожив легкие.

Когда она остановилась на мосту и глянула вниз на то, где пересекаются потоки неглубокой реки. На востоке река ведет в низину и в конечном итоге к хижине, где она преподавала. Несколько семей, живших в этом районе, были фермерами, которые искали плодородную почву. Хасаямпа была едва ручейком в это время. Дождь был крайне необходимо. Orange Grove — плотина, в восьми милях вверх по реке, сдерживала значительную стену воды в хорошие времена. Однажды она услышала Джеймса, раздраженно комментирующего отсутствие тщательного ухода за плотиной. Если дождь пополнит реку и плотина прорвется, это приведет к полному затоплению нижней части долины, стихия отнимающая имущество и жизни. После своей речи, он заметил ее тревожный взгляд и быстро уверил ее, что нет никаких причин для беспокойства.

Аника прислушивалась к гремучим змеям, пока Мисти прокладывала путь через кусты. Она находилась в пустыне достаточно долго, чтобы быть в курсе грозящих опасностей. Это были угрожающие, часто неправильные, места. Она, так или иначе, любила это место. Она много раз пыталась словами охватить его дикую сущность, в тех письмах что, писала к своей семье в штат Висконсин. Но пустыню нелегко охарактеризовать.

Когда Аника достигла построек Лизи Пост первое, что она заметила, были козы, на дальнем пастбище. Она привязала Мисти в передней части крошечного домика, полагая, что Лиззи, должно быть, нашла батрака, помощь по хозяйству, так как она чувствовала себя так плохо.

Аника улыбнулась при мысли о Лиззи. Крошечная Лизи Пост, неукротимая, как и любой человек, она была успешной одинокой женщиной, что случалось редко. Лиззи никогда не говорила и слова осуждения в отношении Анники о союзе с Джеймсом, хотя мудрая старая женщина была очень осведомлена о её чувствах к Мерсеру. Иногда Аника задумывалась, насколько Лиззи обвиняла ее за длительный разрыв между братьями Долан. Еще сильнее, она хотела бы знать, получила ли Лиззи хоть слово от Мерсера. Она не осмеливалась спросить.

Голос Лиззи прозвучало бодро и громко, в ответ на стук Анники.

— Заходи, — крикнула она.

Анника открыл дверь и увидел Лиззи сидящую на жестком кресле в центре главного зала. Закутанная в одеяло, хотя октябрьский день был довольно теплым. Анника, стараясь не морщиться от вида женщины, похожей на скелет. Она явно ослабела. Она долго не проживет.

Тем не менее, ее лицо светилось с неподдельной радостью, поскольку она нетерпеливо поманила Аннику. Когда Анника вошла внутрь комнаты, она поняла, почему.

Мерсер Долан молча стоял в углу, наблюдая. Он никак не отреагировал на вздох Анники.

— Привет, миссис Долан, — мягко сказал он.

— Мерсер, — выдавила она. — Что ты тут делаешь?

— Мальчишка вернулся, чтобы повидать старушку в последний раз, — сказала Лиззи, протянув к нему, болезненно худую руку. Она многозначительно посмотрела на Аннику. — И помириться с братом.

— Как мой брат? — спросил Мерсер с невинной улыбкой.

Анника чувствовала, что она могла бы утонуть в полу. Находиться снова так близко к Мерсеру было нереально. Она должна подавить желание броситься в его объятия.

— Джеймс в порядке, — солгала она, сжимая руки за спиной, чтобы они не тряслись.

— О, черт, — сказала Лиззи, жестом показывая, что Анника должна подойти. — Я стараюсь умереть в мире, зная, что мои мальчишки снова обрели друг друга.

— Каково это быть с тобой, Анни? — спросил Мерсер. Он издевался над ней, она это понимала. — Я устроился на работу в Скорпион, так что некоторое время буду в Раздоре.

Она была шокирована.

— Ты собираешься работать шахтером? — за всю свою жизнь, Анника не могла представить могучего преступника Мерсера Долана, ползающего в глубокой шахте и покорно рубящего киркой. Она прищурившись, чувствовала себя обязанной кое о чем напомнить ему. — Знаешь, они вешают воров.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Мерсер кивнул, как будто он тщательно обдумывал этот кусочек информации.

— Хорошо, что я не вор, — сказал он, снова подмигнув, добив её улыбкой. — И не пугаюсь с такими.

Анника посмотрела на него, ярко припомнив, насколько соответствующе действительности было это заявление. Лиззи, похоже, не замечала напряжения в комнате. Она оживленно болтала, касаясь различных воспоминаний Джеймса и Мерсера, когда те были мальчишками. Затем, совершенно неожиданно, её силы иссякли. Мерсер заботливо отнес ее маленькое тело к маленькой кровати и аккуратно положил на неё, убирая седые волосы со лба.

Анника разглядывала его. Последние два года, казалось, ему ничего не стоили. Он не был гладко выбрит, и его одежда висела мятой на его сильной фигуре. Но он все еще обладал тем необычным магнетизмом, что заставлял ее дрожать. Во всяком случае, он был еще привлекательнее, чем когда-либо. Она ненавидела его за это.

Мерсер достал серебряную фляжку и сделал большой глоток, пока смотрел на нее, намеренно позволяя вызывающему взгляду скользить по ее телу. — Выглядишь здоровой, миссис Долан, — сказал он с ложной искренностью.

Анника снова посмотрел на него. — Прекрати, Мерсер. Это достаточно сложно.

— Для кого, миссис Долан?

Анника молчала. Она не будет играть с чем-то подобным. Много раз в течение последних двух лет ей приходилось отталкивать вину своей тоски по Мерсеру. Усугублялось это, пониманием того, что она ранила его. Об этом она очень сожалела. Она поняла, что никогда не говорила ему об этом.

— Мерсер, — сказала она, закусив губу. — Я приношу свои извинения.

Он откинул голову назад, касаясь глинобитной стены, и закрыл глаза. — За что ты приносишь извинения, Анни? — это не был прямой вопрос. Он уже и так знал ответ. Ему просто хотелось услышать, как она это скажет.

— Не за брак с Джеймсом, — сказала она быстро. — А за то, что сделала с тобой. Прости, Мерсер. А что касается Джеймса, это отравляет его.

Мерсер резко рассмеялся. — Так ли это?

Вселенная имела острое чувство отмеренного времени, подумала Анника. Укол словами Мерсера едва прошел, когда она услышала приближение всадника. Она инстинктивно поняла, что это был Джеймс.

Она слышала, как он в спешке слез с коня и, когда он ворвался в дверь, его лицо было диким. Он, должно быть, поймал весточку, что Мерсер в городе и направился прямо туда, где он, скорее всего, будет.

— Привет, брат, — ненароком позвал Мерсер.

Джеймс посмотрел на Мерсера, а затем осмотрел комнату, испытав облегчение, когда увидел, что Анника тихо стоит рядом.

Мерсер сделал глоток из фляжки, пока Джеймс разрывался в приступе кашля.

— Мерсер, — наконец, он выдохнул. — Что, черт возьми, ты делаешь в Раздоре?

— Пью и люблю твою прекрасную невестой. — Мерсер сделал еще один глоток и нахмурился. — Ты выглядишь ужасно несчастным, Джеймс. Либо шокирован увидеть меня, что крайне подпортило твоё здоровье, либо время, проведенное в подполье стоило тебе жизненных сил.

Джеймс выпрямился и уставился на него. Пока братья стояли лицом к лицу в небольшом доме Лиззи Пост, Анника поразились насколько похожи они были, каждый слегка искаженное отражение другого.

Джеймс нахмурился. — Я слышал, что ты присоединился к команде Свиллинга?

Мерсер весело кивнул. — Присоединился.

— Черт возьми Мерсер, ты представляешь сколько забот в прошлый раз у меня было с вытаскиванием твоей шеи из петли?

Мерсер пожал плечами. — Ну, Джеймс, если это было так трудно, не стоило беспокоиться.

Джеймс обошел брата. Мерсер смотрел на него со смертельно-пристальным взглядом.

— МАЛЬЧИКИ! — Лиззи Пост вскочила с постели. Ее тонкие седые волосы торчали во все стороны, и она протянула прозрачные руки. Каждый из мужчин Долан бросил настороженный взгляд на другого и взял одну из рук Лиззи.

Лиззи схватилась за руки и скрепила их вместе. — Вы, ребята такие маленькие, — говорила она крайне печальным голосом, пока качала головой из стороны в сторону. — Такие маленькие. — Анника наблюдала рассеянность в ее глазах. Она поняла, Лиззи угасает. — Мои мальчики, держитесь один одного, — прохрипел она, а затем потеряла сознание.

Джеймс и Мерсер Долан уставился на Лиззи Пост в угнетающей тишине. Анника знала

она любила их. Когда Джеймс протянул руку и нежно пощупал пульс на шее женщины, Мерсер поднял голову и посмотрел прямо на Аннику. Горе, которое она там увидела расплавало ее. Она хотела подойти к нему. Медленно, Джеймс убрал руку, качая головой. Когда он натянул простыню на лицо умершей, Мерсер издал душераздирающий вопль.

— Она была единственной матерью, которую я знал, — сказал он в отчаянии, сиротливым голосом ребенка.

Джеймс застонал и опустил голову на руки. Анника знала, как он ненавидит плакать. Когда она встала между братьями лично попрощаться с женщиной, которой она восхищалась, ее плечо коснулось руки Мерсера. Когда он посмотрел на нее с удивлением, на этот раз его эмоции были очевидны. Анника ощутила его горе, его сожаление, и, когда его темные глаза посмотрели на ее более пристально, она увидела что-то другое. Нечто, что должно было исчезнуть два года назад, когда она стала женой его брата, но почему-то до сих пор осталось. Анника это тоже почувствовала. С Мерсером всегда было так, непостижимая тяга ее души. Анника хотела обнять его, утешить его, но она, конечно, не могла. Выбор, который она сделала не отменить. Она взяла Джеймса за руку и отвернулась.

Глава 15.

Раздор — Сити, штат Аризона
Наши дни

Автомобили по дороге к Габи двигались в противоположном направлении. Он был единственным придурком направляющимся к низине. Вдали он видел серовато-белые крыши старых заброшенных домов. Они выглядели как чиновничья грибница, если когда-либо подобное было. Он легко нашел адрес, который дал ему Дженсен. Она была в конце улицы. Мэддокс видел ее Версу уже по радиаторную решетку в воде.

Когда Габриэла появилась в дверном проеме, она сперва не заметила его. На ее лице отражалась неразбериха, которая отбрасывала на годы назад в среднюю школу, и Мэддоксу не хотелось ничего кроме, как обнять ее и обезопасить.

— Габс!

Она в недоверии уставилась на него. Мэддокс выпрыгнул из грузовика, оказавшись на фут в воде. Становилось достаточно плохо. Если плотину прорвет будет еще хуже.

— Давай уйдем отсюда.

Габи посмотрела на дом и покачала головой, исчезнув внутри.

— Черт, — бросил проклятие Мэддокс и последовал за ней.

Со стороны Габи были отважные попытки: дверные проемы были все подбиты тяжелыми мешками с песком. Воды, однако, было слишком много. Она просачивалась и омывала зеленый линолеум.

Габриэла стояла в гостиной и осматривалась вокруг на гору несчастий. Мэддокс схватил детскую фотографию Мигеля с края стола и осторожно положил ей в руки.

Она смотрела вниз, на лицо своего сына. Мэд говорил низким и твердым голосом. — Мы должны идти, Габи.

Габриэла кивнул, сглотнув. — Я знаю.

Она быстро побежала в комнату в задней части дома, появившись мгновение спустя со старой деревянной коробкой. Мэддокс взял ее, удивляясь, что она в состоянии так легко притащить такую тяжесть. Она сбегала еще раз и вернулся с сумкой, полной, наверное, одежды. Она спокойно посмотрела ему в глаза.

— Пойдем, Мэдди.

Мэддокс затолкал коробку в багажник пикапа и накинул брезент. Он указал в сторону дома соседей. — О ком-нибудь мы должны беспокоиться?

— Нет, не думаю, — она покачала головой, забираясь на пассажирское сиденье и устало потирая глаза. — Большинство этих мест опустели после жилищного кризиса, я не видела никого.

Грузовик немного заносило, пока Мэд изо всех сил пытался управлять им посреди беспорядка на улице Габи. Он посмотрел на нее. Она напряженно сидела рядом с ним, сжимая фотографию сына. Мэддокс протянул руку и сжал ее ладонь, и она вдруг посмотрел на него с удивлением.

— Почему ты здесь?

Он криво усмехнулся. — Я твой рыцарь в темной коже, детка.

Она задумчиво кивнула. — Да, — тихо сказала она, — так и есть.

Когда они поднимались на возвышенность, Габи оглянулась один раз и вздохнула. Они были почти у дома Священника. Мэд задавался вопросом, до сих пор присматривала ли там поющая медсестра из хосписа Эллен. Он ускорился на последних нескольких сотнях ярдов, сразу испугавшись мысли, что Священник умер в одиночестве.

Эллен, не смотря ни на что, не бросила Священника. Она поспешила в дождь, когда он подъехал.

— Он снова отдыхает. Звал несколько раз Вас и Вашего брата. Говорил что-то о том, чтобы держались подальше от гор. Во всяком случае, я дала ему хорошую дозу морфия.

Мэддокс кашлянул и посмотрел на свои руки. Он по-прежнему плотно сжимал руль. — Спасибо Вам, — сказал он, подразумевая это.

После, Эллен отправилась домой в Тахо, а Мэд повел Габи в дом. После того, как проверил Священника, который действительно мирно спал, он вспомнил про коробку в багажнике грузовика. Затем спокойно закрыв за собой дверь в комнату отца, он принес её.

— Господи, — сказал он, тяжело ставя её на пол. Она была пошарпанна и обветрена, определенно древняя на вид. — Что в ней, черт возьми?

Она опустилась на пол, на колени в мокрой одежде. — Все, — сказала она, открывая крышку. Коробка была довольно старая, и казалось, когда-то на крышке был замок.

Пока Габриэла шарила по содержимому коробки, Мэддокс видел документы, фотографии Мигеля, и разнообразные сувениры из жизни. Он наклонился и поднял старую книгу.

Он прочитал обложку. — Граф Монте-Кристо.

Габи посмотрела вверх и улыбнулась. — Одна из моих любимых. Я думаю, что она была в нашей семье с давних времен. Старый Хуан дал мне её, когда я была примерно того же возраста, что и Мигель.

— О чем она?

Ее улыбка исчезла. — Мечь.

Габи потянулась в коробку и взяла вещь, которую она, по-видимому долго искала. Она тоскливо улыбнулась ему.

— Помнишь это? — спросила она.

— Да, — медленно ответил Мэддокс. — Я выиграл это для тебя.

Габриэла кивнула, держа маленького, розового, плюшевого, котенка в своей ладони. В городе был карнавал. Это была ночь, когда они были близки к сексу. Он отстранился, не желая, чтобы это было для нее так, быстро и грязно, на земле у реки. Он верил ей, когда она шептала, что любит его. Мэддокс сжал правую руку в кулак, вспоминая. Что он тогда на х*й знал? После всего, после Дженсена, Мэддокс пожалел, что он бросился за ней и вытянул её из ада. Даже сейчас, когда он говорил себе, что его все это не заботит.

Мэддокс резко поднялся, оставив ее сидеть в одиночестве на полу, глядя на ее воспоминания. Он вытащил пиво из холодильника, пока мерцали вспышки молний. Габи осталась в той же позе, потушив взор. Ему вдруг захотелось прогнать ее из своего дома. Находиться рядом с ней было больно. Он должен отвезти её к Дженсену. Она в любом случае должна быть со своим сыном.

Когда зазвонил телефон Мэддокса, Габи подняла глаза.

— Да, Дженсен. Я забрал ее. Мы просто заскочили проверить отца.

Звучало так, будто Дженсен был где-то далеко. Звук проливного дождя почти заглушил его голос. — Нет смысла пытаться добираться в этом направлении, если необходимости нет.

Линии оборваны, деревья повалены. Если вы в доме, то вы должны оставаться там, — шум дождя стих и Дженсена прозвучал сурово. — Я это и имею в виду, Мэд.

Мэддокс нахмурился. Дженсен играл в старшего брата и Мэд не был на это настроен. Он собирался сказать больше, когда услышал голос Мигеля на заднем фоне, который спрашивал о матери.

— Здесь, — он бросил трубку Габи, — с тобой хочет поговорить сын.

Мэд пил пиво и слушал, с какой нежностью в голосе Габриэла говорила с Мигелем. — Я люблю тебя, детка, — сказала она в конце разговора, затем положила телефон на стол и в ожидании посмотрела на Мэддокса.

— Я не благодарю, — сказала она, — за то, что приехал забрать меня.

Мэд закрыл глаза на несколько секунд, пока снова мелькнула вспышка. Он чувствовал, беспокойство, злость. Он хотел погонять, штормило или, бл*, не штормило. Но нет же, его байк был у Дженсена. И он застрял в доме без света с женщиной, которую хотел больше, чем дышать.

— Что ты хочешь, Габриэла? — спросил он, открывая глаза.

Она посмотрела вниз, и волны ее черных волос упали ей на лицо. Она нахмурилась.

— Я хочу избавиться от этой мокрой одежды.

Его голос был резким. — Так избавься от неё, Габи, — она подняла глаза, и он встретился с ней взглядом, бросая вызов. — Сейчас же!

Она отступила на шаг от его крика. Мэддокс не отступил. Он стянул куртку и майку вместе с ней. Он видел, как ее взгляд путешествует по его мускулистой груди. Тогда Габи вызывающе встретилась с ним взглядом и стянула мокрую футболку через голову, бросив ее на пол. Она стояла напротив него в простом белом лифчике, ее сладкие груди колыхались в чашечках. Раньше он задавался вопросом, также ли хороша ли ее кожа на вкус, как он помнил. Он понял, что ему выпал шанс узнать.

Мэддокс завел руку ей за спину и разорвал застежку. Она стояла, не возражая, и посмотрела, как ее бюстгальтер упал. Она начала поднимать руки в желании скрестить их на груди, но Мэд не позволил ей этого. Он схватил ее за руку и посмотрел, её глаза расширились, когда он грубо положил ее ладонь на свой член. Святые угодники, он никогда не был тверже.

Пока её рука была на нем, Мэддокс взял ее лицо в свои руки и посмотрел ей в глаза.

— Сейчас Габс, — сказал он, услышав еле сдерживаемую страсть в своем голосе, — я собираюсь спросить тебя еще раз. Что ты хочешь?

Ее хриплый шепот был едва слышен. — Тебя.

— Что?

Она сильнее схватила его, и он почувствовал, что может кончить в штаны. — Тебя! Я хочу тебя, Мэддокс.

Он отпустил ее и показал на коридор. — Докажи.

В ее темных глазах мелькнуло смущение, когда она смотрела на узкий коридор, туда, где было две двери. Слева была старая спальня Мэддокса. Справа Дженсена.

Габриэла повернулась и медленно пошла. Мэд наблюдал за ней, любуясь плавным изгибом ее обнаженной спины и упругостью ее задницы. Снова мелькнула вспышка, а затем полностью погасла. Был только мягкий серый свет угасающего дня, пока снаружи бушевала буря.

Думала ли Габи о ночи, когда она сделала выбор, и вошла в одну из этих комнат, она не

дала и намека на это. Она, не останавливаясь, повернула налево.

Мэддокс нашел ее перед своей кроватью с опущенными руками. Он закрыл дверь в комнату, в которой спал на протяжении первых восемнадцати лет своей жизни.

Габи вздрогнула, когда он провел пальцами по спине. Когда он нащупал ее соски, они были твердые и напряженные. Она прижалась к нему, когда он положил руку на промежность. Она была настолько горячая там. Он не сомневался, что она была мокрая и готовая. Он мог за считанные секунды сорвать с неё белье и окунуться внутрь. Но сначала он хотел кое-что услышать.

— Скажи мне еще раз, Габриэла, — настаивал он.

Она повернулась, прижимаясь к нему грудью и обвивая руками его шею.

— Тебя, — захныкала она, целуя его в угол челюсти, когда он схватил ее длинные волосы, еще мокрые от дождя. — Я хочу только тебя, Мэддокс, — сказала она и нашла его губы.

Он на мгновение потерялся в пьянящем танце языков, а затем отстранился. Это было не совсем то, что он хотел от нее услышать.

Ее джинсы были узкие. Он грубо стянул их с бедер. — Что ты хочешь от меня? — она тяжело дышала, но глаз с него не спускала. Она молча смотрела на него и дрожала.

Мэддокс стянул с неё белье, разрывая ткань. Он не собирался быть нежным. Он чувствовал, что она так или иначе не хотела от него нежности. Засунув один палец внутрь нее. Это рассказало ему, насколько она была готова. Он освободил член и прижался к ее медовому центру.

— Это, то что ты хочешь?

— Да, — прошептала она, положив руки ему на плечи, глаза были полузакрыты.

— Что?

— Да, — сказала она более четко. Ее полные губы сомкнулись, когда она посмотрела на него с уверенностью. — Черт возьми, Мэддокс Маклеод, я хочу тебя, — она окончательно стянула джинсы и скользнула на кровать.

Мэддокс опустился сверху, раздвигая её ноги. — Знаешь, сколько женщин я перетрахал? Она поморщилась. — Мне все равно.

Он был прямо напротив её входа. Она выгнулась к нему, постанывая, пытаясь побыстрее ощутить его внутри.

— Так и есть, — сказал он ей. — Потому что под всем тем неважным трахом была и есть только ты, Габриэла. А теперь у меня ты сама.

Он быстрым толчком вошел в нее, и она задохнулась, ее колени уперлись его ребра, ногти впились в спину. Мэду пришлось постараться удержать себя, чтобы не перейти черту. Она ощущалась в тысячи проклятых раз лучше, чем в его самых откровенных фантазиях. Она скользила и извивалась, достигнув оргазма за минуты. Мэддокс решил, что у неё было не много любовников. По факту, у неё всего-то был один.

Когда она еще стонала от удовольствия, он спросил ее. — Сколько?

Он вошел глубже, и она задохнулась, впиваясь зубами в его плечо. Мэд стиснул зубы, борясь с самим собой. Он еще не хотел кончать.

— Что? — простонала она, сильнее прижимаясь к нему.

Он входил сильнее, глубже. — Ничего, детка, — он был на грани. Это было неизбежно. — Габи, бл*ть, я сейчас кончу.

— Мэддокс, — воскликнула она. — О, Боже, я не выдержу. Я люблю тебя.

Он больше не мог сдерживаться. Он излился глубоко в ней в момент, который казался бесконечным. Он ударил в стену кулаком, с хрустом в костяшках, оставляя вмятины на поверхности, пока пульсирующая волна за волной поглощала его. Габриэла крепко сжимала его, все время, и он познал её так, как никакую другую из его женщин. Когда он в конце выдохнул, то крепко прижал её к своей груди. Она снова сказала их, слова произнесенные в первый раз. Он не сказал их в ответ. Он только гладил ее волосы и слушал дождь, когда она вздохнула и заснула в его объятиях.

Он не был уверен, сколько времени прошло. Он только понял, что было поздно, и дождь ослаб. Мэддокс сидел у отца и прислушивался к тишине времени. Он слышал, как Габи тихо вошла в комнату, а затем почувствовал ее руки на своих плечах.

— Он вообще просыпался?

— Один раз, — сказал Мэддокс. — Он действительно очнулся на минуту. Он знал какой сейчас год и что пришел конец. И знаешь, что он сказал, Габи? Он сказал, что не против. Я сидел здесь, пытаюсь это представить. Как будто идешь по туннелю к концу жизни и не особенно волнуешься, что все кончено.

Мягкие руки Габи, обернулись вокруг него. — Это все, что он сказал?

Мэддокс откинулся назад, окунаясь в ее тепло. — Он сказал, что Тильди его ждет. Но не выглядело так, что он взволнован. Он просто сказал, что моя мать подождет и что будет позже. Он выпил немного воды, а затем снова заснул.

Габриэла обняла его еще крепче, и он развернул её, усадив к себе на колени. Она прижалась к нему так, что заставило его подумать о Грее и Промиз. Мэддокс хотел, чтобы Грей был недалеко, чтобы поговорить. В момент, когда он наконец взял Габи де Кампо, Мэд был зол на самого себя. Он всегда задавался вопросом, каково это быть с женщиной, которая значит для тебя все, и теперь он понял. И вообще-то ему не понравилось это знание. Это изменило его мир.

— Мэдди? — осторожно спросила Габриэла, как будто прочитала его мысли. Его мать называла его так, когда он был очень маленьким. И больше никто, кроме Габи. С тех пор никто. Когда он не ответил ей, она вздохнула и положила голову ему на плечо. Она была завернута в затхлое старое одеяло, которое лежало на его постели, скорее всего, нетронутое, за минувшие десять лет.

Габи больше не пыталась подтолкнуть его к разговору, что было хорошо, потому что Мэд не знал, что сказать. Он знал, что то, что он чувствовал к ней, не было похоже ни на что, что он когда-либо испытывал к кому-либо еще. Он понимал, что скоро снова возьмет ее в своей старой спальне, оголяя ее и прося даже больше, чем она уже дала. Он понимал, что ей чертовски понравится это почти так же, как и ему. Он просто не знал, что, черт возьми произойдет после.

— Я думаю, шторм закончился, — сказала она, слегка пробежав пальцами по его обнаженному плечу.

— Может быть, — сказал он, прислушиваясь. — Может быть и нет.

Глава 16.

*Раздор-Сити, Территория штат Аризона
1890*

Лиззи Пост была мертва уже неделю, все это время шли дожди. Анника выглянула в неприкрытое окно скромного домика, который служил школой. Позади нее дети сидели на бочках, которые они использовали как стулья и складывали суммы на своих маленьких счетах.

Пока она смотрела на бассейн воды на суровой пустынной земле, она не могла не задумываться, о свежей могиле на ранчо Лиззи Пост. Казалось бы, вся злость небес открылась и излилась на землю, которая, заключила в себя её тело, которое похоронили несколько дней назад.

Аника не могла вспоминать похороны, не вспоминая ссоры с Джеймсом. На протяжении недолгой службы она осторожно бросала взгляды на Мерсера. Он не озаботился одеться в траурную одежду, но его скорбь была высечена в суровых линиях его лица. Джеймс все равно понял, где были ее мысли.

Они только что вернулись в мрачную тишину своего дома, когда Джеймс обратился к ней с суровым осуждением.

— Все еще он, так?

Даже сейчас, когда Джеймс сказал это, Анника увидела, насколько это было открытой раной для него. Она открыла рот, чтобы отрицать это, отрицать все это. Вдруг Джеймс яростно схватил ее, что на него было не похоже.

— Черт возьми, ты моя жена, — прорычал он, зажимая ее. И когда он поцеловал ее, она что-то почувствовала. Прошло много времени, с тех пор как он целовал ее, и невольная реакция ее тела была неизбежна. Если бы он так держал и только целовал ее, она бы охотно раздвинула ноги и пустила бы его внутрь. Она почувствовала, как он хочет её. Его большие руки грубо расстегивали пуговицы на платье, и вдруг он зашелся в бешеном кашле.

Тогда Анника поняла, что это вовсе не Джеймса она была представляла внутри себя. Мерсера. Когда Джеймс отвернулся и продолжил болезненно кашлять, она к тому же вспомнила слухи о посещениях мужа Комнаты Розы. Ей нужно было узнать.

— У тебя есть другие женщины, Джеймс?

Он прекратил кашель, пытаясь сделать глубокие вдохи. — Что с этого, Анника? — его голос был таким усталым. — Мне больно дышать, и моя жена вместо меня хочет моего брата.

Аника потрясла головой. Она должна плакать. Она должна бить по его груди кулаками. Это не правильно. Это уже не был уверенный в себе представитель закона, который познакомился с ней на станции в день, когда она приехала в Раздор-Сити.

— Что с тобой случилось Джеймс Долан?

Он не ответил. Она в любом случае не знала, есть ли у нее право на ответ. Джеймс устало надел шляпу на голову и побрел к двери. — Я не вернусь сегодня ночью, — сказал он. Он не вернулся и на следующую ночь тоже. Что касается Мерсера, Анника не была с ним наедине со дня похорон Лиззи Пост.

Аника вынуждена была вернуться мыслями к детям. Шел дождь под уклоном,

достаточным, чтобы попадать в комнату. Она натянула кусок мешковины на торчащие в оконной раме гвозди чтобы задержать большую часть дождя. Это большее, что она могла сделать.

Когда она заметила, что Дези де Кампо, смотрит на нее с любопытством, ей удалось слегка улыбнуться. Она не должна перед своими учениками позволять показывать, как ей тяжело на сердце. Дези улыбнулся и поднял руку.

— Да, Дези?

— Я закончил свои суммы, миссис Долан. Могу ли я выйти в туалет?

— Конечно, — Анника вручила ему лишний кусок мешковины. — Используй это, чтобы укрыться от дождя.

— Миссис. Долан! — закричала маленькая Хуанита Гарсия, — у меня в ногах вода!

Анника посмотрел вниз. Вода действительно заливала пол. Смутно она поняла, что Дези выбежал в дверь и распахнул ее. Она смотрела в замешательстве на воду, которая покрывала ее туфли. Что-то было не так. Дождь не может так быстро прибавить воды.

— Я думаю, что плотину прорвало! — закричал Дези.

Анника поспешила к двери. Ее лошадь, Мисти, был привязана под затененным навесом, пока вода продолжала подниматься. Мисти рванула упряжь и повозка на половину повернулась в воду. В пятидесяти ярдах она увидела Хасаямпу, обычно спокойную и мелкую, вышедшую из берегов, настолько, что рельеф окружающей поверхности был неразличим.

— Дети! — закричала Анника. — Мы должны сейчас же уйти. Нет Анита, не останавливайся, чтобы забрать свой обед!

Дети завизжали. Некоторые помладше начали плакать. Анника пробормотала слабую благодарственную молитву, что сегодня она взяла повозку. Иначе пришлось выводить детей из низины пешком. Судя по прибывающей воде, вывод Дези был правильным. Плотину Orange Grove прорвало.

Анника схватил крошечную Гарсию на руки, и повела детей вперед, помогая им втиснуться на узкую скамью телеги. Дождь просачивался сквозь тонкий тент, но это маленькое неудобство по сравнению с растущей угрозой со стороны реки. Анника насчитала четырнадцать детей, ютящихся в повозке, и вдохнула с облегчением, когда забралась на место извозчика.

Мисти была пугливой, и Аннике придется потрудиться, чтобы добраться до возвышенности. Пока они медленно выбирались из низины, Анника задумывалась о крестьянских семьях, чьи дома стояли вдоль берега реки. Она горячо надеялась, что они нашли безопасное место до прилива воды.

Анника слышала испуганные возгласы детей и крикнула им, что все будет в порядке. Дважды она чувствовала похлопывание по плечу, но она была занята управлением Мисти и не могла ответить.

Когда она добралась до Скорпион-роуд, люди, казалось, вылазили отовсюду. Анника видела нескольких шахтеров, направляющихся на мост, который был переполнен. Всадники и вагоны подбирали тех, кто торопился, идя пешком. Сам город, вероятно, будет в безопасности от наводнения, так как располагался на возвышении, к западу от дороги, где находилось ранчо Лиззи Пост.

Анника почувствовала руки, с паникой тянувшие её за руку. — Миссис Долан! — закричала Альба Аварес.

— Мы почти там! — прокричала она за спину.

— НЕТ! — зарыдала Альба, — Дези ... — девушка стала бессвязно выть, — ... спрыгнул!

Анника в ужасе развернулась. Дези де Кампо нигде не было и в помине. На мгновение единственное, что она могла сделать, это смотреть на детей в ужасе. Затем она услышала, как кто-то недалеко позвал её. Всмотриваясь в хаос паникующей толпы, она увидела женщину, управляющую повозкой за ними.

— Мама! — воскликнула маленькая Хуанита.

Черная шаль Лупе Гарсиа сползла с материнского лица, когда она увидела своих двоих детей безопасно ютившихся в повозке. Что-либо объяснить, не было времени.

— Вы должны их всех забрать! — закричала Анника женщине, в то время, как прыгнула вниз и начал распрягать Мисти. Альба Аварем, старшая из девушек, начала помогать детям перебираться в повозку Лупе. Анника посмотрела на женщину в отчаянии. — Я должна вернуться, — она вскрикнула, когда вскочила на кобылу, не дожидаясь ответа.

Она знала, что сделал Дези. В спешке, увозя детей в безопасное место, Анника оставила книги. Дези не смог свыкнуться с мыслью об этих драгоценных томах, смытых водами Хассаямпы. Анника безжалостно пришпорила Мисти, молясь, что успеет догнать, пока его не смоет водой.

Лошадь скакала изо всех сил, пока бушующая река достигала её боков. Анника пыталась смотреть, пока дождь хлестал в лицо и выхватывал волосы из гульки. Когда она добралась до лачуги, там и в помине никого не было, ее сердце сжалось. Она увидела воду, льющуюся через открытую дверь, и выплывающую бочку-стул.

— ДЕЗИ! — закричала она.

Небольшая темная головка появилась в дверях, что заставило Аннику заплакать с облегчением. Дези вцепился в дверную раму с одной стороны, пока пытался удержать мешок книг над головой. Анника спрыгнула с кобылицы и оставшееся расстояние тянула её за собой.

Дези, смущаясь, посмотрел на нее, когда она протянула к нему руку.

— Напомнишь мне, — проворчала она, — отругать тебя позже, Дезидерио де Кампо.

Она держала Мисти одной рукой, а другой помогала Дези. Течение усиливалось, воды становилось больше. Анника предположила, что у них совсем мало времени, прежде чем для Мисти будет слишком глубоко. Когда она начала помогать Дези взобраться на лошадь она услышала зловещий треск. Дези задыхался, когда указал через плечо, видя то, что она не могла. Звук падающей воды был оглушительным, и Анника медленно обернулась, кишечник от ужаса скрутило узлом.

Гигантское близлежащее мескитовое дерева вырвало с корнями и несло к ним с ужасающей скоростью. Анника сильно ударила лошадь в бок, заставляя ее двинуться, чтобы убрать Дези с пути дерева. Но ей не так повезло. Ударом верхушки откинуло ее в воду и в течение нескольких ужасающих секунд она была под водой, размахивая руками, чтобы найти опору. Она выплыла и услышала, что Дези звал её, и она подняла руки вверх, чтобы показать что с ней все в порядке, пока она отплевывалась. Дези направил лошадь к ней, протягивая руку.

Но когда Анника попыталась сделать шаг, ее левая нога не двигалась. Какой-то невидимый обломок поймал ее в тиски. Она тянула со всех сил, но это было бесполезно. Невидимые когти крепко держали её, а вода продолжала прибывать

— Дези, — ахнула она, пока мальчик пытался справиться с лошастью. — Нет! Не слезай

с лошади! Дези, я застряла. Я не могу освободиться. Ты должен уезжать.

Мальчик уставился на нее в недоумении. — Нет! — закричал он.

Еще один сильный рывок левой ногой сказал ей, что нет никакого смысла. Но она не позволит ему оставаться здесь и утонуть вместе с ней. — Дези, пожалуйста!

Он покачал головой, его лицо потухло. — Нет, миссис Долан. — Дези начал плакать. — АННИКА!

Она думала, что голос ей показался. Она знала, что ее смерть рядом и что его лицо будет последним, что предстанет перед глазами. Но Дези тоже слышал его. Он развернул лошадь и начал лихорадочно размахивать.

— Мерсер, — прошептала Анника, когда увидела его уверенно скачущим верхом против течения.

Мерсер добрался до нее в считанные секунды и протянул руку, чтобы вытащить ее. Но она покачала головой.

— Я не могу.

Мерсер в мгновение ока оценил ситуацию. Он повернулся к Дези. — Уезжай, сынок. Доберись до возвышенности. Я присмотрю за миссис Долан. Немедленно, Дези!

Ребенок дернулся от резкого тона Мерсера. Он бросил на Аннику один последний отчаянный взгляд, а затем отправился по направлению к дороге.

Мерсер спрыгнул с лошади в воду. Он положил руки на талию Анники и попытался поднять ее.

— Это не сдвинуть, — она начала рыдать. — Пожалуйста, Мерсер, ты должен оставить меня.

Мерсер Долан подцепил ее подбородок и посмотрел ей прямо в глаза. Несмотря на ярость реки и драгоценные минуты, оставшиеся до того как их накроет, он смотрел на нее, кажется, вечно. — Никогда, — категорично сказал он, а затем нырнул под воду.

Вода достигла груди Анники. Лошадь Мерсера, в панике выпучив глаза, относило, пока вода поднималась. Анника схватила поводья, пытаясь прошептать успокаивающие слова. Она почувствовала рывок вокруг левой ноги, а затем ее лодыжки, и вскрикнула от боли, когда была освобождена. Она закрыла глаза, на мгновение застыв от боли.

— Анни, — вынырнул Мерсер. Он крепко держал ее, пока она хромала. Она знала, что если бы он не поддерживал её своими сильными руками, течение снесло бы ее.

После того, как помог ей взобраться на лошадь, он вскочил сам. Несмотря на то, что они оба промокли до нитки, тепло его тела удерживало ее от озноба. Его руки укутали ее, когда он взял удила. Ее левая лодыжка пульсировала от боли. Смутно она догадывалась, что она сломана, а затем поняла, что это небольшая проблема. Они все еще были в серьезной опасности. Следующие несколько минут были схваткой с яростью природы, пока Мерсер боролся за каждый сантиметр, чтобы выехать на возвышенность. Когда Анника закричали от внезапного шока, Мерсер увидел, что привело ее в ужас, и уткнул ее голову в свое плечо.

— Не смотри, — жестко сказал он ей.

Плавающий труп человека появился прямо перед ними. Всплыв в воде на секунду, а затем его унесло течением.

— Просто держись за меня, Анни. Просто держись.

Глаза Анника оставались закрытыми, пока Мерсер боролся за их жизни. Она обняла его широкую грудь и молилась о чуде. Были вещи, которые нужно было еще сказать. Она не могла смириться с мыслью, что все может закончиться таким образом. Если только она и

Мерсер выживут, она не позволит себе впустую тратить свои дни.

— Мерсер, я люблю тебя, — сказала она, но она знала, что ее голос был заглушен ревом воды.

И потом, невероятно, но факт, вода уменьшилась. Анника открыла глаза и увидела Дези де Кампо. Он был далеко на холме, до сих пор на Мисти, его маленькое лицо озабоченно вглядывалось в деревья, которые упали далеко в низине. Его лицо озарилось ликующей улыбкой, когда увидел их и яростно им замахал. Анника увидела, что мост сломан, Скорпион-роуд затоплена и проход невозможен. Дези стоял со стороны Раздор-Сити. Она подняла руку и указала по направлению к городу. Он понял, и махнул еще раз, а затем направился к Раздору.

Аника слабо прислонилась к Мерсеру, в благодарности за его решительность. Они были вне опасности, было бы неправильно рисковать, пересекать дорогу. Мерсер повернул коня на запад, в сторону ранчо Лиззи Пост.

Дождь по-прежнему безжалостно лил, и левая лодыжка Анники пульсировала с еще большей силой.

— Как ты узнал? — спросила она.

Подбородок Мерсера покоился на её голове. — Я слышал, что ты там преподаешь. Когда пришла весть о прорыве плотины, я поскакал во все чертову прыть.

— Ты спас меня, — сказала Анника сдавленным голосом. Так много чувств бурлило в ней: благодарность, страх, любовь, желание. Она не знала, куда их все деть.

— Конечно, — ответил он тоном, не терпящим возражений, которым столько раз докучал ей бойким приставаниями.

Когда они подошли к дому, Мерсер внес ее в него. Хотя он и пытался делать это нежно, она заплакала, когда он снимал с нее сапог. Мерсер с осторожностью рассматривал лодыжку, сгибал и нажимал. Анника закусил губу и терпела боль.

— Вроде не сломана, — сказал он, — но будет крайне гадко, во всяком случае, несколько дней.

— Я смогу справиться с гадкой болью, — сказала Анника, откинувшись на локти. Она была истощена. Но даже недолгое ощущение рук Мерсера разогревало ее кровь.

Мерсер быстро разжег огонь в камине, а затем принес ей стопку мягких одеял. Оторвав длинную ленту от старой простыни, он тщательно перевязал ее лодыжку.

— Ты, должно быть, хочешь высушиться, — резко сказал он, не взглянув на нее. — Мне нужно проверить лошадь.

Он оставил ее на полу и выскочил в дождь.

Платье Анники промокло насквозь. Такое облегчение снять промокшую бязь и юбки со своего тела. Она разложила все перед камином и завернулась в потрепанное одеяло, пока ждала Мерсера.

Он отсутствовал не долго. Анника повернулась на звук открывающейся двери. Вода капала с него. Он потерял шляпу, когда нырнул под воду, чтобы освободить ее, он нетерпеливо откинул волосы с лица. Но Анника едва замечала хоть что-то. Все что она заметила был голод в его глазах, когда он увидел, что она тихо сидит у огня.

Под одеялом Анника была только в тонкой рубашке под корсетом. Она вытаскивала последние шпильки из ее волос, пока Мерсер повернулся к маленькой кухне и открыл шкаф.

— Твоему желудку станет легче, когда это окажется в нем. И я налью тебе от боли стопку виски. На, — сказал он, протягивая ей тяжелый железный противень.

— Печенье, — с удивлением сказала Анника, вглядываясь в пухлые кругляши.

Мерсер кивнул, он также дал ей серебряную фляжку. — Закваска. Старый секрет бродяги. Держи свежую про запас, и не надо будет беспокоиться, пока подойдет тесто.

Аника откусила печенье и сделала обжигающий глоток из фляжки. Мерсер продолжал смотреть на нее.

— С тебя капает, — сказала она ему.

Одним движением Мерсер стащил рубашку через голову и бросил поверх ее снятого платья. Аника сглотнула. Было невозможно отвести взгляд от его голой груди. Она вспомнила ощущение его стальных мышц под ладонями. Она снова хотела почувствовать это.

Огонь отражался от кольца на левой руке, и она покачала головой. Аника была замужем. Она не могла делать, как ей заблагорассудится.

— Так где же ты был в течение последних двух лет, Мерсер?

Он улыбнулся: — Везде, Аника. — он молчал, глядя на огонь. — Это большая страна. По большому счету безграничное пространство, и нет большего ощущения свободы, чем скакать верхом из одного конца в другой.

— С датчанами? — спросила она.

Насмешливый тон появился в ее голосе, и взгляд Мерсера метнулся к ней. Он не ответил на ее вопрос, поэтому она спросила еще.

— Ты все еще с ними? Каттер Дэйн где-то поблизости?

— Где-то поблизости, — медленно сказал Мерсер.

— Где-то поблизости, — прошептала Аника, кивая.

— Как и твой муж. — Мерсер зло усмехнулся. — Он тоже где-то поблизости.

— Мой муж посещает публичные дома и отчаянно докашляется до могилы, — категорически заявила Аника.

Улыбка Мерсера исчезла.

Аника сбросила одеяло. Она смотрела на огонь, радуясь теплу на ее обнаженных плечах. Она понимала, что на перепутье. Все, что она сделает дальше, повлияет на её судьбу в будущем. Аника вспомнила свое собственное обещание, когда недавно они были под угрозой утонуть. Жизнь драгоценна. И любовь. Слова были трудными. — Он думает, что я больше забочусь о тебе, чем о нем.

Мерсер уселся прямо за ней. Она почувствовала, как его руки, жестко тянут за шнурки корсета.

— Так и есть? — спросил он.

— Да, — сказала она, поморщившись, когда он слишком грубо потянул, развязывая. — Боже, помоги мне, Мерсер, но так и есть.

Он развернул ее, и корсет упал. Его дыхание было прерывающимся, и она могла четко прочитать страсть в его взгляде, когда он спускал блузку по ее коже. Она всегда была уверена в том, как сильно он хотел ее. Она не была уверена, было ли еще что-то под плотским желанием. Несмотря на его отчаянную исповедь в её брачную ночь, она все еще не была уверена в этом. Но она была точно уверена в том, что если снимет штаны, он будет твердый, словно сталь, готовый взять её. И она собиралась позволить ему.

Мерсер обхватил ее грудь ладонями, пробежавшись большими пальцами по ее соскам.

— Ты все еще в мокрой одежде, — сказала она, чувствуя, что его стояк в ожидании. — Ты должен снять её.

Он прижал ее руку к своему возбужденному члену. — Сними сама, Анника.

Она стянула мокрую ткань, и он схватил ее. Его руки в тот же миг были повсюду, пока его жаркие поцелуи стирали все другие чувства, сохраняя лишь маниакальное желание, чтобы он вошел в неё. Ничто другое не имело значения. Ни её обеты Джеймсу, ни риск отдаться страсти с таким непостоянным мужчиной, как Мерсер Долан.

Было столько греховного в том, как она обернула свои ноги вокруг него. И все же это не волновало её. Если бы она сегодня погибла в водах Хассаямпы, не было бы ничего, только черная дыра, поглощающая все моменты, которые могли бы быть. Анника не хотела терять ни одного. Она хотела его. Она всегда хотела его.

Мерсер опрокинул ее на кучу одеял. Она встретила его с такой же страстью, целуя и поглаживая каждый кусочек его тела, так же страстно. Когда она шире раздвинула ноги, он вдруг схватил ее за волосы и потянул, заставляя посмотреть на него.

— Анника, — яростно сказал он. — Ты моя.

— Мерсер, я всегда была твоя, — прошептала она, и это было правдой.

Он вошел в нее так резко, что она вскрикнула, пока ее тело внутри пыталось взять все от него. Он будет груб и немилостив. Она приветствовала его, подстраиваясь под его жесткий ритм. Тем не менее, он был и нежен. Мерсер сделал паузу и мягко поцеловал ее прежде, чем немного отпустить и еще раз глубоко войти. Анника схватилась за него со стоном, который шел из тех глубин, которых только он мог коснуться.

Он прижимал ее к себе, пока она дрожала и умоляла. Анника едва узнала звук собственного голоса, когда закричала от огромного удовольствия, которое, казалось, затянулось навсегда. Это было то, чего она хотела каждый день с того давнего дня, когда впервые встретила с ним взглядом.

Мерсер поднял её, оставаясь внутри нее. Он жестко обнял её за талию, и двигал её с грубой страстью, пока ртом скользил по ее груди. Анника откинула голову назад, наслаждаясь ощущением его горячего языка на ее чувствительной плоти. Она раздвинула бедра, насколько могла, упиваясь тем, как он стонал от возбуждения. Когда Мерсер, наконец, взорвался яростным диким оргазмом, он так сильно сжал ее, что определенно останутся синяки. Анника почувствовала дрожь его мощного тела и горячую струю в её глубинах. Он снова и снова вздрагивал, поднимая ее каждый раз, пока предъявлял свои безоговорочные права.

Когда они упали обратно на одеяло, вышедшее из моды, Мерсер опустил ее на нее. Он посмотрел ей в глаза, и Анника протянула руку, проведя ладонью по его щеке. Она любила его так сильно, почти до боли.

— Я никогда не любил ни одну женщину, — искренне сказал он ей. — Нет, не закрывай глаза, Анника. Ты не скроешься от меня. Ты выслушаешь, — он прижался к ней и глубоко вздохнул. — Я совершал разбои, Анни. Ты это знаешь. К тому же ты знаешь, что я имел столько женщин, что даже не могу сосчитать. И никто никогда ни черта для меня не значил. Но, то дело два года назад в Комнате Розы со шлюхой, и тем мужчиной, которого я ударил... Может быть, я негодай, но я не дам изнасиловать женщину. Ничего больше не было, кроме этого, я клянусь, — он покачал головой и посмотрел в огонь, повторяясь. — Ни одна женщина никогда ни черта для меня не значила. Только ты, Анника. Ты можешь спать в постели моего брата, носить его кольцо и стоять с ним рядом, и это не изменит ничего на свете. Может быть, это проделки дьявола, но, черт возьми, я люблю тебя, женщина.

Он поцеловал ее в беспомощной ярости, отчего она чуть не задохнулась. Его слова, хоть

и грубые, были самыми честными, что она когда-либо слышала. Она была его. Она знала, что она отдаст ему все.

Мерсер позволил ей перевернуться, и теперь она была сверху. Боли в лодыжке совсем не чувствовалась. Это даже не имеет значения. Анника низко склонилась и взяла его в рот, пробуя на вкус мускусный рай их соития. Он застонал и выдохнул ее имя. Он быстро снова стал твердым, когда она провела языком по всей его длине. Когда он был готов, он показал ей, как хотел, поставив ее на колени, чтобы он смог войти в нее сзади.

Мерсер довел ее туда, куда только он мог привести. Она извивалась и кричала, и пока он заполнял ее, она открывала себя насколько могла. Она почти забыла первобытную природу страсти, которая всегда бурлила в ней, когда она была с Мерсером. Он напомнил ей. Но это было большее. Для нее всегда больше. И теперь она поняла, как это было с ним. Она не хотела думать о предстоящих днях неизвестности. Она только хотела лежать в объятиях любимого и чувствовать, как он гладит ее кожу, пока снова не будет готов взять её. Она знала, что это будет совсем скоро.

— Все изменилось, — прошептала она, легко постанывая, когда он в очередной раз погрузился в нее.

— Все, — согласился он, уже двигаясь в бешеном темпе. — И ничего.

Глава 17.

Раздор-Сити, штат Аризона

Наши дни

Он думал, что первое, что испытает, когда страдания его отца закончатся, будет чувство облегчения. В течение нескольких дней он следил за его борьбой и понял, что устал от долгого ожидания неизбежного. Он был при его кончине, рядом с братом, когда Габи аккуратно приложила палец к шее Священника Маклеода и кивнула.

— Он ушел.

Услышав рыдания Дженсена, Мэддокс не почувствовал облегчения. Вместо этого он был убит горем, в сочетании с бурлящей скорбью, пока он ждал, когда тело отца унесут. Он не плакал, даже когда Габи, нежно обняла его и прошептала: — Сочувствую, Мэдди.

Он молча ждал, когда выносили Священника Маклеода, он прошептал «прощай». Похорон не было. В то время, пока Священник был еще способен, он позаботился о немедленном кремировании без дополнительных услуг.

Тремя днями позже Мэддокс смотрел за тем, как солнце нырнуло за Возвышенность Скорпиона и задавался вопросом, почему, черт возьми, он до сих пор в Раздоре. Он мог правдиво ответить на свой вопрос, еще до того, как услышал ее голос снаружи, наигранно ругающей сына за его грязные руки.

Дом Габриэлы был затоплен до подоконника. Ущерб от разлива реки был нанесен всем домам в низине, но все равно потребуется время, чтобы завершить все ремонты. Габриэла осталась в доме, в то время, как Мигель проводил время то тут, то в доме Дженсена.

Если Дженсен и был в курсе того, что происходило между Мэддоксом и Габриэлой, он мало что мог сказать. На следующий день после смерти Священника он посмотрел на Мэда в упор и сказал: — Ты надолго залип?

— До тех пор, пока мне нравится, — холодно сказал Мэд, перебрасывая пачку сигарет из руки в руку.

Дженсен сузил глаза, но не стал настаивать. Мэд чувствовал, что его брат предпочел бы видеть, как он сейчас уезжает, но от Дженсена это на хрен не зависело.

— Эй, Мэд, — высунулся Мигель из задней двери с озорной улыбкой на лице. — Мама сказала, что обед готов.

— Иду, — ответил он.

Мэддокс смотрел на нее, пока усаживался на свой стул. Габи наклонилась и достала стеклянную форму из духовки. Он застонал, увидев ее сочную задницу, когда его тело отреагировало, на желание. Он мог бы схватить ее прямо там, но за столом сидел ребенок, пил молоко и смотрел на него.

Мигель улыбнулся с усами от молока.

— Эй Мэд, можешь взять меня завтра в поход?

— Завтра, — сказал Мэддокс, открывая пиво. — Тебе не надо в школу?

Мигель закатил глаза.

— Не в субботу. Ты всегда забываешь о субботе.

— Да, это точно? — Мэддокс сделал большой глоток пива и попытался расслабить огромный узел в штанах, когда наблюдал за Габриэлой уголком глаза. — Конечно, малыш.

Если твоя мама верит, что я не дам тебе провалиться в открытую шахту, я в игре.

Габи поставила горячее энчиладас на стол. Она бросила прихватки к раковине и села за стол. Когда она улыбнулась, Мэддокс вновь поразился, какую власть она над ним имела. Он знал, что она не была самой красивой женщиной, которую он когда-либо видел или, черт, даже когда-либо трахал, но теперь он не мог думать ни о ком другом.

— Я доверяю тебе, Мэддокс, — сказала она, выгнув бровь, как будто поняла, где он витал.

Мэддокс пил пиво и спокойно ел свой обед. На мгновение он уставился на салфетку на коленях и ощутил странное чувство нереальности. Сколько лет прошло с тех пор, как он сидел за столом во время семейной трапезы? После смерти Тильди, Священник и его мальчики перебивались фаст-фудом. Пока он задумчиво жевал и наблюдал, как Габи улыбается своему сыну, он задавался вопросом, насколько все изменилось. Возможно, это даст ему право на каждую ночь. Или, возможно, ему это не понравится и он все равно сбежит.

— Мэдди? — спросила Габи, нахмурившись, а Мигель посмотрел на него. — Что не так?

— Ничего, — он покачал головой. — Еда горячая, вот и все. Так, Мигель, будешь штурманом. Откуда мы начнем наше завтрашнее приключение?

Глаза Мигеля просияли.

— Возьми меня снова на кладбище. Это потрясающе! Я пытался поговорить с папой об этом, но я не думаю, что он действительно слушал. Ты и мой папа действительно ходили туда все время, пока были детьми? Могу ли я когда-нибудь прокатиться на байке сзади? Эй, что собираетесь делать с прахом?

Мэддокс смеялся и пытался не отставать отвечать.

— Да, твой отец и я путешествовали в ад и обратно, когда мы были мальчишками. Я думаю, что твоя мама про байк ответит отказом.

— Ты правильно прочитал мои мысли, — с удовольствием подтвердила Габриэла.

— Что касается праха Священника, — Мэддокс замолчал. — Я действительно не знаю, малыш. У твоего отца, возможно, есть идеи, но я не думаю, что старику уже до этого есть дело. Что было, то прошло.

— Что было, то прошло, — задумчиво повторил Мигель, кивая, как будто он тщательно осознал эту нить мудрости.

Мигель рано просыпался и поздно засыпал. По ночам, он был с ними, Габи всегда настаивала на том, что он должен крепко заснуть, прежде чем она позволит Мэддоксу прикоснуться к ней. Вообще-то ребенок знал, что его дядя Мэд спит на диване в гостиной, в то время как его мама спит одна в спальне через зал. Мэддокс не заходил в комнату Священника. Дверь была закрыта, в тот самый момент, когда его безжизненное тело унесли.

Мэддокс нервничал, пока стоял в темноте. У него было искушение, запрыгнуть на свой байк и просто уехать. Может быть, он через час развернется и вернется к Габи или, может быть, он будет ехать, пока не достигнет западной границы штата, где его ждал мир Отступников.

— Привет, — сказала Габи, целуя его в шею. Она могла двигаться, как стелс (*прим. бесшумный самолет*), когда хотела: он даже не слышал, как она вышла из дома. Мигель должно быть уже спит.

— Эй, детка, — сказал он, закрывая глаза и наслаждаясь тем, как ее полные губы

ощущались на его коже. Не спрашивая, она положила руку к его промежности и сжала твердое доказательство, что там нашла там.

Мэддокс расстегнул штаны и осмотрелся, удовлетворившись тем, что свет на внутреннем дворике был выключен, и их не заметят. Затем он рассмеялся собственному ханжеству, пока Габриэла опустилась на колени и жадно взяла его в рот.

— Оу, детка, ласкай его. Ласкай его именно так, — он вцепился пальцами в ее блестящие черные волосы, пока она вела его к пику, где он должен был остановить или кончить. — Подожди, подожди, — он оттолкнул ее. — Дай-ка сперва потрогать тебя. Ты просто сними эту маленькую атласную вещичку, если не хочешь, чтобы я порвал её. — Мэддокс отодвинул старый стул из красного дерева и потянул её на себя, нетерпеливо отталкивая ткань трусиков в сторону. — Теперь оседлай меня, Габи.

— О, Мэд, — её дыхание уже было затрудненным. Она быстро кончила. — Мне нравится именно так. — Он схватил ее за бедра и крепко нанизывал ее, быстро, и она дрожала, кусая губу, чтобы удержать стон из глубины сердца.

Когда Мэддокс почувствовал ее последние спазмы, он снял её и обхватил её рукой вокруг своего неудовлетворенного члена. — Возьмись крепко. Сожми кончик. Вот дерьмо, не останавливайся. Габс, наклонись. Я хочу вставить тебе между сисек.

Она держала его там, пока он не кончил, затем она натянула майку и потянулась. Мэддокс схватил ее и потянул к себе на колени.

— Мэддокс?

— Хм?

Она вздохнула. — Дженсен снова спрашивал меня, насколько ты остался.

— Он знает об этом?

— Ну, он должен быть безумно глупым, чтобы не догадаться.

— И мы все знаем, Дженсен не глуп, — Мэддокс замолчал, закуривая сигарету. Он курил только когда волновался. Он решил, что это его выдает. — Хочешь избавиться от меня?

Она поцеловала его. — Ты знаешь, что нет. Но... — она отстранилась, глядя на свои колени. — Я имею в виду, я знаю, что у тебя есть своя жизнь.

— Каждый имеет свою жизнь, Габс.

Она пихнула его в руку. — Господи, ты не можешь говорить на прямую? Я имею в виду, я понимаю, у тебя там есть связи. С твоим клубом, и остальным.

Мэддокс выдохнул струю дыма. Он понимал, к чему она действительно клонит. — У меня нет женщины. Ты это знаешь. Ты единственная девушка, которая у меня была. И нет, я не обвиняю тебя. Я трахался, Габс. Много. Ты это тоже знаешь.

— Ты меня любишь, Мэддокс?

Он игриво сунул руку между ее ног. — Я так думаю.

Габи встала и гордо пошла во двор. — Немного ни к чему не обязывающего траханья, — проворчала она.

Мэддокс погасил окурок и подошел к ней. Она не ответила, когда он обнял и уткнулся лицом в ее волосы. — Я люблю тебя, Габриэла, — сказал он так тихо, что он сам едва услышал.

Хотя она услышала. Она развернулась и позволила ему поднять ее на руки. Он отнес ее в дом, в его старую спальню, и, когда в очередной раз нашел себя внутри неё, ему пришла в голову уверенность, что он никогда не устанет от этого. Никогда.

Позже, когда в лунном свете она лениво гладила его, она попросила его рассказать ей больше. О себе, о людях, которые что-то для него значили. Она кое-что спрашивала, когда он рассказал больше, чем когда либо. Он рассказал ей об Орионе и Грейсоне, Брэндоне и Каспере.

Где-то в середине его рассказа об Отступниках, она задремала на плече. Он легко поцеловал ее, а затем оставил, чтобы поспать, найдя путь в темную гостиную, и упасть на потертый диван.

Хотя Габи имела полное право, она на самом деле не спросила его о том, что он планировал делать дальше. Это было темой, которую он избегал развивать даже в собственной голове. Потому что по правде, Мэд Маклеод не имел представления.

***

Мигель на рассвете был на ногах. Мэддокс ворчал, но тем не менее поднялся, попивая кофе и отмахиваясь от попыток Габи засунуть ему в рот еду.

— Ты уверена, что не хочешь пойти? — спросил он, пока она наливала Мигелю стакан апельсинового сока.

Она покачала головой, с небольшой улыбкой на лице. — Я думаю, что вы, ребята, повеселитесь без меня.

Мэддокс понимал, что это было нечто большее. Она пыталась показать, как она ему доверяет. Ничто и никто не был настолько драгоценен для нее, как Мигель.

Когда Мэд уловил мимолетное желание на кухне, Габи не оттолкнула его, как он ожидал. Она прижалась к нему, достаточно близко, что он почувствовал ее грудь и запах душистого лавандового шампуня, которым она всегда пользовалась. В этом была такая интимность, она стояла рядом с ним, пока проникал свет утреннего солнца.

— Пойдем, — сказал он Мигелю, сделав еще один глоток кофе.

Прохлада раннего часа продлится недолго, но Габи настояла, чтобы сын надел рубашку.

— Мне не холодно, — ребенок нахмурился, когда они были уже на улице.

— Эй, — сказал Мэддокс, пожимая плечами в своей кожаной безрукавке. — Посмотри на это с другой стороны, твой нелепый подмерзший дядя тоже в пиджаке.

— Это не куртка, — задумчиво сказал Мигель. — Это как твоя вторая кожа.

Мэддокс посмотрел на потрепанную кожу. Ребенок ловко подметил. Клуб и все, что с этим пришло, было то, кем он сейчас был. Его семьей. Как он мог ждать, что Габи это поймет?

Однако, пока он слушал взволнованную болтовню Мигеля о миллионе вещей в сознании мальчика и думал о нежном взгляде в глазах Габриела этим утром, он понял, что и это тоже его семья.

Он просто не знал, как обе друг с другом будут сочетаться.

— Эй, Мигель, — позвал он. — Помни правила. Следуй за мной, шаг за шагом.

К тому времени, когда они добрались до кладбища, стало достаточно жарко, и Мигель завязал свою рубашку на поясе. Мальчик сразу же отправился расчищать заросшие надгробия и прикасался к каждому, будто магические свойства впитались в последние печальные фрагменты человеческих жизней.

Мэд дал ему достаточно времени на исследование. Он пнул камень и попытался вспомнить, как это, чувствовать себя в восторге от всего мира. Он увидел маленькую пещеру, где он и Дженсен прятались.

Это едва ли можно было назвать убежищем, теперь, когда он мог лучше его разглядеть. Природная расщелина на небольшом холме, была испещрена норами мелких животных, которые прятались там. Она казалось больше, когда он был мальчиком. Мэддокс едва смог протиснуться внутрь. Нет, не поэтому она казалась еще меньше. Что-то было преградой. Мэддокс чувствовал острые углы и за ними гладкую поверхность. Он развернулся, чтобы осмотреться.

Это был какой-то сейф, это точно. По-настоящему старый, судя по всему. Он был уже взломан, и дверка легко поддалась под его пальцами. Он колебался засовывать ли руку в тайник, не видя того, с чем он имеет дело. Там могли быть гремучие змеи, скорпионы или что-то похуже. С сильным рывком он вытащил его на свет

— Мэд, что это такое? — крикнул Мигель, подскочив в мгновение ока.

Мэддокс нахмурился. — Я не знаю.

Сейф был маленький, возможно, 40 на 50 сантиметров, около 30ти см толщиной.

— Подожди, — предупредил он Мигеля, когда ребенок попытался схватить его. Он заглянул внутрь и увидел несколько камней. Они были крошечные, напоминали гальку, и их было немного. Солнечный свет отразился от них и Мэддокс присвистнул.

— Это клад, да? — прошептал Мигель недоверчивым голосом. — Это пропавший клад.

— Может быть, — осторожно сказал Мэддокс. Что-то в этом не сходилось. Кто, черт возьми, оставил наполовину скрытый старый сейф в пещере, заброшенного кладбища? Было бы заманчиво предположить, что он всегда был там, помещенный в тьму до окончания веков, но он знал, что это не так. Мэддокс обследовал каждый дюйм этой пещеры, когда был в возрасте Мигеля. И пока он размышлял, реальные ли это золотые самородки, не пустышки ли, чтобы спрятать их в сейф такого размера. Или их было больше. Возможно, это нашли в другом месте, а затем открыли и опустошили. И потом, не обременяя себя, тяжелой и неудобной ношей, небрежно выбросили в пещере.

Мигель с любопытством прикасался пальцами к крошечным золотым кусочкам. — Могу я взять их? — спросил он.

Мэддокс пожал плечами, ему по-прежнему было не по себе. — Да, почему нет, — он вынул смятый платок из кармана и протянул его Мигелю. Ребенок тщательно уложил драгоценное золото в него и засунул все это в карман.

— А с этим что? — он кивнул на сейф.

— Ну, — поднял его Мэд. — Думаю, просто положу его туда, где нашел.

Он позволил Мигелю всласть подурачиться в пустыне, прежде чем потихоньку начать возвращаться обратно в город. Когда мальчик указал на горы, чтобы идти дальше, Мэд покачал головой. Мигель надулся, но Мэддокс сейчас осознавал опасность, не то что в своей безрассудной юности. Колодцы шахт были глубокими и их было не мало. Упав в один, вероятно погибнешь. Он положил руку на плечо племянника, и они не спеша вернулись домой, где ждала Габриэла.

Мэддокс заметил красный пикап на дороге, как только повернул за угол. Он задавался вопросом, что там делает его брат. Габи не упоминала, что Дженсен заедет, но Мэддокс не волновался, считая, что тот имел право заскочить и увидеть сына, когда захочет. Плюс, причина в доме. Священник оставил его обоим. Рано или поздно они должны выяснить, что с ним делать. Но когда Дженсен поднял ствол, выходя из дверей, Мэддокс сразу понял, что его брат пришел не поэтому.

— Ты е*ный ублюдок, — зарычал он на Мэддокса, когда Габриэла вылетела за ним из

дома. Она все еще была в халатике и ее лицо отражалась боль.

Мигель затаил дыхание, но Дженсен даже не увидел сына. Его хромота едва ли мешала ему, когда он целенаправленно в ярости шел туда, где Мэддокс стоял в ожидании. На первый взгляд Мэд решил, что Дженсен пьян, но, когда он подошел ближе, понял, что это не так. Что же тогда. Что стало причиной, полыхающего лица и сжатых кулаков. Ярость.

Мэддокс поднял руки вверх в «Что за нах*й?» жесте. В этот самый момент Габи добралась до Мигеля и поспешно потащила его оттуда.

Дыхание Дженсена было прерывистым, он стоял лицом к лицу со своим братом. Мэддокс посмотрел на кобуру пистолета на бедре и напрягся. Если дело дошло до физической расправы, Дженсен все еще полицейский.

— О чем ты на хрен, Джен? — спросил он тихим голосом.

— Папа! — закричал Мигель и, когда Дженсен, наконец, заметил сына, казалось, он немного поутих.

Затем он наклонился ближе, так чтобы его слов не было слышно. — Ты думаешь, что можешь запросто все здесь взорвать и оттрахать, чтобы отомстить?

Мэддокс взглянул на Габи. Она держала Мигеля и качала головой.

— Пошел ты, Дженсен, — сказал он со спокойной, — ты меня совсем не знаешь. Если бы это был мой план, то я бы уже сделал это, как только пришел. А я все еще здесь. Я не знаю к чему это, черт возьми, приведет, но знаю, что я люблю ее.

Дженсен смотрел на него с немой яростью. Мэддокс пытался прочесть причину ярости брата. Почему бы Дженсена парили его отношения с Габриэлой? Или это из-за Мигеля?

— Во всяком случае, — Мэддокс плавно продолжил. — Я не думаю, что тебе по этому поводу не х*й говорить. Она взрослая женщина и не должна перед тобой отчитываться.

Дженсен моргнул. — Ты собираешься притворяться, что я говорю о Габи? Вот дерьмо, она всегда хотела тебя и только тебя. Я бы зае*лся. Какого черта тебе надо было засадить моей жене?

— Ко... кому??? — Мэддокс на мгновение растерялся. Он на самом деле даже не в состоянии вспомнить женщину. Потом он вспомнил, знойный контур ее губ и язык её тела. Кейси Маклеод испускала тихое приглашение, которое Мэддокс не принял. Он видел её как облупленную и держался подальше, даже не приняв объятий в день смерти Священника, когда она заливалась ложными слезами и сочувствием.

— Прошлой ночью, — сказал Дженсен сквозь стиснутые зубы. — Пока я был в участке. Вы, ребята, распили бутылку и, прежде чем она врубилась, ты оттрахал её у стены в гостиной, — он застонал и сильно потер лицо. — Господи Боже, Мэддокс, в моем доме! Это заставило ощущать себя мужиком?

— Нет, — Мэддокс покачал головой. — Нет. Не случилось, Дженсен.

Дженсен закашлялся. Он вдруг показался старым и уставшим. — Ты всегда был паршивым куском дерьма. Даже когда мы были детьми. И все же все тебя любили, — он отошел и посмотрел на горы. Казалось, он забыл, что он говорит вслух и продолжал угрюмым голосом. — Почему, черт побери, все любят тебя? Посмотри на себя сейчас. Ничего, кроме байкерских уловок в охоте за кисками, — он вдруг обернулся. — Что в тебе хорошего, Мэд? Что хорошего в тебе для кого-нибудь?

Мэддокс смотрел на брата, пока слова повисли между ними. Он давно привык к обвинениям, это так или иначе обижало его. И обычно это было правдой. Но не в этот раз.

— Дженсен, — сказал он твердо, — я никогда не прикасался к ней, — он знал, что

важно не отступать. — Я не знаю, что, во имя Господа, она сказала тебе или какого она стремится вызвать вражду между нами, но клянусь памятью наших родителей, я никогда не касался твоей жены.

Дженсен посмотрел под ноги и шумно выдохнул. Мэддокс понял, что это касалось не только Кейси. Это было кульминацией жизни, братских неурядиц. Когда он поднял голову и вновь посмотрел на Мэддокса, словно сквозь него.

Они оказались в тупике. Дженсен не до конца успокоился, но большая часть гнева испарилась. Где-то там он должен понять, что это все Кейси. Возможно, он даже чувствовал себя глупо, что так быстро закипел. Мэд тревожно поглядывал на Габриэлу. Он с облегчением увидел, что вместо боли в глазах при взгляде на него, она сердито смотрела на Дженсена. Она однажды совершила ошибку в том, кому она поверила. Она не сделает еще одной.

Тем не менее, несмотря на удары нанесенные словами Дженсена, Мэддокс чувствовал необъяснимую жалость к нему. Его брат обладал слабым здоровьем, женой лгуньей, и, очевидно, был погребен под горой злости и обид. Мэддокс много времени потратил впустую на горечь. Он понял, что он на самом деле переживает за Дженсена, чтобы хотеть лучшего для него.

— Джен, — сказал он мягко, но взгляд его брата оставался холодным, когда он встретился с его взглядом, и Мэддокс в этот момент отступил. Пусть успокоиться, решил он. Тогда они смогут поговорить. Они могли бы раз и навсегда отложить эти мелкие перепалки и вспомнить о том, что их когда-то связывало. Мэддокс удивился, когда понял, как за последние несколько недель все перевернулось в его сознании. Он уже не был упертым мудаком, который несся в Раздор, готовый послать это все.

— Папа, — Мигель оторвался от своей матери. Он нерешительно смотрел то на одного, то на другому, пока подходил.

— Да, сынок? — сказал Дженсен и его голос вернулся в норму.

— Я с Мэдом ходил сегодня в еще один поход. Мы нашли клад. — Мигель улыбнулся и Мэддокс понял, что он отчаянно пытался снять напряжение.

— Да ну? — рассеянно сказал Дженсен. Он провел рукой по своим темным волосам. Это привычка, только делало очевидной печальный факт, что его волосы заметно поредели, показались залысины.

Габриэла тихо встала к Мэддоксу и взяла его за руку. Он посмотрел на нее сверху вниз и кивнул. Этим он молча говорил ей, что все в порядке. Это пройдет.

Мигель достал платок из кармана джинсов. Он аккуратно развязал узел и торжественно высыпал золотые камешки на ладонь. — Видишь? — сказал он.

Дженсен посмотрел на Габи, не обращая внимания на Мэддокса. — Я заеду за ним завтра вечером, как и всегда, — сказал он.

Габриэла кивнула. — Ладно, — сказала она, как будто и не было болезненного поднятия старых обид.

Дженсен вроде расслабился. Он сосредоточился только на сыне, и снисходительно улыбаясь спросил. — Так где ты нашел этот клад? Промывая речной песок? Нет, — он присел на корточки, чтобы находится на уровне с Мигелем, нахмурившись и более внимательно изучая небольшие камешки. — Похожи на настоящие.

— Так и есть, — сказал Мигель, четко решив, что гнев отца уже рассеялся. — Это золото, папа. Мэд и я, мы нашли его в сейфе на кладбище.

Мэддокс случайно бросил взгляд на лицо Дженсена, в то время, как Мигель рассказывал. Он все еще не понимал настроений брата, но он видел, как его губы побелели при упоминании о старой пещере. Место, которое было их своеобразным детским секретом. Место, о котором никто не знал, никто кроме их двоих. Дженсен выпрямился и посмотрел в сторону Возвышенности Скорпиона. Когда он оглянулся, потрясение с его лица исчезло.

— Сейф, да? Ладно, это странно. Должно быть всякая всячина скрыта в этих горах.

— Как твой дом, Дженсен? — вдруг заговорил Мэддокс. Он не понимал, зачем спросил. Что-то все-таки беспокоило его с тех пор, как он увидел богатый Викторианский особняк. Его ремонт, очевидно, потребовал значительных расходов. Дженсен был низкого полицейского чина в маленьком городке. И один взгляд на Кейси говорил, что она не из тех, кто зарабатывает. Она была из тех, кто тратит.

— Мой дом? — Дженсен помрачнел. Он посмотрел на Мэддокса, но совсем иначе. Обжигающего взгляда предательства не было, его сменил настороженный блеск.

— Ага, никаких повреждений от наводнения, да?

— Знаешь же, что нет, — прорычал Дженсен. — И что, черт возьми, тебе приспичило поговорить, будто мы старые приятели?— и до того, как доковылял до своего грузовика, он остановился рядом с Габриэлой. Он говорил тихим голосом, но Мэддокс все равно услышал. — Ты идиотка, если веришь тому, что он, на хрен, говорит.

Прежде, чем он закрыть дверь пикапа, он бросил через плечо. — Мы еще не закончили, Мэддокс. Даже близко к тому.

Габи крепко обняла его, когда Дженсен уехал. Взгляд карих глаза Мигеля был все еще в мучительной неопределенности. Мэддокс попытался улыбнуться ему, чтобы он понял, что все будет в порядке. Он обнимал их обоих, пока они шли обратно к дому. Он ответил брату только в уме.

Нет, мы не закончили, Дженсен. Мы ни хрена вообще не делали.

Глава 18.

*Раздор Сити,
Территория, штат Аризона
1890*

Наводнение унесло двадцать семь жизней. Двадцать семь человек, которые дышали и смеялись, а когда прорвало Дамбу Orange Grove, это заставило их замолчать навсегда. Жертвами стали семьи, живущие в низине и шахтеры, презираемые в лагере шахты Скорпиона и влачившие жалкое существование на берегу реки. Раздор-Сити накрыла горечь утрат. Анника не была лично знакома ни с одним из потерянных душ, погибших в водах реки Хассаямпы, но она остро ощущала свою печаль, понимая, что если бы не Мерсер, она была бы одной из них.

Джеймс даже не взглянул на нее, когда она вернулась на следующее утро на старой кобыле Лиззи Пост. Отец Дези, Карлос, замолвил за неё словечко. Он знал, где она провела ночь, и Джеймс был не дурак.

Как у городского маршала, у него было значительно много обязанностей, и он только остановился на час, чтобы остановиться дома и сменить свою грязную одежду. Она знала, что последние двенадцать часов были ужасными, у него была страшная рутинная работа, помочь выловить тела, когда вода отступила. Тяжесть ужасов, еще не законченных, лежала тяжким грузом на его широких плечах, и он отвернулся от нее.

— Джеймс, — она потянулась к нему, ненавидя страдания его ссутулившейся фигуры.

Он не ответил, повернув голову в сторону и закашляв.

— Ты хочешь быть его шлюхой, — резко сказал он, — тогда иди и будь ей.

Аника согнулась, словно его слова нанесли реальный удар. Они были сказаны и обратно не вернешь. Она знала, что никогда не была справедлива к Джеймсу. Она вышла за него замуж, а в сердце был его брат. Это было непростительно, точно. Тем не менее, она подняла голову и вызывающе посмотрела на своего мужа, она понимала, что вина не полностью лежала на ней. Джеймс Долан сломался по причинам, которые мало что общего имеют ли с ней. Она не признает своей вины за это.

— Будь ты проклята, Анника, — выругался он, окончательно повернувшись к ней. Она думала, что увидела ненависть в его глазах, и она приняла его слова. Игра в замужество была закончена.

— Может быть, я и проклята, — она кивнула. — Может быть, с того момента, как я встретила с ним, — она хрипло засмеялась, вспомнив тот момент, как Мерсер нацелил пистолет, пока его банда грабила этап.

— Да, — Джеймс кивнул. — Я думаю, что это правда.

Он смотрел, как она сняла обручальное кольцо и, прихрамывая, подошла к столу кухни, осторожно положив его там. Джеймс вышел, не сказав ни слова, оставив ее одну в их общем доме. Анника сняла простыню с матраса и небрежно бросила одежду и другие вещи в неё, связав её концы. Ей пришлось ссориться с Мерсером, чтобы тот не сопровождал ее. Когда она вспомнила жгучую ненависть в глазах Джеймса, она обрадовалась, что братья не оказались в одной комнате.

Она, хромая, вернулась к лошади, и силясь подняться, с сожалением подумала о

последней воле Лиззи Пост. Она хотела, чтобы Мерсер и Джеймс помирились. Что теперь, конечно, будет не возможно. Но может быть, это никогда и не было возможно. Даже без нее, они были не в ладах, с тех самых пор, когда они вступили в конфронтацию, как мужчины. Анника попыталась представить, такую же напряженность между ней и любым из ее братьев и сестер. Она не смогла.

Она не оглянулась, когда повернула лошадь, навсегда оставив дом Джеймса. Да, она думала о нем уже как о доме Джеймса, а не как о своем собственном. Ее дом был там, где был Мерсер.

На третий день после потопа Анника вернулась в школу. Карлос и Дези-де-Кампо уже были там, прохаживаясь по руинам.

— Миссис Долан, — сказал Карлос, вежливо помогая ей, когда она слезала со спокойной старой кобылы Лиззи Пост. Ее лодыжка все еще довольно сильно болела и была плотно забинтована для удобства. Мерсер срезал верхушку от старого сапога, чтобы она могла надеть его.

Карлос взял ее за руку и предложил ей опереться на него, пока она с сожалением осматривала повреждения.

— Я полагаю, этот класс не скоро восстановят, — вздохнула она.

Дези взволнованно повернулся к ней. — Миссис Долан, вы придете учить нас в школу Раздор-Сити?

Анника в замешательстве уставилась на мальчика. Его отец прочистил горло и заговорил.

— Школьный совет счел нужным, чтобы все дети Раздора обучались в школе. К счастью школа не пострадала от наводнения.

— Мы начинаем в понедельник! — вставил Дези.

Анника была удивлена. — Я не слышала.

Карлос де Кампо бросил на нее косой взгляд. — Джеймс был очень настойчив с другими членами школьного совета.

— Ого, — Анника покраснела. Карлос в отношении нее был корректен, она почувствовала, что некоторые сплетни относительно неприятностей между ней и Джеймсом Доланом достигли жителей города.

Аннике удалось улыбнуться Дези. — Как чудесно. Мисс Хардвик, я слышала, прекрасный учитель.

Дези помрачнел. — Вы больше не будете моим учителем?

— Ну, Дези, — она обняла его за худые плечи, — это учеба. Она не должна ограничиваться чем-то одним. Ты замечательный ученик. Для меня будет честью продолжать дополнительные уроки с Вами. То есть, — сказала она тихо, — если твои родители не будут возражать.

Анника взглянула на Карлоса де Кампо. Человек, казалось, не слушал, пока задумчиво рассматривал импровизированную школу. Вскоре станет известно, что она оставила Джеймса Долана в пользу его брата с сомнительной репутацией. Отец, возможно, не хотел бы, чтобы его сын находился в компании таких людей.

— Дези это понравится, — мягко сказал Карлос.

Когда Карлос помог ей сесть на лошадь, он напомнил Аннике, что Мисти все еще в его сарае из-за того, что Дези провел её домой в день потопа.

— Я могу привести ее к вам, — предложил он, не встречаясь с ней взглядом.

— Я благодарю вас. Я на ранчо Лиззи Пост, — сказала она с твердостью, интересно, как он отреагирует.

Однако Карлос де Кампо почти не обратил внимания. Он наблюдал, как его сын скакал по упавшим стволам деревьев и балансировал, раскинув руки в стороны. Когда он повернулся к Аннике, в его глазах она увидела слезы.

— Сказать "спасибо" будет не достаточно, — сказал он с чувством. — *Gracias (исп. Спасибо)*, Анника Долан. От всего сердца.

Анника посмотрел на скачущего мальчика, не обращавшего внимания на их переживания. Она улыбнулась. — У него будет хорошая история, чтобы когда-нибудь её рассказать, — сказала она.

Карлос кивнул, улыбнувшись в ответ. — Конечно, будет. Его детям и детям их детей, — он махнул рукой в сторону гор, которые возвышались над шахтой Скорпиона. — В конце концов, я всегда говорю ему, что еще до золота и до того, как появилась деревушка, де Кампо были здесь, — он кивнул широкими полями своей шляпы в её сторону. — Так будет всегда.

Мерсер вернулся к работе на шахте. Анника не понимала его, но он не хотел слышать никаких аргументов. Однажды он загадочно сказал ей, что это будет ненадолго. И это еще больше её беспокоило.

Она сидела в узком кресле и ждала его. Дверь была приоткрыта, чтобы пропускать слабый осенний ветерок внутрь. Вид быстро скачущего Мерсера на его черном жеребце, был причиной того, чтобы ее сердце затрепетало, и она тщетно пыталась подавить нервное возбуждение, которое всегда наполняло ее, когда он был рядом. Он был настолько естественен в седле, что выглядел бы нелепо, если бы делал что-то другое.

Потом, когда он соскочил с лошади, она уставилась на него в изумлении.

— Мерсер! Ты мокрый.

— Конечно, сахарочек, — он пожал плечами, пока снимал рубашку. — Пришлось искупаться в Хассаямпе, не хотелось бы идти домой к моей леди с налипшим слоем противной земли из шахты.

Она скривилась. — Большинство мужчин снимают одежду, прежде чем прыгают в воду.

Мерсер хлопнул за собой дверь, невзначай расстегнув брюки. Он наблюдал за выражением ее лица, когда она посмотрела туда. — Я не большинство мужчин, — жестко напомнил он ей.

Анника сглотнула, когда ее тело начало реагировать от мысли, что Мерсер будет делать то, что ему нравилось делать с ней. — Ужин остынет, — сказала она, указывая на бобы и печенье, которые она ему наложила.

— Я согласен на холодный. — ответил он, поднимая ее из кресла и укладывая на одеяла перед очагом.

Когда он резко поднял вверх юбку и уткнулся лицом между её ног, она ахнула. Он быстро отмел её возражения своим языком. Мерсер был невероятно искусен, находя ее глубочайший центр удовольствия. Она почувствовала, как распускается с ним, становится влажной, пока он вылизывал её.

Он резко остановился, зависнув над ней и улыбнувшись. Он любил так делать, довести ее до грани и задержаться, пока она не сойдет с ума.

— Пожалуйста, — простонала она, прижимаясь, отчаянно близкая к оргазму и готовая сделать все, чтобы добраться к нему.

Он успокаивал ее. — Держись, я доведу тебя, дорогая. Но сначала мы немного

поиграем.

— Еще, — она задыхалась, когда почувствовала его пальцы в себе. — Жестче, пожалуйста. О, жестче.

— Пока еще нет, Анни. Чем дольше ты будешь сдерживаться, тем сильнее он обрушится на тебя. Боже, я люблю смотреть, когда ты почти готова кончить. Хорошо Анни, скажи мне, как ты хочешь его.

— Засунь, — прошептала она.

Он поддразнил ее своим кончиком.

— СЕЙЧАС ЖЕ! — закричала Анника, и Мерсер вошел, она кончила с такой интенсивностью, что забыла, где находилась.

Но Мерсер только начинал. С каждым толчком он говорил ей низким, соблазнительным голосом, который уносил ее дальше и дальше.

— Я думал об этом, Анни. Все проклятый день, когда я был в мрачном аду этой проклятой шахты. Ты все, чего я хочу, милашка, ты же знаешь?

— Да, — она всхлипнула, потому что она ему верила, когда он говорил это.

— Я люблю тебя, Анника.

— Да, Мерсер, люби меня крепче, — сказала она, снова приближаясь к пику наслаждения, сжимая его и думая, что это было бы с кем-то другим. Она чувствовала, как будто ее тело вылеплено под него. Когда он вздрогнул и послал свое семя глубоко в неё, она впиалась в его шею, укусив и сильно засосав, пока он полностью не наполнил её.

Мерсер засмеялся, держась за шею. — Что это было?

Аника довольно потянулась. — Может быть, я в действительности древнее существо, которое высасывает кровь из твоего тела.

Он приласкал ее грудь. — Ты еще что-нибудь пососешь?

— Может быть, если ты будешь хорошим.

Мерсер стал серьезным. — Я буду относиться к тебе хорошо, Анника. Настолько хорошо, как смогу.

Он оперся на локоть, все еще играя с ее грудью, она провела пальцами по его груди. Его тело было её бесконечным увлечением.

— Мерсер? Почему ты работаешь на шахте?

Его взгляд померк, и он отстранился. — Каждый мужчина должен зарабатывать себе на жизнь, Анника.

— Но ты сказал, что это ненадолго.

Мерсер голый подошел к столу и взял кусочек печенья. Он попытался отстраниться от поднятой серьезной темы. Его глаза блеснули, когда он посмотрел на нее на полу. — Так и будет, Анни. Будь уверена.

Аника вздохнула и одернула юбку на босые ноги. Ей было плохо от того, что он не договаривал. Возможно, есть вещи, которые он никогда не расскажет ей, и быть с Мерсером означало смириться с этим. Но, когда она вспомнила предостережение Джеймса о трудностях с вытягиванием головы Мерсера из петли, ей стало не по себе.

Она не знала, как долго она проспала там у камина. Мерсер накрыл ее вторым одеялом, и она проснулась раздраженная, потому что заснула в корсете. Действительно, она должна просто отказаться от проклятой вещи, на фиг манеры. Ее мать упала бы замертво, если бы узнала, но понимала, что Мерсер был бы не против. Она слегка усмехнулся при мысли о том, насколько сильно он бы не возражал.

Анника огляделась. Она оценила по отбрасываемому свету, что был ранний вечер. Мерсера нигде не было и в помине. Но когда она поднялась с пола и вздрогнула от ноющей боли в лодыжке, она услышала мужские голоса. Один из них был явно голосом Мерсера. Голос собеседника был более глубоким и казался смутно знакомым. Когда она открыла дверь и глянула на лица, четверо мужчин были застигнуты врасплох, и она поняла, почему.

— Каттер Дэйн, — сказала она, качая головой. Лидер дэйнсов улыбнулся ей. Она встречала его однажды и только на мгновение, двумя годами ранее на улицах Раздора.

— Я прошу прощения, мэм, — протянул он. — Я не уверен, как правильно к Вам обращаться.

Анника посмотрела на него. — Ничего страшного и, готова поспорить, Вы чертовски хорошо знаете, что можете называть меня Анника.

Мерсер, который стоял ближе всего к Каттеру Дэйну, бросил ей предупреждающий взгляд. — Иди внутрь, Анника.

Она скрестила руки на груди. — У вас ребята секреты? Возможно, это что-то связанное с шахтой?

Это было пальцем в небо, но она могла сказать от взгляда на лицо Мерсера, что она была права. Двое других мужчин, которые стояли рядом посмотрели на нее с подозрением. Но Каттер разразился громким смехом.

— Неумная маленькая учительница, — сказал он, хлопнув себя по колену и посмотрев на нее искоса так, что она чувствовала себя неуютно. Затем он резко перестал смеяться и прищурился. — Что, если это произойдет, Анника? Вы ускачете в мгновение ока рассказывать Шерифу Долану об этом?

Она посмотрела ему в глаза, зная, что перед таким человеком, как Каттер Дэйн, невозможно не дрогнуть. — Нет, — просто сказала она и вернулась в дом, хлопнув дверью.

Прошло немного времени, и она услышала, как трое ускакали прочь. Мерсер медленно открыл дверь. Он, казалось, удивился, обнаружив, что она сидит за столом его и ждет. Она подтолкнула ему другой стул.

— Мы должны поговорить, моя дорогая?

Он неохотно сел. Его грудь была оголена, и у него был вид маленького мальчика. — Ты злишься.

— Конечно, — фыркнула она. — Я думала, что ты с этим всем покончил.

— Это ты так думала, — отрезал он. — Я никогда не говорил этого.

— Мерсер. — она почувствовала, как накатывают слезы, и возненавидела себя за слабость. — Я думала, что мы собирались быть вместе.

— Так и есть, Анни. — Мерсер встал перед ней на колени, приподнимая её голову за подбородок. — И мы будем. Ничто не сможет удержать меня подальше от тебя.

Она мрачно улыбнулась. — Даже Каттер?

Мерсер нахмурился. — Послушай, я не знаю, что на уме Каттера и Таннеров. К тому времени, я подозреваю, что уйду. И ты со мной.

— К какому времени? — прошептала Анника.

Он притянул ее к себе. — Это не то, что ты думаешь, Анни. Свиллинг проворачивал эту аферу в течение многих лет. Думаешь, он получил тот большой дом за честную зарплату? Конечно нет. Они все в этом. Свиллинг. Таунсенд. Дерьмо, может быть, даже Джеймс. При всей той золотодобыче из этих жил довольно таки трудно заметить, когда немного пропадает без вести. Особенно, если толстосумы при власти не хотят замечать, потому что

они позже получат пару больших кусков этого торта.

Анника недоверчиво посмотрела на него. — Ты работаешь со Свиллингом? Господи, Мерсер, этот мужчина змея, разве что еще не шипит. Ты не должен ему верить.

— Зато я верю Каттеру, — тихо сказал Мерсер. — И Каттер, единственный, кто поддержал это дело. Это стоит того, Анни. Еще несколько недель, и мы никогда больше не увидим Раздор. У нас будет достаточно золота, чтобы уехать куда угодно.

— Золото, — она сердито покачала головой. — Чертово золото. Так Каттер и банда просто где-то скрываются и ждут, что ты сделаешь грязную работу и переправишь золото из шахты?

Мерсер колебался. Он, казалось, обдумывал что-то более тщательно. — Они разбили лагерь примерно в пяти милях к северу отсюда, там, где обанкротился прииск Старый Улей. Анника, есть люди на Территории, которые убьют за эту информацию. За большинство этих голов назначена цена.

Анника, понимая, кивнула. Мерсер пытался показать, насколько он доверял ей. Как он хотел, чтобы она ему доверяла.

Он начал внезапно и грубо раздевать ее. — Верь мне, Анни. Я люблю тебя. Я всегда любил тебя.

— Я знаю, — сказала она. И тогда Анника отчаянно кинулась к нему и яростно зарылась руками у него между ног, пытаясь освободить его от штанов. Отчаяние, что она чувствовала, было ужасно. — Тогда люби меня. Пожалуйста. Я не смогу без тебя снова.

Он боролся с юбкой, пытаясь добраться до нее. — Не будешь. — он застонал, когда вошел в неё.

— Мерсер, — сказала она в отчаянии, и почувствовала, что слезы катились из глаз. Он целовал их, пытаясь успокоить ее. Но даже после того, как она тихо лежала в его объятиях, окруженные крошечной тьмой, она не могла подавить распространяющийся в ее душе ужас. Где-то, боялась она, была открыта дверь... в жерло ужасного будущего. И Мерсер, как всегда безрассудно, уже шагнул сквозь неё.

Раздор-Сити, штат Аризона

Наши дни

Мэддокс понимал, утром Габриэла стремилась сгладить неприятное ощущение происшествия, ради Мигеля. Она восхищалась золотыми камешками и паковала обед, пока спрашивала у сына множество вопросов обо всем, что он видел тем утром. Когда она увидела Мэддокса, наблюдающего за ней, она сморщила носик и отвела глаза. Его прокатили. Она не хотела о чем-нибудь еще разговаривать перед Мигелем.

Мэддокс бродил во дворе. Он посмотрел на пейзаж, который был так хорошо ему знаком, как и его лицо в зеркале. Раздор-Сити родился на костях Старого Запада. Он восторгался, как и любой мальчишка, рассказами про убийства, преступников и давно потерянные сокровища. Истории со временем, конечно, были преувеличены и приукрашены. Кто знал где правда? Какая кому разница?

Правда всегда имеет значение, сынок.

Он ясно услышал голос Священника, как будто отец стоял рядом. Священник сказал, это ему однажды, когда он отпирался, что разбил мячом окно одного из заброшенных старых викторианских особняков, еще до того как стало модным вкладывать деньги в их восстановление. Ему было приблизительно восемь на тот момент. Он сжимал кулаки и спрашивал, разве это имело значение, если в любом случае особняк разрушен?

Священник разозлился и сказал: — Потому что я задал тебе вопрос, и ожидаю, что ответ будет честным, Мэддокс. Правда всегда имеет значение, сынок.

Теперь Мэддокс был уже мужчиной и Священника нет. Он должен был слушать своего отца лучше. Он должен был сделать много чего. Он поднял трубку и набрал номер.

— Элис.

— Мэддокс! — ее голос прозвучал удивленно, услышав его. — Промиз рассказала мне о твоём отце. Я сочувствую, Мэд. Мне очень жаль. Я должна была позвонить.

— Все норм, Элис. Слушай, я тут задаюсь вопросом, могла бы ты одолжить мне немного твоих репортерских навыков.

— Что? Где ты?

— В моем родном городе, Раздор-Сити. У меня есть маленькое исследование, с которым мне нужна помощь.

— Раздор-Сити, — повторила она медленно. Мэддокс мог практически слышать движение шестеренок под ее блестящими светлыми волосами. — Да, я знаю. Участок старой Шахты Скорпиона. Несколько лет назад я путешествовала на джипе по области. Там множество историй, большинство из которых кровавые.

Мэддокс откашлялся. — Обычные истории.

— Так в чем же дело с этим исследованием? Ты собираешься на поиски клада?

— Что-то вроде этого.

Вкратце он изложил то, что нашел сегодня утром. Пещера, золото, сейф, наполовину вспомненную старую историю о потерянном кладе. Он слышал, как Элис делала заметки на другом конце.

— Это все? — наконец произнесла она голосом сомневающегося репортера, когда он закончил говорить.

— Нет, — сказал он медленно. — Кое-что еще. Что-то, что никак не связано с тайной номер один. Около трех лет назад здесь была перестрелка. Человек по имени Чез Коллетти был убит местным полицейским. Я пытался погуглить, чтобы получить дополнительную информацию, но ничего нет, кроме упоминания в местной газете, — замолчал он. — Полицейский, который участвовал в перестрелке мой брат.

— Ясно, — сказала Элис. — Этот Чез? Он был твоим другом?

— Не совсем. Я не видел его несколько лет и, по правде говоря, он был как затычка каждой бочке. Мне просто любопытно, что произошло.

— Ладно, Мэд. Дай мне час, и посмотрим, что смогу накопать.

Мэддокс фыркнул. — Это не значит, что ты должна решить все это прямо сейчас, Элис.

— Что я могу сказать? — выпалила она. — Я же «здесь-и-сейчас» девушка.

— Я знаю, — ответил Мэд. — Знаешь, ты права.

— Я всегда права. Но мне все равно нравится слышать подтверждение этого. Так дай его мне, Мэддокс.

Мэддокс закрыл глаза. — Ты слышишь меня чертовски ясно там, в Финиксе. Я однажды влюбился, — он слышал, как открылась задняя дверь, и наблюдал, как Габи шла через двор. — Это никогда не покинет меня.

Он мог услышать улыбку в ее голосе. — Ой, Мэд. Ты нашел свою черничку.

— Нашел. А ты?

— Думаю, что тоже нашла.

В тот момент, когда Элис повесила трубку, до него дошла Габриэла. Она обняла его за плечи и прижалась лицом в изгиб его шеи.

— Мигель смотрит телевизор, — сказала она. Габриэла глубоко вздохнула: — Боже, это отстой.

— Так Дженсен появился здесь из ниоткуда и начал реветь, как сукин сын?

Она кивнула. — Довольно сильно. Мэддокс, я даже не думаю, что он действительно верил в то, о чем говорил. — она замолчала. — Между вами двумя всегда было что-то подобное, так? Клубок любви и ненависти.

— Думаю, больше ненависти, чем любви.

— Ты не ненавидишь его.

— Нет. Но долгое время думал, что ненавижу.

Она переместила подбородок, положив его на плечо. Ее дыхание на его шее было таким горячим, что это завело его. — Я так рада, что у меня нет братьев и сестер, — сказала она.

Он обнял ее. — Спасибо, Габс.

Она немного оттолкнула и с любопытством посмотрела на него. — За что?

Мэддокс поцеловал ее в лоб и запустил руки в ее шелковистые волосы. — Что не поверила в это.

Она улыбнулась и запустила руку под рубашку и уже от этого, что он был готов. Габи почувствовала это и улыбнулась.

— Не в свете дня, — поддразнила она.

— Кто сказал тебе, что трахаться нужно только ночью?

Она приподняла бровь. — Не обязательно ночью, только тогда, когда возможные наблюдатели спят, — она коснулась его губами, и отблеск беспокойства пронесся по её лицу. — Нам надо поговорить кое о чем, Мэд.

— Знаю, что надо, детка, — он рассеянно погладил её по рукам.

— Позже?

— Позже, — согласился он. — Клянусь.

Элис отвечала за свои слова. Если она сказала, что объявится в течение часа, она именно это и имела в виду. Она была в своей стихии, пустилась в подробности еще до того, как Мэддоксу удалось произнести: «Привет».

— Раздор-Сити был основан, чтобы служить потребностям чрезвычайно процветающей Шахты Скорпиона. Дело на шахте было организовано Scorpion Mining Company в конце 1870-х годов. Это было гнилое добывающее предприятие. Деньги в то время были просто превыше каких-либо обязательств, вот что притягивало, но те, кто шел в недра, как правило, платили более высокую цену. Слепота, испорченные легкие, потерянные конечности, потерянные жизни. Это была жестокая работа под руководством мужчин, которые были преступно жадными и потеряли какую-либо человечность. Раз за разом шахтеры гробили себя под землей, где не сигналили об опасности в местном городке, высасывающем все их зарплаты. Бедные сукины дети. Вряд ли их можно винить за пьянство и пользование проституткой, которые были...

— Господи, Элис, — прервал Мэддокс, раздраженный ее длинной речью. — Избавь меня от гребанных подробностей, а?

— Ага, сейчас, капризный подонок, — раздраженно сказала она. — Свирепствовали кражи золота, и, если это обнаруживали, то жестоко наказывали. Вор, который мог быть, а мог и не быть козлом отпущения, часто быстро нес наказание посредством так называемого самосуда, который финансировался наблюдателями за добычей полезных ископаемых. Тем не менее, это происходило регулярно. Теперь, насколько я могу сказать, та старая история, которая передавалась из поколения в поколение, имеет некоторые основания. Было несколько реально недобросовестных типов, работающих в то время в городе, к тому же имеющие отношение к старому Западу. Доказательства указывают на то, что они были в сговоре, чтобы украсть золото, вербуя рабочих пчелок спускаться в недра и сотрудничать с ними в нечестных намерениях. Главный старшина, хитрый ублюдок по имени Свиллинг, якобы держал тайник в своем кабинете, запертый в сейфе. Довольно неразумно, учитывая тот факт, что кто-то мог найти проклятую вещь и скрыться с ней. Во всяком случае, он исчез примерно в то же время, как он был застрелен в своем салуне бандой головорезов. Были слухи, что он был похоронен где-то в Горах Скорпиона или его смыло водами реки Хассаямпа, но так как никто с уверенностью и не узнал, в первую очередь все эти истории были только слухами. Более чем вероятно, что та самая кучка преступников унесла его. Интересно, что рассказы передавались из поколения в поколение, пока все что хоть мельком напоминающее правду было безнадежно похоронено. Знаешь, моя диссертация в АСУ была по аналогичной теме, эффект устной традиции на факти...

— Элис, — проворчал снова Мэддокс, усаживаясь в старое кресло из красного дерева, и покачал головой.

— Да, — сказала она. — Прости. Знаешь, я переживаю, Мэд. Во всяком случае, по той другой причине? Смерти Чеза Коллетти? Я позвонила приятелю и смогла выудить виртуальную копию полицейского отчета. Выглядит так, будто в типичном мужском деле что-то пошло не так.

— Повтори еще раз? — попросил Мэддокс.

— Покер. По крайней мере, официальная версия. Сидела эдакая шайка чуваков со своими пивными животами, выкидывала карты, пока ваш старый приятель Чез не начал

горячиться, думая, что его обманули. Он размахивал пистолетом и выстрелил, и в конечном итоге подстрелил Дженсена Маклеода...

— В колено, — закончил Мэддокс, уже зная эту часть.

— Верно. Так что твой брат сделал меткий выстрел, зафигачив Чезу прямо в сердце, и все. Двое других мужчин, присутствующих при этом, подтвердили, что они испугались за свою жизнь, что их убьют.

— Двое других мужчин? Одного из них звали Брайс Сандерс?

— Ага. Погуглила его. Вижу теперь он мэр. Другой свидетель, Алан Таунсенд, его двоюродный брат, вроде?

— Да, — отозвался Мэддокс, припомнив, что так и есть. — Довольно много крови здесь в Раздоре намешано. Я помню Алана. Он был примерно таким же, как и Чез.

— Чертов Мэддокс, есть кто-нибудь, кто тебе нравится?

— Ты мне нравишься, — сказал он, улыбаясь. — Спасибо, Элис.

— Ты не говорил мне ее имя, — потребовала Элис. — Знаешь, я должна выбить дерьмо из нее, как только мы встретимся здесь.

— Габриэла де Кампо, — тихо сказал он, про себя улыбаясь. Так долго просто намек на это имя вызывал спазмы в животе. Но теперь он чувствовал только пьянящее тепло страсти, смешанной с чем-то более глубоким.

Когда он, наконец, закончил разговор, то обнаружил, что племянник в трех футах стоит и смотрит на него. Он, недоумевая, посмотрел на Мигеля.

— Ты что кот или что-то вроде?

Мигель поднял брови. — Что?

— Я ни хрена не слышал, и вот ты стоишь здесь, как будто только что упал с неба. Это может быть удобно.

Мигель обрадовался. — Да, я тренируюсь. Мама ненавидит это, ругает меня за то, что «подкрадываюсь, как животное». Думаю, что когда-нибудь я захочу быть Морским котиком, как Священник.

— И подкрадываться к окружающим это обязательная часть тренировки?

— Не повредит, — ребенок пожал плечами. — С кем ты разговаривал?

— С подружкой.

— Девушкой?

— Нет

— Моя мама твоя девушка? — Мэддокс не пропустил надежду в голосе Мигеля, хотя он пинал песок и старался, чтобы его тон был обычным. Мэд попытался тщательно выбирать слова.

— Думаю, что ты должен спросить об этом свою маму.

— Я так сделал. Она накричала на меня.

— Ну, вот тебе и первая подсказка, Шерлок. Иногда люди не хотят открывать свои сердца десятилетиями.

— У меня нет лишних десяти лет. Я развит не по годам.

Мэддокс рассмеялся. — Кто тебе это сказал?

— Мои учителя, мой отец.

— Ну что ж, я думаю, что это оправдано.

— Эй, Мэд, у тебя есть Grinning Gulls на телефоне?

— У кого нет? Гребанное приложение.

— У меня нет, — многозначительно сказал Мигель, — потому что у меня нет телефона. Мэддокс усмехнулся и отдал Мигелю телефон, который схватил его с нетерпением.

— В следующий раз просто прямо попроси меня.

Габриэла сидела на полу в гостиной складывая кучу чистого белья. Она всегда была трудолюбивой, всегда переходила от одной работы по хозяйству к другой, как будто понятие свободного времени было анафемой. Он вспомнил, что она была такой и в школе, всегда уткнувшись в книгу или чертя домашнее задание. С тех самых пор.

— Мы должны сделать барбекю сегодня вечером, — сказал он вдруг.

Габи странно посмотрела на него, складывая напололам выцветшее бирюзовое полотенце, которое, как знал Мэддокс, видело по крайней мере трех президентов. — Я думаю гриль все еще снаружи. С углями.

— Да, я знаю. Я видел немного старого угля в гараже. Полью его жидкостью для поджига, и все будет классно.

— Что случилось, Мэддокс?

— Что ты имеешь в виду? Я только планирую ужин.

— Тебя это все тревожит. Что да как?

Он вздохнул. — Я не знаю. Может быть, вся эта фигня с Дженсенем. Я собираюсь прокатиться в город. Тебе что-нибудь нужно?

— Можешь взять немного мяса. Если ты действительно хочешь приготовить гриль сегодня вечером, — на лице была тревога. Она складывала полотенце трижды, и он это заметил. — Мэддокс, ты скоро вернешься, да?

— Конечно, я скоро вернусь. — он наклонился, чтобы поцеловать ее. Он имел в виду, что поспешит, но она крепко ухватила за рубашку и притянула его на себя. Мгновенно проникнув языком в его рот, заставляя гулко стучать его сердце. Мэддокс привалился на неё своими бедрами, чтобы она почувствовала, что делала с ним каждый раз. Каждый чертов раз.

Объятия долго не продлились. Габи оттолкнула его и снова начала складывать постиранное.

— Сложно ездить с огромной эрекцией, — сказал он ей сухо, намекая, что она должна что-то сделать, прежде чем дать ему уйти.

— Это даст то, к чему вернемся попозже, — улыбнулась она, аккуратно скрестив ноги под собой.

Мигель сидел на корточках на крыльце, с лицом в паре дюймов от электронной игрушки. Он поднял голову, когда услышал рев ожившего двигателя мотоцикла, и Мэддокс махнул рукой. Когда мальчик улыбнулся, Мэда осенила внезапная вспышка дежа вю; на долю секунды ему показалось, что смотрит на двадцать лет назад. И там сидит его брат.

Глава 20.

*Раздор-сити, Территория, штат Аризона
1890*

Прошло две недели, и не было никаких признаков Джеймса. Честно говоря, теперь она пыталась держаться подальше от города, где была хорошо известна, как совершившая прелюбодеяние. Последний раз миссис Свиллинг поймала ее за пределами Торгового центра, женщина-губошлепка прожигала её уничтожающим взглядом. Анника пыталась убедить себя, что это не имеет значения, но всякий раз, когда она представляла ужас Мари Ларсон, которая обнаружила бы нечестивость дочери, она не могла просто отбросить чувство стыда. Она только написала сестре, Бритте, частичную правду, намеренно не допуская ни единого упоминания о Мерсере. Бритта все равно сама бы не заметила. Ее письма часто говорили о наступающем западе; она недавно вышла замуж за приносящего проблемы шотландца и ее письма были полны прижизненных подвигов Кассиуса Маклеода.

Лодыжка Анники медленно заживала, и она стала все более неугомонной на ранчо Лиззи Пост. Мерсер каждый день уходил с утра и до темноты. Каждый раз, когда она слышала, что он возвращается, она выдыхала со слабой долей облегчения, что он прожил еще один день и не был пойман или задушен, или его не разорвало в клочья, как иногда бывало с шахтерами.

Он никогда не разделял её опасений и всегда отвечал на её вопросы циничной усмешкой.

— Скоро, — говорил он, когда она спрашивала его, сколько еще времени, чтобы разобраться с этим и уехать.

Это был идеальный осенний день, и Анника решила прокатиться в Раздор на Мисти. Она не собиралась останавливаться на Торговом, независимо от того, кто бы на неё ни посмотрел. Возможно, было письмо от Бритты. Пока лошадь шла красочным утром, мысли Анники ушли куда-то далеко. Туда, куда и всегда, к Мерсеру.

Чем больше она была с ним, тем больше он открывался. Мерсер Долан был не простой преступник. Анника и так уже это знала. Он был сложным и страстным человеком. Это тронуло ее сердце, когда он лежал у неё на груди и рассказывал о любопытных перемещениях, когда рос без воспоминаний о своих родителях. Конечно, он любил Лизи Пост, как обычную мать. И, он напрягался, при упоминании о Джеймсе. Последнее живое упоминание, что его фамилия Долан.

Мерсер никогда не чувствовал себя в Раздор-Сити как дома. Он нашел свое место с группой жестоких мужчин, которые были выброшены на периферию общества. Он рассказал ей немного о них. Братья Таннеры были выжиты насильем эпохи войны на границе Канзас-Миссури. Кома Медичи, имя, которое Анника раньше не слышала, был итальянским иммигрантом, который бежал от каких-то таинственных юридических трудностей в городе Нью-Йорке. Были и другие, люди, которые попадали и уходили из банды дэйнсов. Было одно имя, которое он старался не упоминать. Он знал, как это раздражало ее. Тем не менее, он рассказал ей о Каттере Дэйне, когда она спросила. Лидер банды преступников был только мальчиком, когда увидел, как его мать была расстреляна парой дезертиров янки, пока армии Союза прожигали свой путь через Джорджию. Дядя Каттера Дэйна, по иронии судьбы

бывший солдат Союза, взял осиротевшего западного мальчик.

— Неужели он действительно убивал людей? — спросила Анника Мерсера и почувствовала, как он напрягся.

— Только тогда, когда должен был, — отрезал Мерсер, и она знала, что он имел в виду Каттера.

— А ты? — прошептала она.

Мерсер отвернулся и отказался отвечать.

Когда Анника доехала до Раздора, она с оттенком грусти вглядывалась в лоскутный город. Она полюбила его за два года, которые провела здесь. Она думала, что однажды она и Мерсер отправятся в неизвестные места, и скорее всего уже не увидит его снова. Дэйнсы распадутся. И это к лучшему, сказал ей Мерсер. Каттер Дэйн вырос с ценником за голову и стремился начать по-новому с неизвестным именем.

— И куда мы уедем? — спросила она Мерсера.

— Куда хочешь, Анни, любовь моя, — ответил он, сжимая ее в крепких объятиях.

Анника услышала далекий свисток из шахты и вздрогнула. Она надеялась, что там, где она и Мерсер поселятся, не будет шахт. Описывая ему открытый простор, что она всегда желала, он задумчиво кивнул. Это огорчало ее, что они будут покидать Раздор с похищенным золотом, но кому оно понадобилось? Свиллингам? Таунсенду? Вороватому Доктору Клетусу, который приехал в город в прошлом году и брал взятки?

Анника раздраженно вздохнула. Она уже переступила через свои моральные устои, чтобы быть с человеком, которого любила. Он поменял ее оценки добра и зла, правильного и неправильного. Или, может быть, это было новое осмысление. Правда в том, что жизнь не совершенна. Были, как правило, мотивы у тех, кто утверждал, что так оно и есть.

Раздор-вэй была довольно тихой. Новое здание почты было построено рядом с Торговым. Анника надеялась на письма, чтобы отвлечься от тревоги.

Она не направлялась в сторону Комнаты Розы, но знакомый кашель заставил ее свернуть в этом направлении. Джеймс вывалился из задымленных глубин, прижимая платок к лицу. Анника остановила лошадь и посмотрел на человека, который юридически был еще ее мужем. Он выглядел хуже чем просто плохо. Он выглядел ужасно. Анника почувствовала ужасную печаль, когда смотрела на Джеймса Долана пытающегося отдышаться недалеко от Раздор-вэй. И тут же появилась одна из куколок и повела его обратно в помещение. Анника была рада, что он не заметил её. Она не знала, что ему сказать.

Она знала, что однажды Мерсер ходил к брату, после наводнения. Он не рассказывал ей, о чем они говорили, а печально уставился на ночное небо и сказал, как ему тяжело на душе.

Писем не было, и Анника огорчилась, что поехала в город. Пока она медленно вела лошадь обратно на ранчо, она грустно смотрела вниз, на низину, когда пересекала Скорпион-роуд. Трудно было поверить в трагедию, которая произошла всего лишь несколько недель назад.

Когда Анника услышала приближение всадника, она направила Мисти в сторону от дороги, чтобы дать дорогу. Когда всадник резко остановил лошадь рядом с ней, она удивленно подняла голову.

— Анника, — сказал Карлос де Кампо, спешная интонация в его голосе, а также несвойственный оклик по имени, спровоцировал в душе страх.

— Что? Что случилось?

Мужчина задержал дыхание и дико осмотрелся. — Я только что вернулся от Скорпиона.

Мерсера поймали. Они говорят, что он украл золото. Свиллинг хвастает, что его вздернут на рассвете. Говорит, что это будет предупреждением для других потенциальных воров.

— Свиллинг, — Анника прошипела это имя, — проклятый мошенник.

Карлос с симпатией кивнул. — Я знаю. Поверьте, есть много людей, которые знают, что это за человек. Но это не имеет значения, потому с ним закон. Мерсер никогда не предстанет перед судьей. Свиллинг послал за городским маршалом, чтобы арестовать его, но его ждет тот же конец, что и Эмилио — в руках толпы сегодня вечером.

— Джеймс по-прежнему городской маршал, — Анника покачала головой. — Нет, Джеймс не будет спокойно смотреть, как вешают его брата.

Карлос замолчал. — Анника? Вы в этом уверены? — спросил он, и она поняла, что совсем не уверена.

Тюрьма была расширена за год до того, и кирпичное здание, маячившее с северного конца Раздора-вэй, постоянно пополнялась различными преступниками Раздор-Сити. Анника могла видеть хаос вдалеке, пока она ехала на Мисти назад через центр города.

Джеймс увидел её приближение. Он стоял с каменным лицом перед тюрьмой, скрестив руки на груди. Мерсера, должно быть, уже бросили внутрь. Мэр Таунсенд стоял перед небольшой толпой с блаженной улыбкой на толстом лице. Анника увидела, как несколько человек плюнули в песок, пока мэр кричал о «справедливости». Свиллинг прислонился к стене здания, как будто в мире для него нет проблем.

Аннику никто из них не волновал. Она привязала Мисти к ближайшему постаменту и подошла вплотную к Джеймсу.

— Пожалуйста, я хочу его увидеть.

Джеймс Долан посмотрел сквозь нее. — Заключенному отказано в любых посетителях.

— Джеймс, — прошептала она в полнейшем ужасе. — Он твой брат.

Глаза мужа, так похожие на глаза Мерсера, были невыносимо холодными. — Я знаю, кто он, Анника. А ты?

Анника отпрянула, горе уже смешалось с ее ужасом. Она не думая заявила, что Джеймс никогда бы не передал своего брата, чтобы того повесили на ближайшем тополе. Теперь Анника поняла, как неправа она была. Она увидела это в его глазах.

Она смотрела на напыщенных мужчин, которые управляли Раздором и возненавидела их. Она знала, кем они действительно являлись. Если смерть Мерсера уже предрешена, то она ничего не потеряет, кое-что высказав.

Но как только Анника открыла рот, готовая прокричать обвинения, которые могли облегчить её состояние, ее руку схватили.

— Не стоит, — предупредил голос. Анника посмотрела на жесткое лицо. Этот человек ей был не знаком. Мужчина кивнул и, понимающее выражение его карих глаз заставило Аннику замолчать.

— Встретимся в полумиле к северу от Скорпион-Бридж-роуд.

Кое-кто в толпе начал хлопать любой глупости, вылетающей из уст мэра Таунсенда. Что-то вроде о «гореть в аду и воздаянии». Те же самые слова, которые выкрикивали, когда Эмилио Родригеса ненадолго заключили в тюрьму, а после толпа Раздор-Сити потащила его к смерти.

Анника обнаружила, что таинственный незнакомец исчез. Она попыталась снова поймать взгляд Джеймса, но он уперто стоял перед тюрьмой, словно в груди у него было не сердца, а кусок дерева.

Свиллинг, однако, улыбнулся ей. Анника посмотрела на его алчную улыбку и увидела омут зла. Сколько мужчин он сломал и убил под видом добропорядочности? Ходили слухи, что Свиллинг был среди приемников президента Харрисона на пост губернатора края. Её удивляло, все ли люди при власти были так же ужасающе коррумпированы.

Никто не обратил на Аннику никакого внимания, пока она медленно уезжала, бросив отчаянный взгляд за плечо в сторону тюрьмы, где она знала, под стражей находился Мерсер.

Мужчина ждал там, где он и сказал. Он спокойно сидел на своем коне и смотрел на ее приближение.

— Белла синьора, — окликнул он с восхищением в голосе. — Вы прекрасны, как никогда.

Анника была не в настроении для шуток. Может именно в этот момент, Свиллинг и Таунсенд возможно набирают себе союзников, чтобы совершить набег на тюрьму этой ночью. Анника не знала в каких отношения с этими мужчинами находятся дэйнсы, и это её не заботило. Как бы то ни было, была допущена ужасная ошибка, и Мерсер должен был стать козлом отпущения. Анника думала над словами Карлоса де Кампо. Мерсер будет не первая их жертва.

— Кто ты? — спросила она незнакомца.

Мужчина улыбнулся. Он был моложе, чем она сначала подумала. — В старом мире я был потомком знати. В этом новом я уголовный, замшелый преступник.

— У меня нет времени на загадки, — проворчала Анника, разворачивая лошадь.

— Я в связке с дэйнсами, — окликнул мужчину. Когда она снова повернулась, он вежливо приподнял шляпу. — В действительности, я в связке с Мерсером. Меня зовут Джакомо Медичи, но все зовут Комо.

Анника вспомнила это имя. Мерсер рассказывал о нем.

— Он не умрет, — сказал Анника, сжав зубы. — Вы отвезете меня к своему лидеру. Вы отвезете меня к Каттеру. Я уже знаю, что он скрывается в пяти милях отсюда.

— А если я откажусь, дорогая Анника?

— Я в любом случае найду его.

Комо Медичи посмотрел на нее. Даже бородатый и в пыли, в этом странном итальянце, казалось, было что-то знатное.

— Я помню день, когда впервые приехал в Раздор, хотя вы никогда не видели моего лица. Да, я был одним из тех людей в масках. Знаете ли Вы, что Мерсер охранял Вас каждую ночь с того дня, даже тогда, когда вы думали, что он ушел? Он дал понять, что любой, кто обидит Вас, не увидит восхода солнца. И Мерсер Долан попусту не угрожает, — Комо повернул коня и застыл в седле. — Поедем быстро, — сказал он и припустил галопом без оглядки на неё.

Анника пыталась держать темп Комо. Когда они оказались в поле зрения кучки обрушившихся зданий раздался выстрел из винтовки. Комо дернул поводья своего коня и вытянул руку, предупреждая Аннику остановиться. Она не повиновалась.

Анника не остановилась, даже когда заметила, что мужчина, стоящий на пороге обрушившегося здания направил винтовку на нее. Она не остановилась, когда она была в шаге от преступника. Она узнала его. Он был одним из тех, кто встречался с Мерсером за день до того.

— Где Каттер Дэйн? — спросила она. Она услышала, как Комо быстро подъехал за ней.

Мужчина с винтовкой, скривился. — Комо, что во имя Господа на тебя нашло, зачем ты

ее сюда притащил?

— Мерсера арестовали, — сказал Комо ровным голосом. — Кража золота. Шайка Свиллинга взяла его.

— Вот дерьмо, — мужчина опустил винтовку с угрюмым видом.

— Каттер! — закричала Анника.

— Учительница, — радостный голос послышался у нее за спиной. — Что привело сюда Ваши сладкие одежды?

Каттер Дэйн стоял не дальше десяти футов от нее, как будто она была не более, чем легкое развлечение.

Анника не удержалась. — Они собираются убить его. Мерсер должен умереть, потому что он совершил твое гребанное воровство. И что ты собираешься сейчас с этим делать?

Голубые глаза Каттера были непроницаемы. Лениво он вынул большой нож из ножен и начал рассеянно играть с ним. — Что я должен делать? И ты принеслась сюда на этой лошади. Я не со всяким мужчиной разговариваю, и я скорее проглочу иглы цереуса (*прим.гигантский кактус*), чем буду разговаривать с женщиной.

Анника соскочила с седла. Она слышала дрожь в своем голосе и попыталась это контролировать. — Мерсер твой друг. То, что он сделал, было из-за сделки, которую вы заключили, Каттер. Теперь ты должен поступить правильно и...

— Правильно! — Каттер взорвался непристойным смехом. Он с весельем посмотрел на нее. — Вы думаете, что этих ублюдков, которые устроили это шоу, ублюдков, в числе которых и Ваш муж, е*ет, что надо поступать правильно? Мне было всего двенадцать лет, когда я смотрел, как пара людей в униформе стреляли в мою мертвую мамочку. И я уверен, что кто-то где-то сказал им, что это будет правильно, — он шагнул к ней, и она изо всех сил подавляла желание отступить. — Правильно было бы состариться, лежа рядом с мужчиной, которого ты презираешь, — Каттер остановился всего в нескольких дюймах. — Но ты этого не сделала, — сказал он тихо. — Ты выбросила оловянное кольцо от него и раздвинула свои ноги для мужчины, которого ни одна порядочная женщина не захочет. И почему? Потому что он жарит тебя горячее, чем песок в июле. И потому, что ты осознаешь, что он стоит десятков этих осанистых хамов в городе. Не это ли правильно, Анника?

Она не отрицала. — Да.

Каттер кивнул, словно был ею доволен. Он указал Комо, что тот должен помочь Аннике вернуться на свою лошадь.

— Если мы приедем сегодня вечером, — сказал он громко, — это будет не потому что это, черт возьми, правильно. Я даже не знаю, что, черт возьми, это значит. Это будет, потому что Мерсер наш брат и рискнет своими внутренностями ради любого из нас, — другие мужчины забормотали в знак согласия. Комо улыбнулся ей, когда Каттер Дэйн обратился к ней напоследок. — Теперь вези свою маленькую шкурку обратно в город, учительница. И жди.

Анника посмотрела в сторону Раздор-Сити. Она не понимала, что делать с заявлением Каттера. Она решила что дэйнсы, эта банда непонятных мужчин, были единственной надеждой Мерсера против той толпы, которая возможно в данный момент уже собиралась Свиллингом. Не было ничего, что она могла еще сказать. У нее не было выбора, кроме как уйти.

Робко подняв взгляд на солнце высоко в неба, Анника направила лошадь обратно в Раздор. Был полдень. Шайка линчевателей приходит только в темноте, но темнота тоже

скоро наступит.

Глава 21.

Раздор-Сити, штат Аризона

Наши дни

Когда он добрался до Раздор-вэй, Мэддокса внезапно охватило желание умчаться. Он, не задумываясь, свернул на шоссе. Всегда было что-то завораживающее в скорости на открытой дороге в пустыне. Если закрыть глаза, Мэд мог поверить, что это словно другое время, и вместо холодных механических передач под ним, он ощущал дыхание лошади. Это была мысль, которая посещала его, когда он был еще ребенком. Он взял себе на заметку, чтобы позже повторить это Мигелю.

Мэддокс проехал знак, на котором было обозначено, что до Феникса всего шестьдесят миль. Он слегка напрягся, ожидая неумного искушения, тянущего его в этом направлении, подальше от Габриэлы и всего эмоционального хаоса, который приходит, когда открываешь себя кому-то. Но никакого искушения не было. Он пообещал Габи отложить разговор. Он не знал, что из этого выйдет. У него было мало желания оставаться в Раздор-Сити, и он не представлял себе, что навсегда оставит Отступников. К тому же, она не сможет поехать с ним, увозя Мигеля на двести миль от отца.

Мэддокс съехал с шоссе, чтобы развернуться в город. Все равно, что он будет делать? У Мэда Маклеода нет отношений. Он давно понял, что он не устроен так, как те, кто удовлетворялись одной и той же женщиной каждую ночь. Но потом он вспомнил, как расширились глаза Габриэлы, когда он впервые вошел в неё. Он вспомнил мягкость рассыпанных на нем волос, когда она лежала в его объятиях, и как ее карие глаза тщательно изучали его, как будто она пыталась перевести с языка, который только наполовину понимала. Мэддокс любил ее. Это было так просто.

Мэддокс вернулся в центр Раздора за несколько недолгих мгновений. Пока он стоял на углу Пограничной и Раздо-вэй, он взглянул на Скорпион Грилль. Это было что-то вроде местной достопримечательности. Священник и Тильди часто водили своих мальчиков туда в качестве специального поощрения. Священник бросал дротики в доску, пока пил одно пиво за другим. Его глухой смех слышался везде, в то время как Тильди ругала Мэда и Дженсена за их скудные манеры за столом.

Мэддокс узнал, что Стюарт Таунсенд действительно умер. Его внук, Алан Таунсенд, был нынешним владельцем. Когда Мэд смотрел на коричневое штукатуренное здание, Алан выбрал этот момент, чтобы выйти на улицу и закурить сигарету. Он не мог не заметить Мэддокса на заведенном мотоцикле, и небрежно махнул. Алан в школе был на два года старше Мэддокса, в классе Дженсена, и Мэддокс всегда считал его кем-то вроде приспособленца. Он не помнил, дружил ли с ним Дженсен, еще тогда, и был удивлен, услышав сейчас прямо противоположное. Но потом предположил, что это просто сложилось так между теми, кто оставался в маленьком городе. Они осматривались, смотрели, кто остался, потом пожимали плечами и существовали друг с другом.

— Маклеод, — позвал Алан. — Заходи в этот ад и выпей пива.

У Мэда не было в планах, но Алан присутствовал в ночь перестрелки Чеза, и Мэддоксу было любопытно задать ему несколько вопросов.

Он был в ресторане в день ливня и отметил, то как место преобразилось, с того

момента, когда он в последний раз видел его. Хотя даже его мало-мальски проницательный взгляд мог сказать, что все было довольно не сочетаемо. Новая гламурная обстановка плохо подходила деревенской атмосфере.

Алан присвистнул, когда подошел к бару и поставил стакан под кран. Над его верхней губой было незначительное потемнение, как если бы он безуспешно пытался растить усы.

— Мэд Маклеод, — сказал он, качая головой. — Где же, черт возьми, ты был?

Мэддокс взял пиво и смотрел, как Алан протирает белой тканью барную стойку. — Не ной. Знаешь, на пару лет старше, но не намного мудрее.

Алан поднял на него взгляд водянистых голубых глаз. — Мои соблезновения по поводу Священника. Мы все понесли утрату. Он был настоящим столпом Раздора, — Алан указал на него. — Итак, кожа, мотоцикл, что с этим случилось?

Мэддокс думал, что это намек на насмешку, и сжал бокал. — Ничего не случилось, — сказал он. — Все люди разные, Алан.

Мужчина поднял руки и рассмеялся. — Только не бей. Я не осуждаю. Не хотелось бы пасть жертвой знаменитого нрава Мэда Маклеода.

— Вообще-то, — осторожно сказал Мэддокс, — как я понимаю, это у моего брата теперь такой нрав.

Алан поднял брови. — У Дженсена? — тупо спросил он, как будто у Мэддокс была куча братьев.

— У Дженсена, — подтвердил он.

— Неа, с чего это ты так считаешь? Он может быть и сильный, но дерьмо, он довольно мягкий по характеру.

Мэддокс решил копнуть поглубже.

— Считаешь, Чез Коллетти согласится?

При упоминании имени с Аланом что-то случилось. Он, должно быть, ужасный игрок в покер. Сразу спрятал глаза, вокруг рта побледнел. Мэддокс знал, что он ударил прямо в цель, даже когда спросил себя, что, черт возьми, он ожидает от этого получить. Надеялся ли он, что Дженсен хладнокровно убил другого человека? Нет, не надеялся. Он уже пожалел, что дал старт этому. Он хотел выпить свое пиво и уйти.

— Что он тебе рассказал? — тихо сказал Алан. Он выглядел так, будто собирался заплакать. — Черт, он рассказал тебе все, не так ли?

Мэддокс почувствовал, что его адреналин повышается. Это все дурно пахло. — Конечно, он рассказал мне все, — солгал он. — Мы же братья.

Алан развернулся. — Чез не мог держать чертов рот на замке, — он вертел тряпку в руках, пока говорил, — он всегда был жадным, глупым, сукиным сыном. Брайс сказал, что успокоит его. Появление с горой золота вызывает вопросы. Это займет немного времени, сказал Брайс. И мы не должны были явно тратиться.

Мэддокс терпеливо кивнул, как будто он точно знал, к чему вел Алан. Его разум, очевидно, был шустрее.

Гора Золота?

Он вспомнил, вид мучительного осознания на лице Дженсена, когда Мигель рассказал о сейфе и показал миниатюрные золотые камешки. Мэддокс понимал, что не был человеком непревзойденного ума, но начал потихоньку собирать кусочки головоломки. Старый сейф был грязный на вид, как будто был закопан в земле на протяжении многих лет, возможно, даже столетий. Он вспомнил свое первоначальное заключение, что его очистили от

сокровищ и бесцеремонно выбросили в тайной пещере недалеко от старого кладбища. Место Дженсена, и, возможно, только Дженсен знал о нем. Мэддокс не имел возможности узнать окончание истории; как был найден сейф, и что произошло после. Но иногда в старых историях лишь толика правды. О чем отец тоже всегда предупреждал его.

Золото на возвышенности, но и смерть тоже. Держись подальше от того места, мальчик. Да, смерть действительно была. И его брат был во всем этом замешан.

— Таким образом, — сказал он, изо всех сил сдерживаясь, даже когда Алан заметно задрожал, — жесткая расправа со стариной Чезом, но если бы он молчал, Дженсен не заткнул бы его.

Алан, казалось, пришел в себя. Его глаза сузились, и Мэддокс понял, что сказал слишком много.

— Не потому, — пробормотал он тихо. — Чез угрожал малышу.

— Мигелю? — удивлено спросил Мэддокс.

Алан не ответил, но его мысли были написаны на его лице. Он терзался словно пришибленный хорек, пока до него дошло, что Мэддокс не знал того, что он выдал. В конце концов, если Дженсен проболтался своему брату, упомянул бы он, что веских причин для смертельного выстрела не было? Кроме того, Алан, возможно, вспомнил, насколько чужими стали братья Маклеод за последнее десятилетие. Для Дженсена было бы неоправданно доверять Мэддоксу информацию такую скрытую, чтобы засадить себя за решетку.

Мэддокс сделал еще один глоток пива и невзначай бросил взгляд на Алана. Человек заерзал, но он по-новому насторожился. У него под баром могло быть оружие, но на это не было похоже. Мэд решил, что если он сделает шаг, он сможет легко перекинуться через прилавок и завалить тощего Алана Таунсенда.

Тогда Мэддокс заметил, как взгляд Алана переместился куда-то за его спину. Выражение его лица выражало облегчение, что тревожило. У Мэддокса даже не было шанса обернуться, до того, как тяжелый удар обрушился на голову справа.

— Лжец, — прошипел мужской голос.

Мэддокс осел, в его ушах зазвенело, но он не упал. Он, не глядя, рванулся вперед, понимая, что столкнулся с грубой силой другого человека, но второй удар был между лопатками, из-за чего он свалился на колени. Болезненное ощущение тепла заструилось по его голове, и он понял, что это кровь. Смутно, он предположил, что противник, скорее всего, его собственный брат. Дженсен не любил его. И если бы он чувствовал угрозу, Мэддокс верил, что тот был готов исключить все риски. Как он делал и раньше.

Струи крови полились на глаза, но Мэддокс все еще видел, что Алан суетятся, как курица, запирая дверь в ресторан. Он попытался подняться, но его разум, на удивление, был не в состоянии эффективно общаться с его конечностями.

— Звони копу, — сказал мужской голос, и Мэддокс понял, что его собственный вывод оказался неверным. Дженсен был не единственным, кто мог напасть на него. Реальность была еще хуже. Мэддокс посмотрел вверх и увидел бездонные холодные глаза Брайса Сандерса. Тогда его накрыло мраком, и он больше ничего не видел.

Глава 22.

*Раздор-Сити, Территория штат Аризона
1890*

— Джеймс, — взмолилась она. — Пожалуйста.

Маршал Раздор-Сити, мужчина назначенный для соблюдения закона и порядка, закрыл на мгновение глаза. Затем он разразился болезненным кашлем, который заставил его согнуться пополам и прислониться к двери тюрьмы для поддержки.

Анника взяла его за руку. Она знала, что Джеймс Долан не плохой человек. Но его могло покорежить болезнью, гневом и коррупционным влиянием, не важно, чем больше.

— Джеймс, — попыталась обратиться она снова.

— Долан, — проревел Свиллинг в десяти футах. Оказалось, он не двигался со своего поста рядом с тюрьмой, где Анника видела его, стоящего там же несколькими часами ранее, сразу после того, как Мерсера затащили внутрь. Глаза-бусинки жестокого босса на шахте прошлись по ней. — Не обманывайся. Его шлюха позволит ему перерезать тебе горло во сне, — Свиллинг облизнул пот с губ. Его взгляд метнулся, чтобы убедиться, что никто из проходящих жителей не слушает. — Итак, миссис Долан, посмотрите, когда сожмется шейка вашего благоверного через несколько недолгих часов?

— Ублюдок! — закричала Анника и бросилась на него. Она бы вбила эту усмешку в грязь, даже если бы это убило её. Джеймс поймал ее и оттянул, схватив за дрожащие запястья.

Свиллинг наслаждался. Он усмехнулся. — Мой наемник сказал, что дэйнсы уже в спешке уходят из своей дыры в старом Улье. Они бегут сломя голову к югу от границы, чтобы избежать веревки для себя, — он покачнулся на каблуках, и был чрезвычайно довольный собой.

— Ты лжешь, — сказала Анника, закрыв глаза. Она не поверит, пока не увидит собственными глазами. Мерсер верил в тех мужчин. Она верила в Мерсера.

Свиллинг недоброжелательно шагнул вперед. — Каттер Дэйн понимает, что я всегда знал. Кто-то всегда совершает ошибки, миссис Долан. А кто-то всегда о них знает.

— Ты поддерживаешь его, — прошипела Анника. Джеймс все еще держал ее за запястья. Она в ужасе вырвалась. — Вы все. Джеймс, ты должен был быть на стороне закона. Как долго ты сотрудничаешь с дьяволом?

Джеймс Долан не мог ответить. Он мог только кашлять.

Свиллинг усмехнулся. — Он поддерживает себя. Подлец из подлецов. Мерсер проиграл.

— Злодей! — закричала Анника. Она знала, что этого было недостаточно, но ее разум был в смятении. — Ты действительно веришь, что не заплатишься за это?

— Конечно, — Свиллинг пожал плечами, бросив многозначительный взгляд в сторону заходящего солнца. — Почти.

Джеймс перестал кашлять. Он схватил Свиллинга за руку и швырнул брызгающего слюной мужчину вниз.

— У тебя нет никаких причин быть здесь, Генри, и что-либо говорить. Теперь иди занимайся своими делами и позволь закону делать то же самое.

Свиллинг развернулся и прорычал. — Позаботься о том, на чью сторону встать, Долан.

Пока не поздно.

Джеймс не ответил. Выражение его лица стало еще более бесстрастным, пока он наблюдал, как Генри Свиллинг отряхнул от пыли его костюм. Через улицу перед Торговым, мэр Таунсенд, доктор Клетуса и кучка дельцов из города следили за всем этим.

— Ты хотела его увидеть, — сказал Джеймс без эмоций. Он открыл дверь и жестом подозвал Джеда Эйвери, молодого заместителя.

— Вы свободны на вечер, Джек. Я присмотрю за заключенным.

Эйвери едва стал мужчиной. Его гладкое, мальчишеское лицо развернулось к Аннике с удивлением, пока он наскоро уходил.

— Миссис Долан, — вежливо сказал он, наклоняя свою шляпу. Он взглянул на Джеймса, но не задержался.

Джеймс мотнул головой на тусклое помещение тюрьмы. — Так давай увидишь.

Тюрьма была темной и душной. Войдя внутрь толстых кирпичных стен, Анника почувствовала, как будто она заходит под землю. Она задавалась вопросом, так ли мужчины чувствовали себя каждый день, когда спускались в шахту. Она не понимала, как они это выносили. Дверь скрипнула за ней, заслоня дневной свет.

— Ты так красива, как в день, когда мы встретились, — сказал он.

Единственный фонарь, который горел в углу освещал его, сидящего на полу в дальнем углу камеры.

— Помнишь тот день? — он улыбнулся.

— Конечно, — она горестно опустила на колени на покрытый грязью пол. — Ты держал меня под дулом пистолета. Ты спас мою честь. И тогда же ты почти забрал её себе.

— Почти, — согласился он, просунув руку сквозь прутья, и закружил пальцами по ней. — Должен был. Если бы я только потерялся в тебе в первую ночь или вторую, или третью. Я должен был взять тебя, Анника, а потом... снова взять тебя.

Она засмеялась, чувствуя, как слезы обжигали глаза, и тщетно пыталась сдержать их. — А у меня было бы права голоса?

— Что бы ты сказала, Анни?

— Да, — прошептала она. — Мой ответ тебе, Мерсер, всегда был «да».

Он поцеловал ее руку. — Мне очень жаль, дорогая. Роль джентльмена никогда не была моей. Не хватает воздуха, как в узком костюме или женском корсете. Я даже не должен был пытаться.

Она вцепилась в него через решетку. — Я не хочу, чтобы ты был джентльменом, — сглотнула она, — Что случилось?

Он вздохнул. Даже в тусклом свете Анника могла видеть побои на лице, вероятно, бандиты Свиллинга. Про себя она снова прокляла Генри Свиллинга. — Я бы таскал по чуть-чуть каждую ночь. Начальнику смены было сказано только делать вид, что обыскивает меня. Тогда я бы нашел повод, смыться за туалетный холм и оставил дневное в бутылке молока. Свиллинг пришел бы и позже забрал. Напыщенное дерьмо, — Мерсер сплюнул на пол. — Я наблюдал за ним больше, чем он полагал. Он держал кучку похищенного золота в своем кабинете в сейфе. На прошлой неделе один из больших боссов прибыл с востока. Хотел узнать, как случилось, что жила не приносит прибыли. До утренней смены Свиллинг поклялся прочесать на наличие воров и наказать их. Дерьмо, Анника, теперь я понимаю, что это часть шарады. Он один сыграл на опережение. Он должен был бросить своим хозяевам косточку. И он знал, где найти такую.

— Что насчет Джеймса? — тупо спросила она.

Мерсер посмотрел на закрытую дверь, за которой Джеймс ждал с другой стороны. — Я не знаю, — сказал он печально. — Я действительно не могу сказать, знает он или не знает. Но в одном чертовски уверен. Он большой друг Свиллингу, чем мне.

Анника прислонилась головой к решетке и заплакала. Каттер и остальные дэйнсы отказались от Мерсера. Она поняла это. И родной брат Мерсера будет стоять сложа руки и смотреть на его повешение, пока доброе окружение Раздор-Сити будет жаждать крови вора.

Мерсер смахнул упавшую прядь волос со лба. — Моя прекрасная шведочка, — сдавленно произнес он. — Вытри свои слезы и расскажи мне о нашей земле. Земле, на которой мы проживем нашу жизнь, и где я смогу любить тебя душой и телом каждый день.

Даже если это и были несбыточные мечты, она все равно рассказывала ему об этом. Голубое небо и открытое пространство для тех, кто испытывает дикую страсть к путешествиям. Свобода жизни без присмотра и осуждения другими членами общества. Место, чтобы жить и любить.

Когда она уже не могла говорить, он наклонился и поцеловал ее.

— А теперь иди, Анни.

— Нет, — упрямо сказала она.

— Анника, — проторил он. — Видишь, лучи солнечного света вокруг двери исчезли? Сейчас темно. Если Каттер не придет, я не позволю тебе смотреть на то, что произойдет ... — он запнулся и умолк.

Когда дверь в тюрьму распахнулась, Анника завопила и распласталась на решетке. Они не заберут его. Только через её труп.

Голос Мерсера был бойкий. — Привет, брат. Ты пришел, чтобы отдать последний долг?

Джеймс быстро отомкнул решетку. — Давай, нет времени. Сейчас время ужина, и прямо сейчас никто не смотрит.

Анника посмотрел на него с недоверием. — Ты помогаешь нам?

Джеймс сбросил окаменелое выражение на своем лице, и оно приняло болезненный вид. — Я не совсем злодей, как ты думаешь, Анника.

Джеймс взял рядом стоящую кувалду и ударил ей по задней стенке тюрьмы. Кладка осыпалась, и он заглянул в темную дыру. Там и в помине никого не было за городской тюрьмой Раздора.

— Может быть, я хам и прогнивший для закона, но ради Бога, я не отдам своего брата стае убийц. Вот, Мисти привязана к дереву приблизительно в ста ярдах (*прим.около 90 метров*). Ты можешь сделать это.

Мерсер стоял рядом с ним, глядя в импровизированную дыру. Он поднял голову, прислушиваясь.

— Нет, — заявил он, качая головой. — Мы не можем.

Анника тоже слышала. Разъяренные возгласы и крики мужчин. Это был отряд.

Громкий голос донесся с улицы. — Долан! Сдай заключенного пожиному ветру справедливости!

Джеймс напрягся и схватился за винчестер. Мерсер, однако, засмеялся, что заставило брата в непонимании посмотреть на него.

Но Анника узнала протяжный акцент издевки. — Это Каттер, не так ли?

— Я же тебе говорил, что он мой друг, — сказал Мерсер спокойно.

Джеймс осторожно открыл дверь. Анника увидела зарево огня на его лице и попыталась

выглянуть за него. Она увидела полдюжины мужчин на лошадях, стоящих на Раздор-вэй, к западу от здания суда. Их лица были устрашающе покрыты колпаками с прорезями и они держали факелы.

Высокий мужчина стоял в центре шайки, Анника поняла, что это Каттер Дэйн.

Джеймс внезапно втянул в себя воздух и выругался. Он поднял ружье.

— Они тоже твои друзья? — спросил он Мерсера, указывая в противоположном направлении.

Аника услышала выстрел, прежде чем увидела вторую группу мужчин. Они подошли с востока, и их было больше.

— Эти нет, — всмотрелся Мерсер. — Анника, на землю. Не двигайся, пока я не скажу.

Аника увидела, как Мерсер взял пистолет у брата и присел в дверном проеме. Она не знала, кто выстрелил первым, и она не могла посмотреть на улицу. Она вопила, ржали лошади, выстрелы и крики со всех сторон.

Она увидела дым и за хаосом на улице решила, что, по крайней мере одно из зданий подожжено. Анника увидели Мерсера и Джеймса бок о бок во мраке хаоса. Она никогда не слышала столько выстрелов. Каждый тревожил нервы все больше и больше. Она поняла, почему ужас войны изменил её отца. Она закрыла глаза, когда мужской голос взвыл от боли. Никто не мог долго выслушивать эти звуки, не потеряв ума.

Ощущение руки на спине появились из ниоткуда. Анника вскрикнула и автоматически прикрыла рот. Она столкнулась с ужасающей фигурой человека в маске. Затем он снял маску, и она выдохнула с облегчением. Это был Комо Медичи. Он направил оружие на Джеймса.

— Нет! — закричала Анника, потянув его за руку. Выстрел промазал, и она протиснулась, чтобы встать между мужчинами.

— Мы все здесь на одной стороне, — выдохнула она.

— Анника! — закричал Мерсер, потянув ее на землю, когда мимо просвистели пули. Он посмотрел на своего друга. — Время для кусочка итальянской знати? Премного рад видеть тебя, Комо.

Комо еще с осторожностью смотрел на Джеймса. — Они долго не продержатся, — предупредил он. — Мы должны попытаться сейчас.

Мерсер обнял Аннику. — Как насчет Анни? Джеймс, ты должен крикнуть им. Скажи им, что внутри женщина, и она выходит.

— Я не выйду, — закричала Анника, прижимаясь к нему. — Я поклялась, что не уйду от тебя, и я не уйду. Нет, пока мы оба дышим, Мерсер Долан.

— Мерсер, — сказал Комо, когда пуля прошла через стену. — Сейчас.

Дыра, которую проломил Джеймс, и через которую, очевидно, прополз Комо, была без присмотра. Итальянец осторожно вышел через неё первым. Мерсер последовал за ним, держа Аннику за собой, в то время как Джеймс замыкал шествие.

— Пригнись, — прошипел Мерсер, когда на улице продолжала бушевать бойня. Анника решила, что возможно горит Торговый. Дым прибавил путаницы.

Аника ощущала себя дезориентированной, и вцепилась в Мерсера в суматохе. Она слышала Джеймса за спиной, пытающегося подавить кашель. Гул и выстрелы продолжались на задымленной улице, Мерсер тащил ее через неразбериху. Казалось, что они сумели пройти по крайней мере сто ярдов. Звуки хаоса рассеивались.

Комо прижался к стене здания. Он спешно говорил Мерсеру: — Лошади привязаны

позади Комнаты Розы.

Мерсер покачал головой. — Очень далеко. Не могу рисковать вести через это Анни.

Комо взглянул на Аннику. — Ты должен оставить ее. Здесь ей будет безопаснее, чем ехать с нами. Мерсер, ты же знаешь, что это правда.

Мерсер молчал.

Анника почувствовала панику. Она не останутся, в то время, как Мерсер поедет наобум. Она крепко обняла его. — Нет, черти вас дери, мужчины! Это мой выбор, и я собираюсь туда, куда вы идете.

— Мерсер. — голос Джеймса был громким и непоколебимым. — Я буду охранять её, пока ты не сможешь послать за ней, — он болезненно закашлялся, а затем выпрямился, задыхаясь, пока Мерсер спокойно смотрел на него. — Я клянусь. Я клянусь нашей фамилией.

Анника увидела, как лицо Мерсера напряглось. — Джеймс, — сказал он и протянул брату руку.

Джеймс протянул руку в ответ и на несколько коротких секунд любовь и прощение между братьями перекрыли все эту золотую лихорадку вокруг них. Джеймс отпустил руку брата с кривой усмешкой, а затем его глаза расширились, когда сам он вздрогнул. Он посмотрел вниз, в то место, где прошла пуля, скорее всего, что бы понять, что поймал её чуть выше сердца.

— Мерсер, — выдохнул он, а затем упал.

Анника в отчаянии закричала, когда Мерсер поймал брата.

— Джеймс! — он задохнулся, когда Комо пнул дверь и указал Аннике, что она должна войти.

Мерсер затащил Джеймса внутрь, Анника прикрыла ладонью рот, когда увидела, как закатились глаза Джеймса. Рана, она понимала, смертельная.

— Джеймс, — сказала она тихо, взяв его за руку, когда Мерсер положил его на пол и решительно искал пульс.

— Он жив, — сказал он, но в голосе было не так уж много облегчения. Тот вздрогнул, когда он разорвал рубашку, обнажая Джеймса, чтобы увидеть, где вошла пуля.

Комо подкрался к окну и выглянул наружу. — Затихает, — отметил он, опустив свой пистолет, когда присел рядом с Мерсером на пол. — Они должно быть разбежались. — Анника видела, как взгляд итальянца обшарил место и нахмурился. На мгновение она не поняла, почему её охватило знакомое чувство. И потом, когда она увидела хрусталь на богатом резном столе, она поняла, почему. Она бывала здесь до этого. Они были в гостиной дома Свиллингов.

Она почти сказала об этом тревожном факте, когда раздался оглушительный выстрел. Комо Медичи схватился за руку и выругался на итальянском. Мерсер бросил на Аннику отчаянный взгляд и бросился к брошенному пистолету Комо.

— Стоять, — сказал голос, и это было противный голос, полный веселья. Насмешки. — Какая необычная живописная картина. Это городской маршал лежит мертвый на моем полу?

— Я не умер, Свиллинг, — Джеймс попытался подняться, когда кровь потекла у него изо рта. — Пока не умер, — он упал на спину, задыхаясь.

Мерсер стоял и смотрел с ненавистью на босса шахты. Он удерживал взгляд Свиллинга, пока говорил. — А теперь уходи, Анни. Ты ближе к двери. Свиллинг не настолько быстр с железом. Теперь, он не выстрелит нам в спину, он понимает, черт побери, у него один шанс.

Если он потратит его, я подниму тот пистолет на полу, прежде чем он сможет повернуться. Отвечаю, босс. Всегда, — он развел широко руки. — Нужна моя смерть, не так ли? Ну, босс, я здесь.

— Нет! — закричала Анника, отчаянно пытаюсь продрасться к Мерсеру. Комо поймал ее в тиски и силой оттолкнул себе за спину.

Свиллинг весело рассматривал Мерсера под прицелом. — Мне нужно, чтобы кто-нибудь умер, — он согласился и взвел курок.

— Ты кое-что забыл, капо (*прим с итал. начальник*), — напевая сказал Комо Медичи. Генри Свиллинг остановился, не понимая, когда итальянец растянулся в улыбке под длинными усами.

— За последние несколько часов, сеньор, можете ли вы сказать, где ваш драгоценный металл?

Свиллинг моргнул.

— Сейф, — Мерсер сказал, посмеиваясь. — Ваш конфиденциальный неохранный золотой запас. Дэйнсы посчитали нужным, ах, переместить его.

Прицел винтовки дрогнул. Жирное лицо Свиллинга исказила боль. — Ты лжешь, — сказал он. Но без уверенности в голосе.

— Иногда, — согласился Комо, морщась от боли, он пожал плечами. — Но не сегодня, капо.

Аника могла прочесть по лицу Свиллинга, что он не понимал, что делать. Он был человеком, привыкшим находиться за кулисами, отправляя других на задания, полные опасности. И хотя его палец был единственным в комнате, дрожащим над спусковым крючком, она поняла, что он не был уверен, что сможет нажать на него.

Мерсер выиграл преимущество. — Жизнь Анни, — сказал он, сделав смелый шаг вперед. — Комо укажет тебе направление твоей кучки золота, как только она будет в безопасности, — Мерсер посмотрел на Джеймса, который перестал двигаться. — Посмотри на маршала, Свиллинг. Он больше не дышит. Кроме тебя больше никому верить. Комо отправиться своим путем, и я думаю, у него и мысли нет о возвращении, не так ли, друг?

Комо тихо ответил. — Верно, Мерсер.

Глаза Свиллинга сузились. — А ты?

— Стреляй в меня в гостиной. Или предай меня толпе, — Мерсер засмеялся и провел рукой по своим темным волосам. Там, в лунном свете в тот ужасающий момент, Анника до сих пор поражалась его красоте. Тогда она поняла, что он отберет его у неё. Вот-вот. Мерсер продолжал мечтательным голосом. — Черт возьми, может быть, это конец, которого я не мог избежать. Я заключил сделку с дьяволом задолго до того, как встретил тебя, Свиллинг. Кровь всегда преследовала меня, — мужчина, которого она любила, остановился и повернулся к ней. Его голос был невероятно нежный, с грузом тысячи сожалений и потерянных дней. — Я люблю тебя, Анни, — сказал Мерсер Долан. — Мы снова будем вместе. В этом мире или ином. Теперь выпусти её, Комо.

— Я тоже тебя люблю, — прошептала Анника. При звуке выстрела она почувствовала, что её душа умерла и закрыла глаза. Она не будет смотреть. Она вообще никогда не будет смотреть на что-либо. Свиллинг, скорее всего, убьет ее так или иначе, и она покинет этот мир, не увидев бездыханное тело Мерсера. Это было последнее, о чем она молилась.

— Анни, — звон выстрела рассеялся, и она услышала его голос около уха. Она спрашивала себя, умерла ли она уже, и попала ли в небытие.

Анника открыла глаза. Мерсер стоял там, живой и невредимый. Он крепко поцеловал её, и она знала, что тепло его губ на ее губах была дарованным жизнью удовольствием. Но всплеск радости был краток, пока ее разум пытался разобраться в путанице событий. Она увидела Свиллинга, лежащим неподвижно на полу, содержание его черепа отвратительно раскрасило стену над ним. И она увидела пистолет в застывшей руке Джеймса. Затем он отбросил его, и испустил глубокий стон.

Мерсер оставил ее и встал на колени к своему брату. Он усмехнулся. — Я знал, что ты играешь опоссума. Так же, как когда мы были детьми и прятались в сене на чердаке Лиззи, пока она звала нас, выполнять обязанности. Ты помнишь, Джеймс? А? — его голос был полон отчаяния.

Кровь все еще сочилась изо рта Джеймса. Анника увидела каких усилий ему это стоило, попытаться заговорить. Рана в груди продолжала кровоточить, и его дыхание было похоже на хрип. — Я помню, — сказал он. Он провел рукой по рту и поморщился от вида темной крови.

Анника опустилась на колени рядом с Мерсером и нежно положила руки на груди Джеймса. Она видела в его глазах осознание собственной смерти. Она хотела, чтобы он знал, не встретит смерть в одиночестве.

— Не виню тебя, Анника, — сказал он. Судороги боли заставили его напрячься и тогда он грустно улыбнулся ей. — Не могу тебя винить, — продолжал он, — в том, что я всегда знал.

Анника боролась со слезами. Джеймс Долан заслуживал лучшего, чем слезы сочувствия. — Джеймс, сказала она, наконец, — Прости меня.

— Не надо, — сказал он ей. Он закашлялся и попытался сглотнуть кровь, булькающую в горле. Его глаза, такие же, как у Мерсера, переместились от нее к брату и обратно. — Я бы все равно долго не прожил. Мои легкие не позволили бы. Просто знай, что я любил тебя. Знай, что я любил вас обоих. И помни меня.

— Да, — она взяла его за руку, поцеловала её, когда Мерсер застонал от горя. — Всегда. Прошло всего несколько секунд, но, показалось, что намного дольше. Вдалеке слышались крики и отблески горящих зданий, подожженных на Раздор-вэй. А Джеймса Долана больше не было.

— Мерсер, — Кома зажимал рукой импровизированный ремень. — Ты должен идти. Каттер и остальные объединятся в миле восточнее моста. Они долго ждать не будут, — он посмотрел на потолок, где по звукам на втором этаж можно было услышать, как другие жители дома уже осмелились ходить. — И даже без Свиллинга толпа жаждет твоей крови.

Мерсер смотрел на Джеймса, как будто не слышал ни слова. — Мне нужно похоронить его.

Кома нетерпеливо набрал воздуха в грудь. — Ты не можешь.

— Я могу, — сказала Анника. Она подняла глаза и спокойно посмотрела на Мерсера. — Я удостоверюсь, что он обрел покой. Я должна это сделать. Мне нужно это сделать. Ты понимаешь, что не можешь остаться.

Мерсер посмотрел на нее. Анника почти могла разглядеть внутреннюю борьбу, которую он вел сам с собой. Раздор-Сити не забыл о нем. Со смертью Джеймса и Свиллинга, и бедлама учиненного дэйнсами, шею Мерсера будут искать еще пуще. Вооруженные до зубов, преследуемые по всей Территории, а наличие Анники накладывало бы ответственность. Но если он убежит с Каттером Дэйном, невозможно было угадать, когда она снова увидит его.

Недели, года, возможно, никогда.

— Можешь ехать? — Мерсер медленно спросил Комо.

Итальянец сжал свою руку. — Это голимый выстрел, амиго, и я могу ехать, да. Но не так как ты, ребятам нужно отпрапляться, чтобы избежать правосудия на Территории, — он шагнул к Мерсеру ближе и пронизательно глянул на него. — Я должен тебе, Долан. Ты спас мою жизнь больше одного раз. Помнишь, Блэк-Хиллс?

Мерсер неопределенно кивнул. — Блэк-Хиллс. Да, я помню.

Анника обняла его. — Я найду тебя. Моя любовь. Я это сделаю, — она поцеловала его.

— Я помогу ей, — сказал Комо. Он им криво ухмыльнулся. — Медичи не любят иметь долги, — он неторопливо направился к двери. — Я не должен присутствовать, когда на это все прольется свет, — он обвел вокруг здоровой рукой, указывая на кровавое месиво и мертвые тела. — Я обещаю тебе, Мерсер, я прослежу за её безопасностью.

Когда Комо Медичи вышел, Мерсер снова повернулся к Аннике и провел рукой по ее щеке. Что напомнило ей, как они впервые поцеловались, мгновение страстной неразберихи. Казалось, это было так давно, подумала она. Это было, действительно, давно.

— Только не забывай меня, — Анника задохнулась, когда обняла его за плечи и прижалась к нему еще раз.

Широкие руки Мерсера гладили её по спине. — Как бы я смог, милая девушка.

Он не попрощался. Анника была рада. Слова бы преследовали ее. Она стояла в гостиной дома с двумя трупами мужчин. Где-то в доме стала кричать женщина.

— В этом мире или ином, — прошептала она сама себе.

И потом, как раз до того, как миссис Свиллинг обнаружила своего мертвого мужа и заголосила, разум Анники очистился от ненужных мыслей.

Я буду помнить.

Раздор-Сити, штат Аризона
Наши дни

Мэддокс не мог открыть глаза. Он чувствовал себя плавающим на грани сознания, в попытке выплыть на поверхность, как утопающий за глотком воздуха. Затем тьма тянула его вниз. Где-то между этими попытками он нашел своего отца.

— Говорил же, — сказал Священник, укоризненно помахав пальцем. Это был не Священник в его последние дни, истощенный и задыхающийся. Этот человек был большим и полным жизненных сил, даже моложе того отца из детства Мэда. Он был одет в кожаную куртку и с дерзкой улыбкой на лице, выражающей неповиновение.

Этот Священник перекинул ногу через мотоцикл, который была черным до последнего дюйма. Он все еще качал головой, явно огорченный, что его слова не были услышаны.

— Говорил же, держаться подальше от тех холмов, мальчик. Ничего там нет, кроме смерти. Золото и смерть. Все тоже самое, — Священник завел двигатель. Мэддокс размышлял, где, на хрен, этот призрак Священника собирается ездить, так как они, казалось, застряли вместе в каком-то диком сером не понятно чем. Тогда участок тумана рассеялся, и Мэддокс увидел низкие пики Возвышенности Скорпиона.

Священник обернулся и криво улыбнулся. — Все будет в порядке, Мэдди. Открой свои глаза. Твой брат здесь.

Мэддокс обнаружил, что не мог говорить и двигаться. Он мог только наблюдать, как его отец уезжает в сторону гор, и туман сгущается за ним, оставляя Мэддокса одного в безликом пейзаже.

Беспомощно, он поднял глаза и попытался двигаться. Где-то, как-то. Остаться здесь, понял он — умереть. Лицо Габриэлы вспыхнуло в его уме, и он нашел в себе силы, чтобы оттянуть кулак. С ревом он ударил сквозь туман и жестко приземлился на холодном полу.

Мэддокс попытался открыть глаза, но что-то давило на глаза. Он попытался пошевелить руками и не смог, потому что они были связаны за спиной. Но тот, кто сделал узел, был небрежен, и через несколько мгновений ему удалось освободить свою правую руку и встряхнуть ей. Он сразу же почувствовал, что на его лице не было маски или повязки. То, что он не смог открыть глаза, было связано с большим количеством засохшей крови, пролитой из его раны на голове. Он потер глаза и моргнул несколько раз, пытаясь восстановить зрение, когда его голова мучительно гудела.

Было темно, он это понимал. Повсюду затхлый запах, смешанный с резким запахом химикатов, из-за чего его желудок перевернулся. Он осторожно протянул руку и кончиками пальцев уперся в гладкую стену. Он двинул ногой, найдя еще одну стену. Комната была маленькой, очень маленькой. Мэддокс предположил, что он был где-то в закутке Скорпион-Грилль. Он припомнил, как Брайс грохнул его по голове и почувствовал, как рык рождался в его горле. Мэда застигли врасплох один раз. Это не произойдет дважды.

Он осторожно сел, стараясь не шуметь. После того, как поймут, что он пришел в себя, они вернутся. Если бы у них было на уме убить его, они бы это уже сделали. Отчаянные люди зачастую безрассудно жестоки.

«Звони копу», сказал Брюс.

Возможно, им сперва нужно поговорить с Дженсеном. Может быть, они знали, что Дженсен единственный, у кого были яйца хладнокровно расправиться с ним.

Так ли Чез встретил свою кончину? Мэддокс не знал, как и когда, но эти люди — Дженсен, Брайс, Алан и Чез — явно обнаружили давно потерянный тайник с контрабандным золотом из старой шахты Скорпиона. Детями, они любили повторять слова «искатели, хранители», но все это было не так-то просто. Но то, что не найдут, никогда не хватятся. Если бы они обналичивали золотые самородки осторожно и тихо, ни один не догадался бы.

Тем не менее, что-то пошло не так в их маленькой системе, и это стоило человеку жизни. Мэддокс тяжело выдохнул и сжал кулаки. Он, к чертям, не собирается умирать следующим.

Мэддокс спокойно ощупал тьму вокруг себя, чтобы найти что-нибудь, что мог бы использовать в качестве оружия. После того, как он определил, что ощупывает пластмассовый совок, он в гневе отложил его. У него был проблеск надежды, когда он вспомнил про свой мобильный телефон. Но даже прежде, чем схватился за задний карман, где он обычно хранил его, он вспомнил, как оставил телефон в руках Мигеля.

Он мог слышать тихий гул голосов, с другой стороны стены. Мужских голосов. Действительно, у него было мало защиты против пистолета Дженсена. Но он был уверен, что, как только случится дерьмо, он быстренько спрячется и будет умолять сохранить ему жизнь.

«Открой свои глаза. Твой брат здесь».

Действительно, когда Мэддокс поднапрягся, то смог разобрать низкий и четкий голос Дженсена, смешивающийся с двумя гнусавыми.

— Мой брат, — сказал он сквозь стиснутые зубы. Пульсация в голове усилилась с очередным всплеском злости.

Этот мужчина там не был его братом. Его реальные братья были в сотне миль отсюда, в глубине пустыни Мохаве. Он сейчас должен быть с ними.

И Габи.

Его сердце больно сжалось при мысли о Габриэле. Что бы ей ни сказали, она не поверит. Даже сейчас они, должно быть, забрали его байк с передней автостоянки и спрятали его там, где никто не найдет. Она поверит, что он бросил ее.

С Мэда Маклеода хватит. Он подтянул ноги и со всей силы толкнул в стену. Его левая нога прошла прямо через гипсокартон и голоса с противоположной стороны стихли.

— Он очнулся, — сказал Дженсен со вздохом.

Мэддокс попытался встать, когда услышал приближающиеся шаги. Стук с другой стороны двери был вежливым, почти с издевкой.

— Мэд?

— Хэй, Джен, — отозвался Мэддокс, его сердце бешено колотилось. — Ты не против выпустить меня отсюда?

Он услышал шепот с другой стороны, а затем Дженсена, ясно говорившего кому-то "Отвали".

— Мэддокс, мой ствол направлен на дверь. Так и будет, пока мы все не выясним.

Мэддокс рассмеялся. — Таким образом, ты сможешь выстрелить в меня, и не нужно будет смотреть мне в глаза? Пошел на хуй, Дженсен. ПОШЕЛ ТЫ!

Дверь распахнулась, это стало неожиданностью. Мэд отступил назад, выругавшись,

когда яркий свет хлынул из комнаты. От резкого перехода из абсолютной темноты к свету, он вероятно получил сотрясение, и Мэддокс почти ослеп.

Кто-то включил переключатель и лампочка осветила бесстрастное лицо Дженсена Маклеода. Ниже его мрачного лица было дуло пистолета. Дженсен направил пистолет прямо на Мэддокса, понятное дело. Мэддокс смог различить фигуры двух других мужчин, пока они ждали Дженсена.

— Мэддокс, — тихо спросил Дженсен. — Что, черт возьми, ты делаешь?

Мэддокс собирался блефовать, но одного взгляда на мрачное лицо Дженсена было достаточно, чтобы понять, что это бесполезно. Дженсен, казалось, ждал, что он ответит. Мэддокс решил, что все равно может это сделать пока еще мог.

— Так это такой ты на самом деле? Не стойкий блюститель закона или степенный семьянин. И конечно же, на хер, не достойный отец.

Дженсен на миг вздрогнул. — Следи за языком, мудак.

— Почему? Мы все знаем, что нет никакой чертовой разницы.

Брайс ответил за Дженсена. — Это верно, — согласился он. — Нет.

Мэддокс облизал пересохшие губы и попытался встать. — Итак, Чез стал жадным, возможно, захотел больше, и вы решили, что будет легче разделить все на троих, вместо четырех?

Дженсен нахмурился, по-видимому смутившись. Мэддокс решил, что под всем этим он все еще ребенок, который ненавидит врать своей матери о том, где он был.

— Это правда, Дженсен? — он нажал сильнее. — Так?

Его брат улыбнулся. Это было ужасно. — А что с того, если бы это было правдой?

— Что с того? Думаешь что с того, что твой сын сказал бы, если бы он сейчас увидел тебя?

Улыбка исчезла. Дженсен чуть-чуть поднял пистолет.

Мэддокс покачнулся от головокружения и боли от сотрясения. Кто знал, что Сандерс, эта крыса, ударит его чем-то? Что бы это ни было, оно нанесло глубокий порез чуть выше правого виска. Он почувствовал, как кровь течет по одной стороне.

— Может быть, — распаляясь сказал Мэддокс, — ты его тоже запер. И Габи. Тогда смог бы остаться наедине со своим золотом. И эти лохи тоже.

— Не надо, — прорычал Дженсен, — ни слова о моем сыне. Я не обязан давать какие-либо чертовы ответы, — он поперхнулся. — Семья ни черта для тебя не значит. Я убил, чтобы защитить моего мальчика.

Чез угрожал малышу.

Алан говорил об этом, и на данный момент у него не было причин лгать. Это не изменило того факта, что Дженсен навел на него пистолет.

Брайс скользнул в сторону Дженсена, как змея. Мэддокс с тревогой наблюдал, что он тоже держал пистолет. Он даже не посмотрел на Мэддокса. Он говорил только с Дженсеном.

— Ни в коем случае, Маклеод. Ему не достаточно будет уйти. А что ты будешь делать, когда он приведет сюда тех горилл в коже? Они убьют тебя, изнасилуют твою жену, перережут глотку твоему ребенку.

Мэддокс громко рассмеялся. — Ты пересмотрел телевизор, мудак.

Тем не менее, он видел, что Дженсен не собирался оспаривать слова Брюса. Алан подкрался к своему двоюродному брату.

— Сделай это, — он просюсюкал словно шенок. — Просто сделай и покончи с этим.

— Дженсен, — сказал Мэддокс, и это было больше, чем слово. Это было последнее слово его брату. — Только не позволяй Габи думать, что я смылся от неё. Убедись, что она знает, как сильно я ее люблю. Сколько себя помню, я всегда любил ее.

Дженсен сделал несколько шагов назад и повернулся к стене. Он посмотрел на потолок.

— Эй, Мэд, — сказал он сдавленным голосом. — Помнишь, то время, когда мы заблудились там, в горах после наступления темноты?

— Конечно, я помню, — медленно сказал Мэддокс, вспоминая давнюю ночь. — Нам было, что-то около, шести или восьми?

— Вроде так, — ответил Дженсен. — Шесть и восемь. Мы искали клад. Мы вырыли около десятка ям наугад. Кое-что о ямах, Мэддокс, продолжай копать их, и в конечном итоге найдешь что-нибудь. Боже, там было так темно. Ни единого огонька, койоты выли из каждого угла. Ты думал, что это волки.

Мэддокс решил, что услышал всхлип в голосе брата. Это означало, что он засомневался над тем, что делает. Это также означало, что он, скорее всего, сделает это.

— Я помню, — сглотнул он. — И я помню, как ты сказал прекратить плакать, и мы пели старого Джонни Кэша снова и снова до рассвета.

— Черт, Священник был зол.

— Имел полное право.

Дженсен обернулся. Выражение его лица было другим, чем несколько минут назад.

— Убирайся, Таунсенд.

Брайс нетерпеливо кивнул. — Это верно, чувак, просто покончи с этим. У нас на кону наша история. Его никогда не найдут.

Дженсен поднял голову. Он, казалось, прислушался. После нескольких секунд он улыбнулся.

— Вы кое-что забыли, господин мэр, — сказал он, направив пистолет в его сторону.

Брайс напрягся. — Что?

— Горилл.

Брайс усмехнулся. — Кучка байкеров гангстеров? Они никогда даже не узнают, где искать.

— Они узнают, — неопределенно сказал Дженсен, убирая пистолет. — Потому что я позвонил им.

— Нет, — не верил Брайс, покачав головой. Он осмотрелся, сконцентрировав свой взгляд на Дженсене. — Ты на хрен не мог.

— Мог.

Мэддокс не смел сделать вдоха. В схватке между Дженсеном и Брайсом, он совсем забыл об Алане. Очевидно, что и Дженсен тоже забыл об Алане.

Он шагнул вперед и открыл рот, как будто собирался что-то сказать Брайсу, когда Алан вскрикнул и нырнул к чему-то на пороге. Очевидно, это было какой-то важный предмет, потому как Дженсен потянулся за пистолетом. И он был намного быстрее, чем Алан.

— Положи, — строго сказал он Алану.

Алан поднял винтовку и прицелился в Дженсена. Мэддокс мог видеть, как дрожит ствол.

— Алан, — сказал Дженсен еще более строго. Обе его руки были теперь на его же пистолете. Он будет стрелять, если понадобится.

— Зае**ло это, — сморкнул Алан. — Зае**ло это все, и я зае**лся, — и заплакал. Он опустил винтовку со стоном. Мэддокс увидел, что Дженсен немного расслабился и обратился к Брайсу. Его инстинкты должно быть за годы работы за столом заржавели. Мэддокс даже не успел крикнуть, чтобы предупредить, как Алан Таунсенд дернул винтовку к плечу и пробил дыру в груди брата.

Дженсен опустился на колени, красная дыра по центру груди стала больше, когда начала кровоточить.

— Черт! — закричал Брайс. — Ты е**ный ублюдок, — он ударил своего двоюродного брата, когда Дженсен уставился в недоумении на пулевое ранение. Мэддокс с ужасом наблюдал, как брат осознал то, что рана была нехорошей, скорее всего, смертельной.

Брайс Сандерс начал вышагивать, ругаясь про себя. Смерть байкера было достаточно тяжело утаить. Смерть местного полицейского скрыть практически невозможно.

Наконец, он остановился и бесстрастно уставился на Дженсена.

— Прикончи его, — приказал он Алану, — черт побери, я сказал, прикончи его!

Алан поднял винтовку. Но его колебания стоили ему жизни, Дженсен был еще в сознании. Он поднял свое оружие и выстрелил, попав Алану прямо между глазами.

Мэддокс видел всплеск крови и услышал бульканье обреченного человека, когда тот упал. Брайс снова выругался, но, казалось, забыл, что сам все еще держит пистолет. Он пнул труп своего двоюродного брата и разразился ругательствами. Мэддокс всегда считал, его тем, кто не сражается честно. Но он был еще хуже. Он поручал свои грязные дела другим. Он не хотел запачкаться.

Брайс даже не взглянул, когда Мэддокс пополз в сторону брата. Дженсен все еще дышал, но Мэддокс мог слышать, как он боролся за каждый вдох. Дженсен открыл один глаз и улыбнулся, пока кровь продолжала сочиться из груди.

— Ты, — прохрипел он, — выглядишь хреново, — он поморщился, Мэддокс попытался прижать рану на груди.

— Я знаю, — тихо сказал Мэддокс, вспоминая день, когда он вернулся в Раздор-Сити, как он сказал Дженсену, что тот хреново выглядит, когда увидел его впервые за десять лет. Грудь Мэддокса стянуло, когда он увидел, что кровь текла независимо сколько бы он ни пытался остановить её. Вся кровь была уже в грудной полости, дошла до горла и выливалась из его рта.

Мэддокс пытался встряхнуть брата в руках. — Давай, — сказал он хрипло. — Ты будешь в порядке, Джен.

Он забыл об угрозе, оставшейся в комнате, пока не услышал щелчок в спину. Он покачал головой. — Все кончено, Сандерс, — прошептал он. Глядя вниз, он увидел, как Дженсен смотрит на него сквозь едва прикрытые веки. Его брат сделал едва заметный кивок.

— Будет кончено, — согласился Брюс Сандерс, но его голос дрожал. Мэддокс знал, что он не позволит остаться свидетелям. И история пишется живыми.

Пистолет по-прежнему был зажат в руке Дженсена. Если Мэддокс схватит его, Брайс, безусловно, выстрелит первым. Он верил, что у Дженсена осталось еще несколько унций силы.

Медленно, очень медленно, Мэддокс поднял руки и завел их за голову. Затем он рванул вправо, расчистив путь для Дженсена, тот поднял руку и выстрелил. Офицер Маклеод не промазал, засадив Брайсу прямо в лоб. Взгляд мэра Раздор-Сити остекленел и он ослеп, когда завалился, уже мертвый с пулей в черепе.

Дженсен бросил пистолет и поморщился, еще больше крови вылилось из его рта. Мэддокс почувствовал, что его тело обмякло и потяжелело, когда он попытался поднять его. С болезненным вздохом он собрал все свои силы и понес своего брата. Когда он, шатаясь, прошел через ресторан, он должен был ненадолго положить Дженсена вниз, чтобы открыть дверь. Вот когда он услышал, что Дженсен улыбнулся, когда задрал голову всего на несколько минут.

Они ехали по Раздор-вэй, и никогда не было более красивого зрелища, чем эта стая мужчин. Байкеры, бандиты, преступники, независимо, как миру было угодно называть их, они были там для него.

Орион Джексон, во главе как всегда, увидел его первый и, направился к нему, как и остальные. Грейсон. Каспер. Абель. Брэндон. Даже Тиг и несколько парней из Куартзсайта на подмогу.

— Господи, Мэд, — сказал Орион с тревогой, когда спрыгнул с байка. Мэддокс сразу увидел, что он загоразивал и жестом показал ему спрятаться. Сирены уже вопили со всех сторон.

Мэддокс, должно быть, выглядел еще хуже, чем думал. Все мужчины в шоке уставились на него. Но у него не было времени беспокоиться о своих травмах. Мэддокс зашел в здание и втащил брата. Голова Дженсена мотылялась, как у куклы. Красное пятно расползлось по всей рубашке.

— Парни, — тихо сказал Мэддокс, — знакомьтесь — мой брат, Дженсен.

Он присел на корточки, зная, что они все стояли у него за спиной, мужчины, которые прилетели к нему, когда услышали, что нужны ему. Это утешало его, даже когда он держал на руках угасающего брата. Отступники окружили братьев Маклеод, пока сирены стали громче. Никто ничего не говорил. Мэддокс почувствовал сильную руку на спине, в сочувствии, когда он наклонил голову и заплакал.

***

Дженсен очнулся один раз, до того как умереть. Мэддокс хотел спросить его, был ли он в сером тумане, видел ли он отца. Но Дженсен пытался делать последние вдохи. Он понимал, что ошибся. Он взял то, что было не его, и заплатил за это. Другие тоже. Они уже заплатили самую высокую цену. Вскоре и он заплатит.

Было то, что для Мэддокса никогда не будет понятно. Это не имело значения. Дженсен пришел в себя из-за Мигеля. Он схватился за руку Мэда и посмотрел ему в глаза в полной ясности.

— Позаботься о моем мальчике, — прохрипел он.

Мэддокс сжал руку Дженсена. Она уже была ледяной.

— Ты сам о нем позаботишься, — сказал он.

Но Дженсен только улыбнулся и покачал головой, отвернувшись, когда машины скорой помощи приблизились с включенными сиренами.

Люди бросились к нему и Мэддокса оттолкнули в сторону. Он не плакал, когда они отчаянно везли брата к операционной. Он отплакался. Он уже знал, что это не поможет.

— Передавай привет Священнику, — прошептал Мэддокс.

Когда Габи дико ворвалась на место происшествия, она вскрикнула и бросилась в его объятия. Она дотронулась до его лица и обследовала на повреждения. Мигель спокойно шел за ней, его лицо было бледным и взволнованным, когда он огляделся. Мэддокс повел их туда, где ждали Отступники.

— Так они приехали, — с удивлением сказала Габи. Она кивнула каждому из них и села рядом с Мэддоксом, и поглаживала его, как будто ей нужно было удостовериться, что он цел. Мужчины пытались поддерживать веселую светскую беседу с Мигелем, в то время как Габриэла рассказывала, что знала.

— Дженсен прилетел, сказал мне, если в течение часа ничего от него не услышу, чтобы забирала Мигеля и уезжала подальше. Он заметил, что у Мигеля твой телефон. Я не понимаю, почему он схватил его. Это было, как будто он отчаянно что-то искал. Он спросил, знаю ли я, кому бы ты позвонил, если бы тебя нужна была помощь. Все, что я смогла вспомнить это имя Ориона. Боже, Мэддокс, я была так напугана. Я слышала, как он звонит, и не знала, что, черт возьми, думать. — Габи сорвалась и заплакала, прижимая колени к груди. — Дженсен поцеловал Мигеля в лоб и сказал ему, что он лучшее, что было в его жизни. Мэд, это звучало, как будто он прощался.

Мэддокс с болью закрыл глаза. — Он прощался, — сказал он. Он знал, что ему требовалась перевязка раны на голове. Понадобятся швы. Вполне вероятно, есть сотрясение мозга. Он знал, что он все равно будет жить.

В конце концов появилась Кейси, жена Дженсена. Она с интересом смотрела на Ориона, пока он не отвернулся от нее. Затем она обратила свое внимание на телефон со скучающим выражением на лице.

Мэддокс ждал, держа руку Габриэлы в своей, пока врач не пришел, чтобы сказать им, что Мэддокс уже и так знал. Его брат скончался.

Глава 24.

*Раздор-Сити, Территория штат Аризона
1890*

Анника отказалась хоронить Джеймса на городском кладбище. Там был похоронен Свиллинг, и она не могла переварить его фальши. Её взгляд на город изменился. Все изменилось. Там больше не было хороших людей и плохих людей, не так как она всегда полагала. Все были окрашены серой кистью. Она могла бы остаться в Раздор-Сити, молча терпеть презрение местных жителей, пока она коротала бы время в ожидании весточки от Мерсера. Но она не могла там оставаться надолго. Комо предложил увидеться в заброшенном Блэк-Хиллс.

Последний раз Анника Ларсон Долан проезжала через Раздор-Сити, она остановилась перед Комнатой Розы. Несколько грязных голубок лениво развалились на балконе второго этажа. Они с любопытством посмотрели на нее, когда она в приветствии подняла руку. Она была известна, как жена убитого блюстителя закона и известна, как любовница преступника. Женщины помахали, и Анника посмотрела на их размалеванные лица, интересно, какие истории за их плечами.

День, когда умер Джеймс Долан, половина зданий на Раздор-вэй были повреждены или разрушены. Их быстро восстановят, и правда этих событий будет скрыта или просто забыта.

Анника почти не давала себе читать газеты. Были организованы отряды для преследования банды Дэйнсов. Но Каттер, Тэннеры, и остальные, включая Мерсер просто исчезли с просторов и упорно не собирались быть пойманными.

Комо держался в тени в течение последние дни в Раздоре. Анника знала, что он оставался в старом сарае позади местечка Лиззи Пост, пока его плечо заживало, и ждал, когда она закончит свои юридические дела. Его ошибкой было рассказать ей, где было спрятано украденное золото. Сам Каттер Дэйн вырыл неглубокое отверстие на скорую руку близко к Старому Улью. При этом, он, конечно, планировал вернуться сюда в ближайшее время. Но это было для Анники так просто направиться туда на следующий день, и найти его. Она с хрустом открыла сейф Свиллинга и уставилась на это, на простую коллекцию камешков, которые были причиной такого количества горя. Она думала, что спустит содержимое на дно Хассаямпы. Но нет, как только камешки будут неизбежно обнаружены, то это просто запустит новый раунд золотой лихорадки. Тогда она решила, что закопает его в горах. Но даже это не казалось достаточно безопасным. Таким образом, она принесла его к единственному месту, которое имело для неё смысл. Где он мог разделить компанию с людьми, которые умерли из-за него, прямо или косвенно. Она похоронила его в землю рядом с ним.

Комо был зол. Он потребовал, чтобы она сказала ему, где она спрятала сейф с золотом. Анника отказалась рассказывать.

— Ты расскажешь мне, бэлла(*красавица*), — яростно сказал он, его пальцы сжались вокруг ножа, который он держал.

— Нет, — сказала она категорически. — Я не расскажу. Кроме зла от него ничего хорошего нет. И если ты причинишь мне вред, Джакомо Медичи, ты не сможешь отдать долг человеку, которого называешь другом.

Комо ослабил свою руку и вздохнул. Анника ожидала, что он будет и дальше давить на неё, но он этого не сделал.

— Мы выезжаем завтра, — наконец сказал он с горькой усмешкой.

Днем, когда она собиралась покинуть Территорию, Анника стояла на маленьком кладбище. В месте, которое выглядело словно покинутое, но она предпочитала думать иначе. Кучка могил уже заполненная невезучими шахтерами. А теперь среди них был Джеймс Долан. Это было ни чем не обязывающее место, конечный приют, свободный от притворства тех, кто называет себя цивилизованными людьми. Анника ощущала, как развивается вокруг неё черный креп ее траурного платья, и тихонько прощалась с Джеймсом. Затем она заскочила на коня и последовала за Комо в пустыню. Блэк Хилз был очень далеко и зима была не за горами.

Анника едва замечала проносящиеся дни или мили, которые она проехала. Каждый вечер до того, как закрыть глаза и окунуться в забвение, она возносила небольшую молитву. О том, что он будет еще жив. О том, что она снова сможет быть в его объятиях. Ее сны были полны им, но к ее огорчению они всегда заканчивались.

Анника рассталась с Комо Медичи в станционном городе под названием Безнадега. Он сделал то, что обещал. Он и Мерсер трудились в этой части одним тяжелым летом, долбили тоннели сквозь горы, чтобы поезда могли через них ездить. Именно там Мерсер рисковал своей жизнью, чтобы спасти своего друга, когда дело с динамитом пошло наперекосяк. Комо рассказывал эти вещи Аннике, запинаясь, и что уж говорить, это было более подходящее место, чем любое другое характеризующее Мерсера, учитывая их окончательный разговор. Анника кивнула.

— Спасибо, — сказала она хитрому итальянцу. — За все, что ты сделал, Комо. Куда ты сейчас поедешь?

Он улыбнулся ей. — Не могу точно сказать, миссис Долан. Это большая страна, и многое направляется для исследования.

— Да уж, — она задумчиво кивнула. — Мерсер однажды говорил что-то подобное.

Когда Комо Медичи уехал, Анника решила, что она больше никогда не увидит его снова. Она была права.

Блэк Хиллз был холодным, мистическим. Анника заняла квартиру в местном пансионате и попыталась отмахнуться от собственной неприкаянности. Затем вдруг замужество местной учительницы открыло вакантное место, и Анника заняла должность учителя детей Безнадёги. Зима была трудная, чем когда-либо в её жизни. Ветры были неумолимы и пробирали до мозга костей, как никогда не было на протяжении ее тусклых сезонов в Висконсине.

Анника не представляла, что каждый новый день возможно приближал её к Мерсеру. Она не знала, как он найдет ее, и когда. Она знала только, что все равно найдет. С Территории Аризоны так далеко на севере новостей было немного. После переселения Анника написала письма своей семье, информируя их о своем решении мигрировать из-за горя смерти мужа. Она улыбнулась, когда пришло письмо от сестры. Бритта соблазнилась рассказами Анники о Западе; она и колоритный Кассий Маклеод уехали на Территорию Аризоны.

— Боже, помоги Территории, — улыбнулась Анника и посмотрела в свое окно на разыгравшуюся очередную метель Дакота.

Весна тихо пришла в эту деревушку, когда последние вдохи зимы неохотно исчезли.

Анника наблюдала, как просеивается всякий люд через Безнадегу. Большинство ехало плотно сбитыми группами, сея грубость и хлопоты. Среди них Мерсера не было.

Школа была в центре города. К началу апреля дети стали неусидчивыми в связи с хорошей погодой. Они отвернулись от своей работы и смотрели с тоской в единственное окно, пока Анника пыталась привлечь их внимание к учебе. Но когда головы склонились обратно к их работам, Анника сама подошла к окну. Последний снег растаял, оставив на улицах грязь и слякоть. Но начали появляться пучки зелени, и люди, подпитывались от них энергией, которая уходила в жестокой северной зиме.

Анника вздохнула, и мальчик с темными волосами с любопытством взглянул на нее. Она улыбнулась ему, думая о Дези де Кампо. Ей пришлось путешествовать налегке после ухода из Раздора. Она не могла и думать о лучшем опекуне для своих драгоценных книг, чем Дезидерио де Кампо. Она отдала их ему в плотной деревянной коробке, которую нашла среди вещей Лиззи Пост. Наткнувшись на него, она поняла, что он выглядел необычайно похожим на сундук, который дэйнсы украли на одной из станции давным-давно. В тот день судьба изменила ход жизни Анники. Мальчик был благодарен за книги. Анника знала, что так и будет.

— Учительница, — темноволосый мальчик поднял руку.

— Да, Джозеф, что?

Мальчик облизнул губы, глядя вокруг на своих сверстников, которые молча подталкивали его.

— Так как эта пятница перед Пасхой и погода будет такой же прекрасной, могли бы отпустить нас немного раньше?

Анника почувствовать на себе напряженный взгляд каждого ребенка в комнате. Она усмехнулась. — Я думаю, что это прекрасная идея, Джозеф, — она подошла к столу и схватила большой серебряный колокольчик, громко зазвонив в него. — Класс свободен!

Крики детей разнеслись эхом по небольшому зданию. Анника собиралась попросить их замолчать ради приличия, но остановилась. Они были счастливы. Действительно они толкались, визжащие маленькие маячки жизни. Пока они выходили из здания, Анника прибирала свой стол, улыбаясь.

— Довольна собой, да?

Он сказал ей как раньше, именно в таком же тоне. Она на этот раз не задохнулась, и не свалилась на пол. Она выпрямилась, по-прежнему повернутая к доске, испугавшись, что развернется и обнаружит, что голос возник в ее памяти.

Но мышцы, обнявшие её за талию, были очень реальными. Как и тепло его тела и ощущение его дыхания на ее шее.

— Мерсер, — прошептала она, нащупав его руки и страстно прижав их. Только тогда она смогла развернуться.

Он выглядел иначе. Его темная борода покрывала низ его лица и его кожа была покрасневшейся, как будто он провел последние шесть месяцев непосредственно в природных условиях.

— Анни, — сказал он, и его голос принял тот же соблазнительный оттенок, как и всегда.

Мерсер коснулся ее волос, ослабив шпильки, с благоговением на лице. Она знала, почему; до этого момента она даже никогда не позволяла себе полностью довериться ему находясь в его объятиях.

Ее волосы упали на поясницу, и она обвила руками его сильные плечи. Мерсер коснулся ее лбом, уже глубоко дыша от сдерживаемой страсти таких долгих прошедших месяцев.

— Ты помнишь, — спросил он, — первый раз, когда мы поцеловались?

Она резко припала своими губами к его рту. Его язык нашел ее. Его руки страстно гладили её.

— Я помню, — выдохнула она, а затем никогда не отпускала его.

Эпилог.

Раздор-Сити, штат Аризона
Наши дни

Раздор-Сити был небольшим городком. Было бы невозможно сохранить дику историю убийства и украденного золота в тайне. Это порождало больше вопросов, чем ответов. Что касалось золота, никто не знал, что осталось, и где оно было. Это будет уже другая история потерянного сокровища. Возможно, через сто лет оно снова воззовет к худшей стороне человеческой природы.

Дженсен оставил инструкции кремировать его после смерти. Это было задачей Мэддокса, с той поры, как Кейси пожала плечами после кончины мужа и объявила, что она покидает город.

Последний раз, когда Мэддокс говорил с ней, у неё сигарета свешивалась со рта, и она проклинала Дженсена, пока бросала свои вещи багажник их пикапа. — Тупой сукин сын, — ругалась она, — оставил нам чертов беспорядок, — она пнула одну из шин и забормотала, ожидая, что Мэддокс предложит помощь.

Мэддокс посмотрел на нее и скрестил руки на груди. — Я уверен, что ты сможешь найти кого-то другого, чтобы сосать кровь бедного ублюдка, — бросил он ей, — Пиявки всегда находят.

Кейси не стала парировать. Ее ноздри раздулись, и она отвернулась от него, отмахнувшись. Мэддокс оставил ее с её мучениями, которые она сама себе доставляла

Отступники остались, пока Мэддокс очистился от всех ошибок. Затем они заскочили на свои байки, смотря на весь мир, как на инструмент библейского возмездия, и вернулись в Куартзсайт. Мэддокс обещал присоединиться к ним в ближайшее время и поднял руку в прощальном жесте, пока они не скрылись из виду. Ему понадобилась, по крайней мере еще неделя, чтобы все свернуть. Грейсон, не спрашивая, застрял на дольше. Мэддокс был ему благодарен.

Поздней ночью, когда мотоклуб вылетел из города, Мэддокс решил скинуть суету и сел под полной луной. Грейсон вышел из дома и присоединился к нему.

— Как голова? — спросил друг.

Мэддокс коснулся длинной линии швов. — Выздоровела, — сказал он. — Но это самая простая часть разговора, не так ли?

— Да, — Грейсон кивнул. — Так и есть, — он колебался. — Ребенок ужасно тих.

— Я знаю, — вздохнул Мэддокс. — Он все еще пытается все переварить. В его жизни было много потерь за последнее время. Габи даже не может отправить его в школу, потому что там все еще ходят неприятные толки.

Габриэла уже решила, что будет вредно держать Мигеля в Раздор-Сити. Слишком много уродства, слишком много людей поверили, что Дженсен Маклеод был грязным полицейским. Она и Мигель уедут с Мэддоксом, и двинутся в Куртзсайт. Мэддокс решил что, продав дом Священника, он будет в состоянии купить там небольшой дом. Это будет означать большие перемены, Мэддокс понимал. И так, все уже неминуемо изменилось.

Грейсон продолжил все еще на тему Мигеля. — Для него будет хорошо начать с чистого листа.

— Надеюсь.

Мэддокс в темноте чувствовал на себе взгляд Грэя.

— И для тебя это тоже будет хорошо, Мэд. Она тебе подходит.

Мэддокс посмотрел на луну. Когда он был маленьким, он слышал о Человеке на Луне и полагал, что тот был настоящим, тем, кто присел на вершине Луны на троне и присматривал за землей. Когда Священник рассмеялся и показал ему, что особенности Луны могут напоминать лицо, если только правильно посмотреть на них, Мэддокс расстроился. Его отец подметил насколько смешно, когда думаешь о чем-то иначе, чем это оказывается на самом деле. Это был урок, который он забыл где-то по пути.

Мэддоксу что-то стукнуло, и он громко рассмеялся. — Эй, Грейсон? Так ты думаешь, Мэд Маклеод, многолетний бабник и циничное дерьмо, может стать семейным человеком?

— Да, — сразу ответил Грейсон. — Я думаю, что он уже стал.

Мэддокс слышал скрип открывающейся двери и обернулся, чтобы увидеть Габриэлу, стоящую в длинной футболке. У него перехватило дыхание, как всегда, от ее простой красоты и блаженства от ее присутствия. Он слегка хлопнул Грэя по плечу и поднял свою даму на руки, понес ее в дом, непосредственно в постель.

В этот раз она была агрессивной, такой как она иногда бывала, став на колени и взяв его в рот еще до того, как он закрыл дверь. Мэддокс запустил руки в ее густые темные волосы и заставил двигаться жестче. Когда он почувствовал, что близится к крайней точке, он отстранился и поднял ее. Ему нравилось, что она лихорадочно сбрасывала свою одежду, когда прижималась ближе, обхватив ногами его талию, он повалил ее на кровать, сливаясь с ней в одной блаженной страсти.

— Я люблю тебя, Мэдди, — выдохнула она.

— Я тоже тебя люблю, ГАБС, — ответил он, пока жестко кончал, изливаясь в нее.

Позже, когда они вместе лежали в тихом удовлетворении, они не разговаривали о том, что случилось. Они говорили о том, что будет. Они отправятся в Куарцсайт. Они станут семьей.

На следующий день Мэддокс помог упаковать Uhaul(прим компания-перевозчик, осущ.их на фургонах), который поведет Габи в Куарцсайт, пока Мэддокс поедет на своем мотоцикле. Они с собой много не брали. Многие из вещей Габи и Мигеля все равно были испорчены, когда их дом затопило. Мэддокс забрал то, что хотел из дома Священника и оставил все остальное. Большинство продается риэлтором на аукционе недвижимости. Последнее, что он схватил, стала картина в гостиной. Мэддокс печально посмотрел на лица исчезнувшей семьи Маклеод. Он остался единственным. Это было грустно.

Мигель выскочил из-за двери и позвал его. — Эй, Мэд, мама хочет знать, ты закончил?

Мэддокс улыбнулся племяннику, и мальчик криво усмехнулся в ответ. В ближайшие годы Мигель наиболее остро будет чувствовать потерю Дженсена. Мэддоксу много чего было ему рассказать. О его отце, о его бабушке и дедушке. Истории только и оставались, чтобы рассказывать их следующему поколению. Мэддокс обнял худенькие плечи своего племянника, и они вышли на ослепляющий солнечный свет.

Грейсон уже был на своем байке. — Я поехал, ладно? — окликнул он.

— Да, чувак, — махнул Мэддокс. — Нам сперва кое-что еще нужно сделать, а потом мы тоже выдвигаемся.

Грей подмигнул. — Я позабочусь о легкой уборке, до того как вы приедете.

Мэддокс видел вопросительный взгляд Габи, но Мэддокс только махнул Грею и

наблюдал, как тот отъезжает. Пока Мэддокс не нашел дом, им троим придется ютиться в его трейлере. Он тихо попросил Грея, избавиться от порнографических постеров, украшающих стены его трейлера. Он не хотел, чтобы Габриэла и Мигель увидели это. Мужчина, обклеивший этим дерьмом стены, уже не вернется. Грей рассмеялся, но не шутил насчет наличия у него шаров.

— Ну, что? — сказала Габриэла. Она и Мигель ждали в конце гравийной дороги. Мэддокс достал две небольших керамических урны из багажника Uhaul и присоединился к ним. Погода была достаточно приятной для прогулки. Габи плотно сжимала руку Мэда, пока они смотрели, как Мигель четко направляется к месту, которое хорошо изучил.

Мэддокс рассчитывал, что все будет точно так же, как в последний раз. Он оказался прав. Это место не сильно изменилось.

— Привет ребята, — поприветствовал он могилы, склонившись и коснувшись одной, которая всегда привлекала его.

— Брат, — прочитал он. Одно слово печального воспоминания.

Мэддокс посмотрел в сторону Возвышенности Скорпиона. Это было красивое место. Его отец и брат тоже так думали. Он открыл урны и одновременно высыпал их, а Мигель и Габи наблюдали за ним.

— До свидания, — прошептал он, когда прах рассеялся. Он нашел старый сейф в пещере. Мэддокс решили оставить его там, поместив в него урны.

Габриэла обняла сына, мальчик рыдал. Мэддокс обнял его и почувствовал прилив сильнейшей любви и заботы. Которого никогда бы снова не ощутил без Габриэлы де Кампо. Когда он поцеловал ее десять лет назад, он понял, что нашел правильную девушку. Он должен был сказать ей это еще тогда. Они уже потеряли много времени, чтобы найти свой обратный путь к друг другу, но все, наконец, было так, как это должно быть. Мэддокс взглянул на Мигеля и положил сильную руку на спину мальчика. Это была его плоть и кровь. Это была его надежда на будущее. С Маклеодом и де Кампо не будет покончено, не так скоро.

Мэддокс обнял свою семью, когда они покинули кладбище. Там их ничего не держало. Мэддокс поклялся, что последний раз покидает Раздор-Сити.

Мэддокса охватило чувство, похожее на то, которое разлилось в нем в первый раз, когда он стоял на кладбище с Габриэлой. Это была мощная смесь эмоций, которая не вполне имела место, как будто рожденное из всего человеческого опыта в этом месте. Он поймал Габи врасплох, когда резко наклонился и поцеловал ее глубоким и полным страсти поцелуем. Она ответила так же, горячо, прежде чем отступила и посмотрела на него с красноречивой улыбкой.

— Зачем ты это сделал?

Мэддокс пожал плечами и взял ее за руку. — Просто должен, — он прижал ее и прошептал ей на ухо. — Я собираюсь делать это, и многое другое. Каждый день.

Ее взгляд был полон дразнящего смеха, когда она подняла голову.

— Ты очень великодушен, дорогой, — сказала она, и Мэддокс понял, что она напоминала ему их историю.

И их будущее.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Примечание от автора:

Был когда-то цветущий город под названием Раздор-Сити. Тем не менее, он возник вокруг серебряного рудника, а не золотого и он был расположен в другом регионе современной Аризоны. Существует городок недалеко от легендарной реки Nassayampa, но он называется Wickenburg и действительно не имеет никакого сходства с вымышленной версией Раздор-Сити, описанном в «Помни меня». Однако там прекрасные достопримечательности, если вы окажетесь в районе Феникса.